

ИЛЬЯС НАЙМАНОВ

**СТРАЖ
МОНОЛИТА**

16+

Ильяс Найманов
Страж Монолита
Серия «Страж Монолита», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28068386

SelfPub; 2019

Аннотация

Что есть Зона? Как легенды Зоны могут жить на этой смертельно опасной территории, практически не пользуясь летальным оружием? Почему Зона неподвластна человечеству и что знает об этом наука в охраняемом бункере на Янтаре? Неприметный сталкер Бобр чужд этих вопросов: он просто хочет заработать. Однако постепенно он приходит к пониманию законов аномальной территории, приобретая то, о чем не мог даже мечтать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Псы	6
Глава 2. Лагерь новичков	27
Глава 3. Добыча	51
Глава 4. Возвращение	87
Глава 5. Переход	95
Глава 6. Янтарь	119
Глава 7. Противостояние	126
Глава 8. Сева	147
Глава 9. Основная теория	173
Глава 10. Поход	203
Глава 11. Встреча	230
Глава 12. Охота	252
Глава 13. Домик в лесу	266
Глава 14. Ночное	275
Глава 15. Пустые земли. Западня	300

Пролог

Молнии через проливной дождь разрывали ночное небо. Зоны, шквальный ветер раскачивал кустарник, заставляя деревья терять и без того скудную листву. В кратковременных вспышках молний было видно, как отдельные листья, прибиваемые тяжелыми каплями, стремительно пикируют на землю, чтобы больше никогда не взлететь на потерянную высоту. Роскошный мутировавший куст сирени, содрогающийся под порывами ветра и избиваемый тяжелыми каплями, с трудом прикрывал сидящего под ним и скрывающегося от постороннего глаза вооруженного человека, нещадно поливаемого проливным дождем. Вдруг что-то привлекло его внимание, он окаменел и затем медленно, стараясь не делать лишних движений, обернулся. Тяжелая когтистая лапа во вспышке молнии схватила его за голову и, дернув, втащила внутрь куста. Раздались душераздирающий крик и громогласное рычание зверя.

Спящий на двух сколоченных досках сталкер подскочил и принял вертикальное положение, секунду соображая, что происходит; поняв, что это сон, он судорожно сглотнул и облегченно выдохнул.

– Фу, приснится же такое...

В темноте тесного помещения мелькнул зеленый экран ПДА, показывающий 4:30 утра, послышалось бульканье и

звуки больших глотков: человек жадно пил воду из фляжки. Утолив ночную жажду, он удовлетворенно вздохнул. Поерзав несколько секунд на жестких досках, накрытых прохудившимся матрасом, фигура, практически неразличимая во тьме, успокоилась, еще через мгновение послышалось мирное сопение спящего человека.

Глава 1. Псы

Зеленая полоска рассвета, плавно переходящая в нежно-розовый цвет, постепенно набирала силу. Редко день в Зоне начинался так хорошо. Вместо хмурых туч и мелкого депрессивного всепроникающего дождя, облученная и залитая кровью территория подарила свою немудреную ласку в виде прохладного легкого ветерка и светло-серого неба с размазанными и раздавленными гигантскими ложками по его поверхности облаками. Утренний ветерок торопливо погнал пару пожухших тополиных листьев по растрескавшемуся асфальту, которые, карябая твердую поверхность своими угловатыми кромками и переваливаясь с боку на бок, обгоняли друг друга, спеша, наконец, закрепиться в пучках сероватой травы. В вершинах деревьев разбуженные вороны, по-своему воспринявшие благосклонность Зоны, затеяли крикливую потасовку, хлопая смоляными крыльями и роняя веточки свитых ими неказистых гнезд. Наземный мир, несмотря на всю его уродливость, сейчас был приветлив и безмятежен, но под тонким слоем растрескавшегося и приподнятого корнями облученных деревьев асфальта, на глубине нескольких метров существовала и другая жизнь – человек.

Сталкер Бобр, переночевавший в своем схроне, проглотив нехитрый завтрак, состоящий из привычного набора тушенки и хлеба, запиваемого водой с запахом обеззаражива-

ющей таблетки, сверился с ПДА и готовился выбираться наружу.

Благо его схрон был из разряда «полулюкс» и не требовал особой маскировки, расположенный в канализационном люке под старым добрым полусгнившим автобусом ПАЗ. Эта незлобивая конструкция с выбитыми стеклами и прошитая автоматными очередям незначительно фонила, как и вся техника в Зоне, брошенная после первой аварии на ЧАЭС. Но сталкер, который в свое первое время нахождения в Зоне отчуждения, как и все новички, преисполненный романтики, любопытства и глупости, но пуще всего подгоняемый скоро приближающимся Выбросом, почти полгода назад отыскал крышку люка под днищем автобуса, занесенную слежавшимися листьями. Благодаря своей subtilной комплекции он, протиснувшись под автобусом, подцепил люк ножом и обнаружил вполне чистый и сухой зиндан с вбитыми в стены скобами, некоторым количеством тряпья и напрочь заваленным лазом, куда уходят трубы и откуда, в принципе, могла появиться опасность.

Опасность в Зоне это такая же тавтология, как вода в реке. Это там, на Большой земле есть опасности, а здесь их нет, здесь они просто меняются на смерть, зачастую быструю и очевидную, но нередко затяжную и непонятную, оттого еще более пугающую и нежелательную, наводящую слепой морок отрешения на всех, кто был ее свидетелем. Сам Бобр разменял в Зоне год, это достаточно много времени по меркам Зо-

ны и совсем немного по меркам Большой земли. Здесь за год сталкер вполне способен превратиться из лопухого щенка в крепкого середнячка. Походя некоторое время в отмычках, он понял два основных правила: не лезь, куда не знаешь, – убьет, и не стой – убьют. Эти простые и в то же время сложные правила несколько раз спасли его скромную жизнь, когда он даже не подозревал об этом. На практике освоив эти два положения, он по ряду причин обособился от своей группы и теперь, вполне освоив тактику одиночки, промышлял в неглубокой Зоне.

Итак, сверка с ПДА была окончена, активных форм жизни указано не было, аномалии – две воронки средних размеров – стояли на вчерашних местах. Бобр, оправившись в припасенную пластиковую бутылку, поскольку негоже метить собой территорию рядом со схроном, обозначая ее мутантам, перетянул ремни разгрузки, проверил шнурки на берцах, потряс рюкзак, проверяя, не постукивает и не позвякивает ли чего. Удовлетворившись результатом, Бобр схватился за вбитые в бетонные кольца скобы и полез наверх. Отдвинув самодельные задвижки на люке, он приподнял люк, высунув голову для осмотра узкой щели между брюхом ПА-За и асфальтом. Свежий ветерок, разогнавшись в узком просвете между асфальтом и днищем автобуса, с азартом швырнул ему в рот кучку пыли, но, вызвав лишь легкий кашель и улыбку, полетел дальше. «Правильно, нечего рот открывать», – пожурил сам себя сталкер. Не высовываясь целиком

из люка, Егор прислушался... Далекий и вездесущий собачий вой, шуршание какой-то пленки в умершем автобусе над головой, шум деревьев... вороны... никакихстораживающих звуков или неправильной тишины.

Еще раз порадовавшись погоде, он червем начал выкарабкиваться из люка. При этом, чтобы вылезти, ему понадобилось упираться ногами в скобы и стенки, но дело было знакомое, и через минуту он уже беззвучно закрыл люк, вставив контрольную щепу в щель между люком и ободом напротив приметной царапины, и закидал его мусором. Теперь предстояло самое главное – появиться на свет, но не на тот свет, где тебя ожидают добрый акушер и уставшая мать, а другой, где могут ожидать несколько голодных ртов местной живности, считающих человека частью своего рациона.

Пока Бобр был под автобусом, в голове все еще было ощущение успокаивающей возможности ускользнуть от опасности, в случае чего тебя и заметят не сразу, и прыгнуть на спину не смогут, и подстрелить – тот еще вопрос. К подсознательному нежеланию появляться на открытой местности еще добавлялось свежее ощущение от отсутствия его коротенького, но надежного автомата АК-47, который он оставил вчера возле аномалии и не решился поднять. Теперь ему просто физически не хватало тяжести в правой руке и легкого постукивания передвигаемого автомата о землю. Кроме того, прямо напротив его лица в асфальте появились три свежие царапины, вскрывшие выцветшую корку асфальта и об-

нажившие более темный нижний слой. Покрутив головой, он нашел еще несколько таких следов. Прикинув и так, и этак, что за мутант мог этой ночью шарить лапой под автобусом, Бобр с чувством вздохнул о потерянном автомате.

Калаш он оставил, руководствуясь правилом, уже давно не требующим доказательств: не знаешь – не тронь. А дело обстояло так: подбираясь к электре, возле которой красовалась изюминка его сегодняшней коллекции – артефакт «бенгальский огонь», за который он рассчитывал получить с Сидоровича приличные деньги, он оставил подальше свой АК-47, чтоб не привлечь интереса аномалии тяжелой железкой, рядом же положил и рюкзак. Через полчаса кропотливых усилий, беспрестанных оглядываний через оба плеча и кидания в артефакт палочек, веточек и другого неаппетитного для электры мусора он, наконец, вынудил прекрасный светло-голубой, подернутый белесой дымкой артефакт выкатиться к его ногам. Балансируя на одной ноге, не делая резких движений и чувствуя, как волосы на его теле от воздействия сильного электрического поля то прилипают к телу, то встают дыбом, он бережно уложил «бенгальский огонь» в контейнер и медленно, полуприсядом вернулся к своим вещам, лежавшим неподалеку. Каково же было его удивление, когда, нагнувшись первым делом за автоматом, он, одернув руку, заметил, что ствол серебрится мягким призрачным светом. Пораскинув мозгами, Егор решил, что до кордона недалеко, а с автоматом неизвестно, что может случиться. Может,

не стреляет, может, это и зараза какая на нем светится, да и не слышно что-то про сталкеров, ходящих со светящимся оружием. К тому же под рукой особо запасливого сталкера всегда есть верный модифицированный пистолет «Глок-17» с пятью обоймами на семнадцать патронов, мощный и надежный, плюс, как называл их его приятель Древень, «погремушки», четыре гранаты. Две оборонительные Ф-ки и две РГД-шки, который несколько раз чуть не пригодились, но так и не были использованы. Егор каждую ходку собирался оставить «погремушки», но в силу природной запасливости, осторожности и, куда уж без этого в их профессии, суеверия постоянно брал с собой. Жизнь у сталкера одна, по крайней мере та, в которой он хоть что-то смыслит, и ситуевины в ней случаются всякие, пули за угол не летят и тварь какую-нибудь не всегда остановят, а граната может.

Ну что, сказано – сделано, АК остался нетронутым, сиротливо лежащим на пригорке, а рюкзак, проверенный при помощи счетчика встроенного в ПДА на радиацию и вообще для профилактики потыканный палочкой, был водружен на спину в походное положение. Вот теперь, лежа у заднего колеса автобуса, Егор, еще раз обдумав решение оставить автомат, признал правильность этого решения и с «Глоком» наизготовку по возможности быстро и бесшумно выбрался на обозрение, как ему казалось, всему миру. Отделавшись от бутылки, он выбрал курс, обратившись в слух и зрение, сжимая в руке психологическое оружие и предмет самоуспо-

коения – пистолет, направился на юг в сторону берлоги Сидоровича.

Далекий вой, обнаруженный им еще с утра, приблизился, и теперь он был короче, в нем были нотки заинтересованности. Бобр тихо ругнулся, вслушиваясь в доносимые ветром звуки. Определенно собаки шли по следу, каким-то шестым чувством он понял, что они идут за ним. Сталкер ускорил шаг, ощущая явное нежелание встречаться хоть с одним представителем местной фауны.

Бежать по Зоне глупо, это известно всем, по Зоне могут бегать только местные обитатели, а человек может бегать только в крайнем случае, когда у него остается выбор между съедением преследующей его нечистью или залетом в аномалию. Хотя есть некоторое разнообразие в вариантах исходов: можно быть разорванным, вывернутым, порезанным или прожаренным аномалией, что называется, до летального исхода, или сначала получить от нее увечья, а потом быть съеденным обрадованными разнообразившимся меню преследователями.

Вот именно по этой причине Егор не позволил себе бежать, а лишь ускорил шаг. Держа в одной руке ПДА, а в другой пистолет, он направился к ближайшему холму, чтобы с него осмотреться и найти себе укрытие. Та местность, по которой он брел сейчас, представляла собой изрытое колдобинами, трещинами, поросшее редкими кривыми деревьями, мелким кустарником и не очень зеленой травой поле. Бегать

тут себе дороже, а прятаться негде. Тут только к вечеру вылезут тушканы и будут прочесывать бесплодную окрестность в поиске павших, больных и раненых. Бобр еще раз выругался, осознав ситуацию, но страха не было, пока что было не до него. Очень нервировало отсутствие автомата, который бы дал перевес на средней дистанции, а теперь с одним пистолетом, вслушиваясь в нарастающий многоголосый харкающий лай, он понимал, что его шансы были не просто не хороши, а сводились к математической погрешности, и если он срочно что-нибудь не придумает, то добытый им артефакт вытащит из его контейнера более удачливый коллега.

– А-а-а, сволота! – уже в голос прикрикнул Бобр, различая кашляющий лай слепых псов.

– Ахр-рр, ахр-рр, – будто услышав его, дружно откликнулись идущие по следу слепыши.

Егор был уже на пригорке, с левой стороны от изначально взятого направления на юг к берлогу Сидоровича, он увидел старый грузовичок: то ли ГАЗ, то ли ЗИЛ, отсюда было не видно. Еще дальше, правее были какие-то строения, он знал их и понимал, что там спрятаться не получится, единственное, что можно там сделать, это умереть спиной к стене либо наскочить на задержавшихся там сталкеров, но туда сначала надо добежать. Что-то подсказывало Бобру, что лучше даже не дергаться в сторону строений, а вот грузовичок, которого он раньше не видел, вполне можно использовать для сохранения своей тушки от домогательств со стороны зуба-

стых тварей.

– Ахр-рр, ахрр, – уже явственней был слышен воинственный лай этой мутировавшей своры.

До ближайших преследователей было меньше километра, метров восемьсот. Сталкер буквально кожей почувствовал ту скорость, с которой неслась в его сторону стая. Мгновенно вспотев и практически не отрываясь от ПДА, он теперь уже почти побежал к грузовичку, хорошо, что почти... но не побежал.

ПДА со встроенным дозиметром и датчиком аномалий, детектором жизненных форм и другими важнейшими гаджетами все же был электроникой. Времени на обдумывание и выдачи данных требовалось по-разному – от одной до десяти секунд, и то не факт, что он сообразит верно и укажет на то, что есть в действительности. Вот и сейчас молчавший прибор вдруг издал истеричный, захлебывающийся писк, и сталкер одновременно увидел буквально в паре метров перед ним включающуюся жарку. Однако тело сработало раньше, чем мозг успел передать своему носителю информацию, а глаза увидеть опасность, и Егор каким-то чудом успел отпрыгнуть назад, испытав мгновенный чудовищный жар. Повалившись за спину, он схватился за фляжку, чтобы начать тушить грудь и лицо, боль была нестерпимой. Но, к счастью, Зона не стала так банально разделяться с ним, и действительных повреждений жарка не нанесла, хотя эти несколько секунд, что она задержала его, возможно, будет достаточно,

чтобы решить его судьбу в пользу вечно голодных слепых псов. Отпустив фляжку рукой, так и не выпустившей пистолета, Егор вскочил и, практически не задерживаясь на промаргивание слезившихся глаз, вслепую, по памяти контура аномалии обошел ее и тут уже действительно побежал.

До грузовика оставалось больше ста метров, преследователи уже показались на квадратном зеленоватом экране ПДА в виде цепочки красных точек. То есть, если предел фиксации встроенного детектора жизненных форм был двести метров, то собаки уже пересекли этот предел. Скорость бегущего во весь дух человека с рюкзаком, болтающимся на ходу притороченным противоголозом и контейнерами была приличной, но что такое бегущий человек и бегущие по его следу слепые псы? Вот, глядя на ПДА, сталкер увидел отделяющихся от стаи самых быстрых преследователей, которые с пугающей скоростью отделялись от остальных красных точек по направлению к центру ПДА. Тактика проста: стоя поняла, что человек уже просто бежит и не собирается организовывать оборону, поэтому вперед вышли самые быстрые псы, которые должны будут задержать беглеца, а к тому времени добегут остальные, и сталкер будет с рычанием поделен на несколько смачных ништяков для альфа-псов и на несколько меньшие для других. Ох как не хотелось быть съеденным, ох как не хотелось чувствовать на себе яростные рывки, разрывающие тело, и слышать затухающее в умирающем сознании рычание мутантов. Эта картина на секунду

пронеслась у сталкера перед глазами, а грузовик так медленно приближался. «Быстрее!! Еще быстрее!!» – сиреной приближающейся катастрофы командовала телу нервная система, заставляя надпочечники выплескивать весь стратегический запас адреналина. И вот Бобр, выпучив глаза и открыв для лучшего забора воздуха рот, неся, выжимая все, что можно, из своего организма, гулко топоча бертцами по бесплодной почве Зоны, теперь уже четко понимая, что может достаться в равной степени и случайной аномалии, и псам. Кроме этих двух бед, сам грузовик, на который он уповал как на единственное спасение, мог оказаться радиационной могилой, и тут ему уже останется только горько посмеяться и отписаться всем друзьям-товарищам, и завещать знатный хабарок, схроны и тайники своему другу-одиночке и вольному сталкеру – Древню. Но в данный момент было не до сочинения эпитафий почившему герою. Ноги горели огнем, дыхание на выдохе превратилось в стон, а на вдохе в хрип кровососа. Шестым или седьмым чувством Егор чувствовал на спине взгляд прямого преследования, уже, казалось, слышал дробь стремительно перемещающихся лап, но оборачиваться не было смысла. Тридцать метров, двадцать метров, скосивши взгляд на долю секунды на ПДА, невзирая на тряску, он увидел две идущих другу за другом красные точки, которые, казалось, уже были в центре ПДА, а это значит, уже за его спиной.

– А-а-а-а! – и человеческое тело перекидывается за борт

ЗИЛа, падает в кузов, разворачивается и вскидывает пистолет к преследователям, и тут же раздается звук удара тела о борт машины.

Первый слепой пес не рассчитал прыжок, поскольку все-таки незрячесть имеет свои минусы, несмотря на компенсацию отсутствия зрения другими способностями, а вот второй пес почти достиг своей цели, в прыжке закинув обе передние лапы за борт и судорожно скребя задними, пытаясь найти опору и заскочить внутрь. Но не тут-то было, практически не чувствуемая в данном состоянии сталкера отдача верного «Глока», и, в оскаленной, покрытой язвами морде с истекающими слюной кривыми и желтыми, какими-то полупрозрачными зубами появилось отверстие, и пес, негромко пискнув, откинулся назад. «Вот хрен тебе, а не мокасины, тварь!» – злорадно успел подумать Бобр и тут же, привстав на одно колено, приготовился встречать остальных. Но псы были не настолько глупы, чтобы теперь прыгать на грузовик. Поняв, что человек так просто недосыгаем и готов к обороне, мало того, уловив, что сейчас он начнет посыпать их убийственными выстрелами, они вдруг сменили прямолинейный бег на скачки в сторону и рассредоточились прямо с магической быстротой. Первые три пули, выпущенные, казалось, в самую гущу преследователей, нашли свой покой в земле, а мутанты, прыгая и гавкая, крутились в десятке метров от кузова, выпрашивая новые подарки. Зная тактику слепышей, Бобр пересилил яростное желание расстрелять все и вся и

не стал тратить патроны. Не обращая внимания на бешеный ритм сердца, он уставился на показатели радиоактивности. Чисто, ну или практически чисто. По крайней мере не более, чем везде, даже странно. Обычно железо в Зоне показывает цифры в несколько раз выше окружающего их фона, но тут исключение, и слава создателю. Сейчас Бобр увидел, что кузов наполовину нагружен слежавшимся песком, на который его в силу более чем изматывающего бега и начало выворачивать. «Ах вы... – думал Бобр и, глядя на суесящихся внизу собак и ощущая рукоять пистолета в руке, позволил своему желудку извергнуть завтрак, – твари... я вам щас устрою карусель!»

Но ничего устраивать он им не стал. Убедившись, что собакам недоступна данная высота, и отстрелив пару особо инициативных слепых псов, пытавшихся перескочить в кузов через капот, всадив им по паре тупоносых с высоким останавливающим действием медалей в морды и грудь, он попытался оценить обстановку. Одна собака, оставляя разводы на металле, трупом сползла по капоту вниз, а другая, скуля, убралась под машину. Впрочем, что не убито сразу, скоро станет сильнее, это Бобр тоже знал и не списал мутанта в трупы. Всего он насчитал вместе с уже убитыми преследователями около двадцати особей. Теперь, находясь в относительной безопасности, стараясь держаться ближе к центру кузова, сталкер скинул рюкзак, сменил обойму с тупоносыми патронами на патроны с собственноручно надпиленным

и слегка раздвоенным наконечником. Егор был готов показать псам, из какого теста сделан.

Вообще он не был бойцом по своему образу поведения в Зоне, скорее, он предпочитал тихий и скрытный способ передвижения, но тем не менее, убедившись однажды в эффективности надпиленных пуль на ближней дистанции, он заготовил две обоймы таких патронов. Однако слепыши не торопились подставить свои облезлые каркасы под выстрелы и, поскуливая, трусили под машиной и недалеко от нее. Зная, что из пистолета в них нечего и пытаться попасть, сталкер не стрелял, а стоило ему лишь направить в их сторону руку с пистолетом, как несколько слепых псов, находящихся в зоне потенциального выстрела, вытягивая безглазую морду, начинали переминаться с ноги на ногу или отпрыгивали в сторону. Впрочем, пару выстрелов он все же сделал, но лишь спровоцировал раздражающую суматоху среди собак да уменьшил боезапас. Собаки еще попрыгали и погавкали некоторое время вокруг машины, пытаясь спровоцировать еще большее количество выстрелов, но Егор не стал играть в тир. Положение было патовое, хорошо, что он находится практически на периметре Зоны и тут кроме грузных кабанов, плотей и гадящих от радости привольной жизни собачек практически нет других мутантов. Изредка одинокий кровосос или чернобылец выйдет на эту неприятную для них территорию, но в целом и все. Ну еще и тушканы, но здесь они не водятся в таком количестве, чтобы собираться в огром-

ные стаи и атаковать при свете дня. Ночью другое дело, ночью разумный сталкер должен зашхериться в убежище, принять чего-нибудь антирадиационного граммов сто–двести и не отсвечивать, поскольку ночью в Зоне, даже в такой близости от периметра, иной раз творятся страшные вещи.

А сейчас был день, точнее, 10:30 по местному времени. Скулящие внизу безглазые мутанты почему-то не могли испортить понимание того, что в душе нет страха. Солнечная погода сейчас баловала уставшего от дождей и сырости сталкера. Бобр, почесав брови, обнаружил паленные волосы вместо них, что вызвало легкое недоумение и облегчение при воспоминании о том, что он все-таки не влетел в жарку.

Да, Зона не захотела убить его, поскольку, если бы захотела, это было бы уже сделано. Тут среди сталкерского народа, давно пытающегося разобраться возле ночного костра, что есть Зона, существует много поводов для разговоров. Кто-то приводил в пример философию Долга, Свободы или Монолита, но, как правило, все одиночки отказывались воспринимать такой подход, на то они и одиночки. Вот друг Бобра – Древень, бывший преподаватель физики, много рассуждал, что такое Зона, приводя в пример Лесника или Болотного доктора как сталкеров-старожилов. Он считал их теми, кто действительно умеет понимать законы этой территории так, что она позволяет им, чуждым для нее элементам, припеваючи жить в ней на протяжении нескольких лет. А это, согласитесь, поневоле привлечет во внимание, особенно в раннем

сталкерском возрасте, когда только-только начинает приходить понимание, что на этой аномальной и не сдающейся человечеству территории правила игры диктует совсем не человек.

Бобр вышел из статуса новичка около полугода назад, научившись отличать зерна от плевел, то есть действительных сталкеров от прихлебателей, какими бы они ни были. Прихлебатели были разные: от грустных отмычек, боящихся пройти до известного места, до тупых командиров, кормящих своей командой аномалии по пути к артефакту. А таких здесь не мало. Каштаны из огня чужими руками таскать тут многие не брезгают, вот поэтому Бобр, поняв, что хабара находит, соображает и стреляет не хуже других, решил уйти от группы и сталкерить самостоятельно. Вот и сейчас, сидя в центре кузова, он нисколько не жалел, что нет напарника, даже наоборот, он хотел разделаться с оседавшей его стаей самостоятельно. Единственное, что его настораживало и могло стать действительно очень большой проблемой, – это возможное появление бандитов, или бандосов, как называли их сталкеры. К его счастью, в прошлом месяце их несколько раз крайне удачно потрепали объединившиеся вольные сталкеры, и они либо убралась в Темную долину, либо попросту засели до поры до времени в норах, хотя, может, их так же удачно потрепали мутанты, уже знающие, что после перестрелок обязательно будет кем поживиться. Либо трупом, либо раненым, да и уставший и не обеспеченный бое-

припасом двуногий гораздо легче сдавал свои жизнеутверждающие позиции. В любом случае уже достаточно долго на ПДА не приходило новостей о нападениях бандитов возле периметра.

Отдышавшись и успокоившись, сталкер решил, что пора действовать. «Собачек на понт не возьмешь, ночь здесь сидеть... можно и не пересидеть, помощи звать – с тем же успехом можно и пулю в голову пригласить. Нет, сам, пока сам», – определился Бобр. Еще раз оглядевшись и успокоившись, он выглянул за борт. Так и есть. Несколько псов вытянули морды и насторожили уши в его сторону. Остальные продолжали бродить поодаль, как будто его здесь нет. Сталкер плюнул, чтобы хоть как-то выразить свое презрение к тварям. Один из псов подошел поинтересоваться и обнюхать плевков, псы не были лишены обычного собачьего любопытства. Сталкер, сидя в кузове, посмотрел на облеваный им песок, аккуратно подцепил его снизу ладонями, беря глубже, чтобы не испачкаться, и бросил в сторону мутанта, пытаясь хоть на таком уровне нанести ему моральный ущерб. Тут уже несколько псов потянулось к резкому запаху. «Любопытство не порок, а смертный грех, – смекнул Егор. – Сейчас я вас, песики, угощу, вы главное не расходитесь». Внутренне улыбнувшись своим мыслям, он распаковал рюкзак, достал консервы, хлеб, колбасу, стандартный походный набор сталкера и начал медленно есть. Стараясь получать истинное удовольствие от еды, он как бы между прочим достал

гранату. Мутанты, почуяв запах съестного, заволновались, начали приподниматься на задние лапы, хрипло лаять, скулить. Издалека это могло быть похоже на стаю крупных городских собак-попрошаек, которые встают в позу перед обедающим в шашлычке человеком в надежде получить подачку. Но вблизи эти уродливые морды и тела, покрытые язвами, кровоподтеками, лопнувшими и вновь открытыми ранами, внушали ужас. Теперь дело за малым, стараясь не думать о том, что делает, сталкер отщипнул маленький кусочек колбасы и бросил за борт. Через секунду один из псов подхватил угощение и остался на месте повернув безглазую морду в сторону сталкера. За первым кусочком последовал второй, теперь за угощением рвануло уже несколько собак. За вторым последовал третий, большой кусок – еще несколько собак присоединилось к подбору, даже возникла драка из-за исчезнувшего куска. Он лег на песок в кузове, отметив про себя, что глубина песка составляет около полуметра. Теперь, лежа на спине, он открыл тушенку, засунул в рот кусочек и, заставляя себя упиваться и оценивать вкус еды, бросил кусок мяса за борт. Ажиотаж слепых псов вырос до предела: они метались и скулили внизу, чувствуя запах пищи и emanации человека, получающего удовольствие от ее принятия. Егор был уверен, что все до одного псы участвуют в схватке. Теперь сталкер, вообще ни о чем не думая, кроме как об удовольствии от еды, засунул в полупустую банку гранату РГД-5, вымазал ее в соку и, стараясь не выдать своих замыс-

лов биением сердца, ведя себя так, как будто ему страшно хочется спать, выкинул сначала почти пустую банку тушенки, на которую псы отозвались дружным харкающим лаем, не думая, выдернул чеку из гранаты и, словно нехотя, бросил ее вслед, после чего, опять же словно нехотя, повернулся на бок подальше от борта, за который кидал гранату, и открыл рот. За долю секунды до взрыва он всем своим существом почувствовал, что псы уже видят взрыв, что они считали информацию о том, что сейчас будет, с подкорки человека, но было уже поздно. Разогнанные запахами и мозговыми волнами удовольствия человека, принимающего пищу, включенные стадные рефлексы самих псов не дали мутантам, ринувшимся в кучу в поисках упавших подачек, вовремя остановиться. Это было решающим фактором. Грянул взрыв, грузовик качнуло, скрежетом отозвались проржавевшие рессоры на возмущение, с звонким шорохом осколки прошили борт и увязли в песке. Сталкер, казалось, на секунду потерял сознание, запахло нездоровой кровью, плотью и гарью. Выглянув за борт, Бобр не увидел ни одного живого тела.

– Вот это здорово, вот это по-нашему, – ошалевши, проговорил он, расширив глаза, пытаясь обхватить всю картину целиком. В ушах шумело, в глазах двоилось – теперь ноги в руки и на базу...

Спустившись, он, не расслабляясь, осмотрелся вокруг через мушку пистолета, понял, что пара тел еще остались живы. Одно из них – это первый пес, который штурмовал грузо-

вик через капот и, получив пулю в грудь, остался лежать под колесом, и второе тело, безжалостно посеченное осколками, скребло лапами, судорожно пыталось встать, но только перекатывалось с одного бока на другой. «Ха! Твари, – победно подумал Егор, – не довелось сталкера попробовать?!» Но внезапно лихорадочное возбуждение покинуло его, и усталость после снятого нервного напряжения вдруг навалилась ненужным хабаром. Пробежка с полной выкладкой не входила в ежедневную утреннюю программу Бобра. «А с автоматом, наверное бы, не добежал», – подумал сталкер, удивляясь причудливости обстоятельств. Он подошел к собаке, той, что пыталась заскочить в кузов машины через капот и получила выстрел в широкую крепкую грудь. Она лежала под машиной у переднего колеса.

Стоит ли говорить, что прямое попадание пули 9×19 в грудь человека приведет к смерти в ту же минуту, не говоря уже о нормальной собаке меньшего, чем человек, размера. Но тут был другой случай – все мутанты поддерживаются аномальной энергией Зоны, которая также влияет и на человека. Лежащий на животе пес походил на чучело, которое мастер-скорняк выделал в пьяном состоянии. Шкура в разрывах и порезах, вылезавшие клочья шерсти, под которой пробивался новый подшерсток, поднятая и неподвижная небольшая голова, прокусанные уши, плотно прижатые к голове. Присевший от собаки в паре метров человек увидел беззвучный оскал и свежую пулевую рану, уже начавшую

было затягиваться, но вновь открывшуюся между передних лап собаки. Из раны медленно надувались розоватые пузыри. «Черт, ну надо же какие живучие», – невольно восхитился сталкер и поднял пистолет, чтобы разнести псу голову выстрелом в упор. Бобр знал, что недобитые мутанты рано или поздно находят обидчика.

– Не оставяй за спиной недобитого, ни врага, ни мутанта, – всегда твердили старожилы.

Настало время воспользоваться их утверждением. Но внезапно что-то поменялось: ветер переменился, сердито зашумела растительность, стало как будто темнее, это был знак. Знак от Зоны, что она не желает смерти этому существу и что она получила свою жатву на сегодня на этом участке своей территории. Тут Бобр сам осознал, насколько он был близок к смерти и как ему неслыханно повезло. «Спасибо Зоне, отпустила меня живым и с хабаром, не каждый день так везет». Мысли о хабаре, лежавшем в рюкзаке, освежили его, близость к скорому отдыху, костру, законных ста граммах вселили уверенность в том, что жизнь прекрасна, хоть и не лишена поворотных моментов. Бобр встал, еще раз огляделся, сверился с ПДА и уверенно, но так же собранно двинулся на юг в сторону берлоги Сидоровича.

Глава 2. Лагерь новичков

Прогулки по Зоне особенно вредны для туристов, слишком умных и для дураков. По этой причине сталкер Бобр, он же Егор Казмаутов, не спешил расслабляться и вел себя так, как будто он шел не по окраине Зоны, а по своей «рабочей» территории, к которой причислялась, конечно же, территория до Свалки, крайние восточные окрестности Агропрома и западные окрестности Темной долины. Ходить дальше в одиночку он не решался, поскольку Дикие территории, Армейские склады, хоть и были более уловистыми на артефакты, но и Зона там уже спрашивала за хороший хабар дороже. Да что говорить, для многих сталкеров даже входной билет оплачивался жизнью или рассудком.

Там в десятке мрачных километров от ЧАЭС можно было встретить сошедших с ума сталкеров или жутких созданий, созданных Зоной на основе человеческого материала. Все они по ее прихоти стали частью пищевой цепи и имеют название бюреров, изломов, контролеров. Но это было там, далеко, за Ростком и Агропромом, а здесь... Здесь Егор мог чувствовать себя в относительной безопасности, редкие аномалии виделись на детекторе, детектор жизненных форм засек на пределе границы чувствительности пару точек, распознав их как мутантов и окрасив в красный цвет. Повернувшись в сторону сигнала, сталкер увидел лишь кусты, ве-

роятно, там спит пара кабанов либо плотей. Он благоразумно сделал крюк, и вскоре вдалеке проявились крыши разбитых домов заброшенной деревеньки и обнадеживающе виднелась синяя струйка дыма.

Ну вот и берлога торговца, хорошо известная каждому сталкеру. В действительности она имела мало общего с берлогой – вроде ямы с наваленной сверху кучей хвороста. Это был отлично укрепленный бункер неизвестной протяженности и с неизвестным количеством ходов. Бункер Сидоровича, старого Барыги с большой буквы, человека страшного, но и незаменимого по своей сути в данной системе. У Сидоровича всегда можно купить припасов и не бояться, что консервы будут из сои, что софт на гаджетах будет битым, что патроны отсырели, а стволы на последнем издыхании. Конечно, Сидорович торгует и хламом, но всегда честно предупреждает, что за ствол не ручается либо припасы второй сорт, но тут уже хозяин – барин, хочешь – бери, хочешь – нет. Кроме того, нуждающемуся сталкеру он всегда найдет работенку, за которую, правда, и заплатит не густо, да и голову сложить можно, но тут опять же хозяин – барин, не хочешь – не берись. Итак, спустившись на пару пролетов вниз, вдоль привычных обшарпанных бетонных стен Егор очутился перед разделительной решеткой, за которой находился сам Барыга, что-то чиркающий на бумаге. Он уже знал, кто идет к нему через систему видеонаблюдения, поэтому дверь была открыта.

– Ну, здравствуй, сталкер, – привычно начал Сидорович.

Его хриплый голос всегда обозначал, что сталкер действительно пришел, наверное, в самую безопасную часть Зоны и буквально через несколько минут может отдохнуть и выспаться.

– И тебе не хворать, – отозвался Егор.

Торговец опытным взглядом прикинул и оценил, как пришел к нему сталкер: со щитом или на щите – сделал выводы, благодушно улыбнулся и произнес хриплым раскатистым баритоном.

– Ну, показывай, чего принес?

Теперь начиналась игра. Бобр не любил торговаться и однажды проучил Сидоровича: когда тот дал слишком малую цену за средний артефакт «Выверт», он просто отнес его другому торговцу на Ростке. На что Сидорович долго дулся, но зато после этого стал давать реальную цену, по которой данные артефакты оценивались здесь в Зоне. Не откладывая в долгий ящик, Егор вынул из рюкзака контейнер с «бенгальским огнем», не открывая, поставил его Сидоровичу на подоконник приемного окна торговца. Тот отшатнулся от контейнера и подозрительно уставился на сталкера.

– Чего дуркуешь? Мало ли какую хрень ты там держишь! Открывай сам и показывай.

Егор усмехнулся, повернул контейнер к себе, открыл и развернул к Сидоровичу. Лицо торговца осветилось светло-голубым светом, на миг в глазах мелькнуло восхищение

неземной красотой артефакта, но тут же сменилось напускной небрежностью. Бобр, исподволь наблюдая за реакцией торговца, понял, что торговец рад, вероятно, даже получил отдельный заказ на этот артефакт, и теперь с него можно будет взять более высокую цену. Следующими на прилавок торговца отправились «медуза», «волчьи слезы», пару «ломтей мяса», «слюда».

– Неплохо. Хороший хабар, – Сидорович с интересом посмотрел на сталкера. – А ты растешь, как я погляжу, молодец. Куда морду свою сунул-то? – с усмешкой спросил он, намекая на опаленные брови, решив для облегчения дальнейших торгов сначала разговорить сталкера.

– Да вот, куда пес хрена не сует, туда я морду и сунул, – в тон ему ответил Егор, в свою очередь убеждаясь, что раз торговец решил с ним поговорить «о том, о сем», то цена за артефакт, в котором он заинтересован, действительно должна быть больше обычного. – Ну что, берешь товар?

– Обижаешь. Когда Сидорович у честного сталкера товар не принимал?

«Так, – подумал сталкер, в упор глядя на барыгу. – Чего это он так мягко стелет? Вот уже меня в честные сталкеры записал, видать задумал что-то».

– Ну давай так, мелочевку беру скопом за пять штук, – продолжил Сидорович, – хотя и этого много, а “бенгальский” ну... давай по верхней планке возьму за двенадцать, но только при одном условии, если поможешь в одном дельце.

«Ну-ну, я так и думал, что не все так гладко», – прокомментировал про себя Бобр.

– Чем помочь? – усмехнулся Егор. – Склады у тебя полны, дела идут... вон смотрю, на стене игрушки новые появились.

– Да, стволы что надо, – с удовольствием произнес торговец, откинувшись на спинку стула. – Не стволы, а шедевры. Не дешево, конечно, но такой сталкер, как ты, если окажет мне услугу, вполне может взять вон тот АК-200. Шьет с тысячи метров в ростовую фигуру, оптика, скорострельность, подствольник – все по последнему слову и весь остальной фарш. Все это тебе отдам за двадцать штук, – Сидорович откинулся на спинку стула и сделал паузу, давая сталкеру оценить щедрость его предложения. – Сделаешь дело, которое я попрошу, и будет кредит на три штуки. Донесешь в течение месяца. А для других такая красота стоит двадцать пять косых, так что ты не раздумывай особо. Вон, смотрю, сам без ствола пришел. Да что я тебе рассказываю? На вот, сам посмотри!

С этими словами Сидорович развернулся, встал, снял автомат со стенки и подал сталкеру. А посмотреть было на что: удлиненный ствол, ладно сидящее в руке цевье, облегченный приклад из особо прочных композитных материалов, подствольник, оптика, запах заводской смазки, автомат, казалось, прилип и сросся со сталкером. Егор вскинул автомат к плечу, несмотря на тесноту помещения, легкость и удобность в обращении подкупала.

– Бери, бери, – продолжал нахваливать Сидорович. – Такой машины ни у одного вояки нет, и не скоро появится. Патрон стандарт – 5.45, проблем знать не будешь. Сошки к нему в комплект. Для хороших людей мы и инструмент хороший приготовим, – продолжал мурлыкать торговец, видя, как загорелись глаза сталкера, разглядывающего оружие.

– Да, Сидорович, – ответил Егор, покачивая головой, – знатный агрегат... можешь товар лицом показать. Да только шлепнут меня самого из-за этой игрушки. На, забери. – Проводив прощальным взглядом этокое современное воплощение экскалитура, сталкер нахмурился. – Давай так: за мелочь – шесть, за «бенгальский огонь» – пятнадцать, а потом и про дело потолкуем.

– Пятнадцать?.. – удивленно протянул Сидорович, – ты часом не попутал? Кто тебе за него такую цену даст? Двенадцать с половиной за «бенгальский» и пять, хрен с тобой, с половиной за мелочевку!

– Я слышал, – прищурившись сказал Егор, – что заказы на «бенгальские» имеются. Давай четырнадцать с половиной и аптечку.

Сидорович задумался на секунду.

– Ну Федяй, ну сукин сын! – пробормотал он, понимая, что его карта бита. – Трепло!

– Ну, может, и не Федяй, может, еще кто, – лукаво улыбувшись, сказал Бобр.

– Ладно, черт с тобой, даю тринадцать с половиной, ап-

течку и жратвы на два дня! – хлопнув рукой по столу, заключил Барыга.

– Годится, – ответил Егор, тихо радуясь, что правильно понял мимолетную радость в глазах торговца при первом взгляде на артефакт.

Денег сталкер с собой не взял, поскольку таскать при себе да прятать такие суммы ему казалось нелогично. Поэтому все накопления, как правило, оставались у торговца, записи в тетрадках которого хранили всю финансовую историю, надежнее и точнее, чем в банке. Теперь к ранее имевшемуся счету Егора в тридцать тысяч зеленых добавились удачно сторгованные девятнадцать. Конечно, часть денег скоро будет обменяно на оружие, боеприпасы и медикаменты, но сегодня сталкеру не хотелось заниматься подготовками, и он решил не забивать себе этим голову.

– Так что за дело ты говоришь? – напомнил Егор, как будто он сомневался, что Сидорович может забыть об этом.

Сидорович, чиркнув что-то в тетрадке, встал, не спеша собрал консервы, пару сухих пайков, бутылку бессмертных казаков, хлеба, аптечку и просунул это все в окошко. Убедившись, что клиент получил и распасовал товар по отделениям рюкзака, и готов выслушать, Сидорович приблизился к прутьям решетки и доверительно сообщил:

– Тут один очень серьезный клиент потерял свою вещь. Вещь очень ценная, – он сделал паузу, давая Егору пофантазировать, что может быть очень ценным в глазах Сидорови-

ча. – Да вот нашлась она в тайнике... – торговец приблизился к решетке еще ближе. – В Карьере. Знаешь такой?

Егор присвистнул. Эка незадача! Карьер – одно из самых гиблых мест в средней Зоне, любимое место кровососов и химических аномалий вперемежку с гравитационными. Сколько сталкеров только на приближении к этому химическому аду даже не успевали сделать выстрела, будучи снесенными одними из лучших охотников на человека – кровососами. К этому месту даже псы и плоти не заглядывают. Говорят, что на этот котлован приходят лечиться и регенерировать старые и раненные кровососы, мол, там для них среда благоприятная, и от этого их там видимо-невидимо.

– Так вот, – продолжил торговец. – Тех молодцев, которые эту вещь туда спрятали, уже нет и не будет. Пропали. Но информацию о тайнике оставили. Клиент требует эту вещь ему доставить, и чем скорее, тем лучше!

– Ты что? Ты мне одному предлагаешь туда соваться? Там же кровососы да кислотные ямы. Я туда ни в жисть не пройду.

– Один не пройдешь, это и псу понятно, а пойдете бригадой в пять человек. Ведущий Волк, сечешь? – Сидорович сделал паузу, давая сталкеру осмыслить произнесенное.

Да, Волк был старым опытным сталкером, промышленяющий как добычей именно редких артефактов, так и заказами на мутантов и некоторых людей. С Волком были два постоянных напарника – Кривой и Лебедь, отличавшихся угрю-

мым нравом и сомнительным прошлым. Все трое, как один, были одеты в Берилл-5М, скорее хороший бронекостюм, по сравнению с которым сталкерский комбинезон Бобра с кевларовыми пластинами не шел ни в какое сравнение. «Ну что, если с Волком идти, то, наверное, полегче будет», – подумал Егор.

– Сколько платишь, и пятый кто будет? – спросил сталкер.

– Цена вопроса семь штук, пятого пока нет, сам понимаешь, тут всякого не надо. Нужны проверенные крепкие парни. Ты вот что... пока иди отдыхай, поговори с Волком, а как пятого найдем, я тебе сообщу, – с этими словами Сидорович махнул рукой, показывая, что разговор окончен, сгреб принесенный хабар внутрь и протянул руку к кнопке автоматически открываемой и закрываемой бронированной двери, показывая, что Бобру пора уходить.

Покинув берлогу Сидоровича, Бобр направился напрямиком в разбитую деревеньку, состоящую из чуть более десятка домов различной степени разрушенности, на подходе к которой были слышны смутные звуки гитары. Провалы в деревянных заборах сталкеры удачно заделали половыми досками, взятыми из тех же домишек, и в целом лагерь представлял собой закрытый периметр с двумя дежурными на противоположенных входах, соединенных одной сквозной колеей отходящей от отдаленной асфальтированной дороги, идущей на блок-пост ограждения периметра.

Поздоровавшись и узнав, что Волк на месте, Егор от-

правился в сталкерскому костру, разожженному в половинке металлической бочки. Возле костра вразвалку сидело несколько молодых мало знакомых сталкеров-одиночек и пара приятелей – Шут и Малена, в основном в последнее время работавших парой. Причем оба, что Шут, что Малена, были здорово вдатыми и, полуобнявшись, сидя на деревянных ящиках, страстно спорили, как лучше всего кидать болт: по прямой с подкруткой или навесом недалеко. Пара салажат, еще даже не получивших прозвище, с интересом слушали спор. Среди этой, всего несколько месяцев тусующейся в Зоне и ее окрестностях молодежи, Бобр, проживший в Зоне уже год, почувствовал себя бывалым ветераном, хотя всегда ясно отдавал себе отчет, что для хоть какого-то понимания и представления о Зоне ему еще далеко.

– О-о-о-!!! – радостно заорал Шут, увидев Егора. – Бобер!!!

Сделав попытку встать, но не рассчитав, что сидя качает гораздо меньше, чем стоя, он завалился на спину через ящик, увлекая за собой и Малену, который целую секунду сопротивлялся в полуприсяде тянущему его за плечо приятелю, прежде чем кувыркнуться за ним. Это вызвало смешки у окружающих. Через почти минуту карабканий ногами к небу, они оба поняли, где верх, а где низ и, разобравшись, наконец, со своими телами, встали, чтобы поприветствовать «известного» сталкера Бобра.

– А мы, представляешь, – коверкая слова, дыша перегаром

и луком, протягивая руку, начал Малена, – сеодня с утра хотели идти на... а тут такое дело... такое дело-о-о-о... – протянул Малена, но, видимо, забыл, какое же дело было, отпустил руку, развернулся и, теряя равновесие, растопырив руки, словно сбитый истребитель, устремился назад на ящики.

– Бабе-е-е-рр!! – заорал подобравшийся к приятелю Шут в лицо, обдавая тем же благоуханием сталкера, что и Малена.

Затем в избытке щенячьих чувств, вызванных избытком алкоголя, обняв приятеля, заорал еще раз: – Бабе-е-ер! Вот! – многозначительно сказал Шут, поднимая вверх указательный палец и поворачиваясь к сидевшей неподалеку молодежи, – вот сталкер – сталкер Бобер.

Оба сталкера находились в последней стадии восторженно-жизнерадостного опьянения, после которой наступало либо полное беспамятство, либо долговременный сон.

– Ладно, ладно, Шут, – с улыбкой проговорил Егор, отпуская разгоряченную руку. – Чего празднуем?

Шут, обнявший одной рукой через плечо Егора и, надо сказать, этим немало обременивший сталкера, путаясь и коверкая слова, невероятно долго и невнятно поведал свой рассказ. Егор же, набравшись терпения, мужественно ожидал его окончания. Оказалось, что они с Маленой нашли каким-то чудом добредшего до мехдвора зомбированного, одетого в полосатую черно-белую ночную пижаму.

– Э, престалаяяшь? У пи-и-жа-ам-уу... – пьяно растягивая слова, пытаюсь заглянуть в глаза Бобру и увидеть, прямо ска-

жем, охрещение от этого факта, говорил Шут.

Затем они отобрали у зомби малопорченный винтарь, еще и несколько мелких артефактов, которые были у него в рюкзаке, причем зомби не пытался сопротивляться, даже наоборот, разбитой нервной системой и остатками инстинктов он остановил свое движение и поднял руки, почувствовав прицелы автоматов на себе.

– Е-мое-е! – дыхнул на Егора Шут, шатаясь так, словно переживал десятибалльный шторм. – Это же надо! – очередной раз поднимая вверх указательный палец, сильнее наваливаясь на Бобра и понижая голос до заговорщицкого шепота. – Он сам, панимаи-и-шь, сам дошел, сюда-аа... – выпячивая глаза, шептал Шут.

Затем, обобрав зомбированного, находящегося в очень порченном теле, они отпустили его, не убивая, желая проследить, куда он направляется. Тот двинулся в сторону кордона, миновал минную полосу, за всем сталкеры наблюдали в бинокль, и пропал из пределов видимости в районе блокпоста, причем ни звуков сирены, ни выстрелов слышно не было, что оказалось самым поразительным. Легко добытый хабар они сбыли Сидоровичу и теперь снимали стресс.

Выслушав историю и кивнув, Бобр уселся на освобожденное место к костру. Выпив положенные сто грамм за возвращение, за удачу и в целом для выводов радионуклидов, хотя он знал, что эффективность этого средства не на высоте, но для снятия стресса вполне подходящее, а стрессы сегодня

были. Бобр, разложившись к общему столу своими припасами, пообедал, благо время было далеко за полдень.

Общий стол в лагере – дело своеобразное, на то это и Лагерь новичков. У кого жратвы не имеется, тот может перехватить, но если сталкер не понимает, что халявы на самом деле тут нет, то ему это объясняют запросто и без обиняков. В таком случае, если сталкер молодой, понимающий, но не прет ему с хабаром, он работает в пользу лагеря, как то часовым и другие поручения. В целом, свободного и гордого молодого человека, пришедшего в Зону за деньгами, свободой и романтикой, такое положение, конечно, не устраивает, и он из кожи вон лезет, чтобы принести из очередной недалекой ходки хоть что-нибудь. Как правило, такие отчаянные походы бывают дорогой в одну сторону. Бывает, прибивается такой новичок отмычкой в бригады к сталкеру с опытом, но случается, что меняет путь на тропинку падальщика-бандита. В таком случае после первого выстрела новичка-бандита его участь предрешена, кроме естественных врагов, мутантов и аномалий Зоны, у него появляются еще и вольные сталкеры – люди с опытом и характером. Кто не хочет кидать свою пайку на общий стол, может сесть отдельно и спокойно откусать собственные консервы, все понимают, и слова против в жизни не будет. Заметив на расстеленной на низком колченогом столике клеенке большие луковицы, Бобр с удивлением поднял глаза:

– Откуда это? – спросил он ближайшего сталкера

– Да вот, вон за тем домом растет, – ответил тот, мотнув головой по направлению к полуразобранному домику. – Он сверху и на лук-то не похож, потому мимо ходили, а недавно вот разглядели... ничего, чистый, не фонит.

Бобр протянул руку, взял одну из луковиц, понюхал, и, решив, что витамины нужнее, и лук овощ из благородных, зла от него не будет, с удовольствием стрескал крупную луковицу с остатками тушенки. После вытерев проступившие слезы и прокашлявшись, направился к избе, в которой сейчас находился Волк.

Волк был крепким, выше среднего роста сталкером. Ладно сидящий на нем бронекостюм и болтающийся на груди респиратор долгое время были для новичков эталоном обмундирования. Волк сидел на табурете за деревянным столиком и рубился с Лебедем в карты. Кривой спал неподалеку, на широкой скамье, но так как и сам был детиной необычайной ширины, он не смог поместиться целиком на скамью, и его рука, соскользнув с тела, лежала на полу.

Прозвище свое Волк получил не столько за нелюдимый характер, сколько за его упорную манеру преследовать и брать заказанных монстров или людей. Заказы на людей были не его профилем, но когда один из молодых снялся с места, прихватив чужой хабар, Волк без раздумий принял заказ от обобранного сталкера и вернулся с ПДА вора через сутки. Некоторое время назад он вернулся с двумя малоизвестными личностями, может быть, бывшими бандосами, а

может быть, наглухо примороженными одиночками, но в любом случае опознать их никто не мог, а опыт хождения в Зоне и боевая подготовка читались по их лицам. Лебедь был блондином трудно определяемого возраста, с равным успехом ему можно было дать от двадцати с хвостиком до сорока лет. Видимо, за его блондинистость его и прозвали Лебедем. Кривой – невысокий, широкоплечий брюнет с вечно небритой щетиной, золотыми зубами и шрамом на все лицо, пересекавшим его сверху вниз и справа налево, и ломанным в ту же сторону носом, что визуально давало эффект действительно искривленного лица. Троица держалась обособленно, редко подходила к костру и не стремилась к общению. Облюбовав и восстановив одну из наиболее сохранившихся изб, Волк с успехом мог создать свой клан, и были желающие поступить к нему в отмычки, но на все подобные вопросы он лишь сплевывал и отворачивался в сторону.

Бобру не очень-то хотелось разговаривать с Волком, поскольку не находил его приятной или даже терпимой личностью. Кратко поздоровавшись, он выяснил, что без нормальной волыны он им в одно место не уперся, в чем, собственно, Егор и не сомневался, а раздавать стволы у них нету. Сталкер и без этого прикидывал, что бы взять для похода. Также ему объявили, что до карьера идти один день, если выйти с утра, а на утро следующего спускаться за целью. Получив необходимую информацию, он вышел из избы. Про обратный путь никто не говорил, это не было в традициях сталкеров по из-

вестным причинам.

Он вернулся к костру, за разговорами, за чаркой прозрачного, время незаметно сошло в полночь, и сталкеры начали расходиться по избам и по облюбованным ночевкам. Бобр решил, что завтра у Сидоровича приобретет дробовик, залез по лестнице на чердак ближайшего дома, где у него и его приятеля Древня была оборудована постоянная комната и покоился спальный мешок. Все то, что поддерживало быт сталкеров Бобра и Древня, содержалось в большом металлическом ящике под замком. В ящике находилась газовая плитка, запчасти от нескольких убитых калашей, пистолет форт, патроны к нему и автомату, другие патроны россыпью, разного калибра и назначения, найденные у трупов, в тайниках, координаты которых переливались с ПДА, потерявших своих хозяев, ремонтные пластины для его куртки, еще один рюкзак, пара фляжек. Из личного то, что хранилось в правом углу ящика, – смена белья, стиральные порошки, бритвенные принадлежности, ножницы, пара кусков хозяйственного еще советского мыла, почти превратившегося в камень, но отстирывающего одинаково успешно носки, руки и тело, зубная щетка и советский же зубной порошок, который, как ни странно, пенился и чистил зубы на удивление хорошо. Рулоны туалетной бумаги, пара некомплектных аптечек и, конечно, заначка в две бутылки водки. А как вы хотели? Должен же уважающий себя сталкер соблюдать чистоту, так сказать, личную гигиену, стираться, подстригать-

ся и вообще быть похожим на человека? Раздевшись и сунув пистолет на предохранителе под голову, скинув Древню: «ты где?», дождавшись ответа, что Древень в порядке и ночует на Ростке, Егор втащил лестницу внутрь и, зевнув, отправился в мир снов.

С его нынешним другом Древнем они познакомились месяца четыре назад и как-то сразу поняли, что оба не желают обзывать друг друга, имеют представления о законах жизни и Зоны и посему сошлись настолько, что даже хозяйство хранили в общем ящике.

– Сталкер, не соблюдающий принятых здесь законов, сам себя накажет Зоной, – так говорил ему Древень, на целый год дольше топтавший эти места, когда они распивали бутылочку казаков здесь же на чердаке. – Зона – особое место, – объяснял Древень. – Прорыв в реальность ноосферы!

С этими словами Древень доставал ПДА, куда были залиты биография и некоторые рассекреченные или просто просочившиеся в свет труды Циолковского, и начинал зачитывать отрывки Егору. Обычно это начиналось после того, как они приканчивали первую бутылочку. В целом, его наука, усвоенная Бобром, сводилась к следующему: человек здесь либо деградирует и погибает в два счета, либо проходит такую внутреннюю ломку, что уже не может вспомнить, каким он был до Зоны. Относительно соблюдения неписанных правил Егор давно убедился, живя еще на Большой земле, а попав в Зону, увидел, что замедление между причиной и след-

ствием в Зоне, в отличие от Большой земли, разделяет не несколько лет или месяцев, а несколько дней или часов, а то и минут. Именно поэтому даже бандиты, соблюдающие свои понятия, принятые ими и идущие от «середины» души, и занимающие, по сути своей, место хищников и падальщиков в человеческой системе, нередко ведут очень успешные дела. Но поскольку сам контингент, в основном, там не отличается умом и образ жизни, как их потребности, приближены к животным, то и гибнут они, и плодятся десятками, как слепые псы. Все потребности таких человекообразных сводятся к много «По»: пожрать, поспать, побухать, потрахаться.

Некстати вспомнив пса с простреленной грудью и кровавым беззвучным оскалом, Егор уснул. Проснулся он утром под раскат грома и хлынувший на землю ливень в 5:30. Проверив ПДА и выглянув через чердачное окошко, убедившись, что все спокойно, не спеша и с удовольствием умылся из баклажки, позавтракал, разогрев на горелке консервы, запил чайком и, запахнувшись в дождевик, скорым шагом направился к Сидоровичу. Он знал, что Сидорович не спит, он то ли мучается бессонницей, то ли спит днем, во всяком случае, когда бы Егор ни заходил к нему в бункер, торговец всегда сидел на месте. Вот и сейчас, застав Сидорович за чашкой кофе, сталкер, поздоровавшись, уставился на дальнюю полку с навешанными на ней дробовиками. Среди копеечных обрезов и охотничьих ружей красовались несколько «Чейзеров-13» и пара СПСА-14. Торговец, вяло перехватив

взгляд сталкера, снова занялся своим кофеем, уставившись сквозь Егора.

– Дробовик нужен, Сидорович, – обратился к торговцу сталкер. – Думаю, «Чейзер» подойдет.

– Конкретней, сталкер, конкретней. Я тебе не контроллер, чтоб мысли угадывать. Тебе в масле или б/у, или такой, что сам починишь? – пробурчал Сидорович, не отрываясь от кружки.

– Нет, в масле не надо, дорого. Дай хороший, – пояснил Бобр и на всякий случай уточнил, – чтоб без проблем.

– Без проблем только слепой пес бывает... – продолжал бурчать торговец, но все же поднялся и подошел к полке. – Стало быть, идешь на Карьер? – не оборачиваясь, спросил он.

Секунду подумав, он прошел дальше и взял прислоненный к стене «Чейзер», стоявший особняком.

– Стало быть, иду, – дождавшись, когда торговец вернется и протянет ему оружие, глядя прямо в глаза, ответил Бобр. Торговец взгляд выдержал и слегка кивнул.

– Ну тогда смотри, – заметно повеселевшим голосом начал торговец. – Я эту машинку специально отложил, для особых случаев. Не смотри, что потертый, его умелец со Свободы машахатил. – Возможность ведения автоматического огня, – Сидорович поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность момента, – магазин на восемь патронов, скорострельность, отдача, кучность, композиты, все до ума до-

ведено. Не то, что заводские железки, а тут сам мастер душу вложил.

– Как же ее тебе продали? – спросил Егор

– Не твоего ума дело, сталкер, – резко ответил Сидорович, но потом, подумав, что будущий владелец, вероятно, должен знать историю оружия, добавил, – отдали за долги. Привет от Свободы. Так что ты не переживай, крови хозяина на ней нет.

– Ясно. Дай пару картечи, проверю, – сказал Бобр, протянув руку.

– На счет идет, держи, – сказал Сидорович, поставил два патрона в приемное окно, внимательно следя за сталкером.

Бобр взял патроны, вышел наружу. Бумкнул в ближайшее дерево с пяти и пятнадцати метров, чем переполошил бесчисленное племя ворон, и действительно убедившись, что отдача удивительно не высока, а пятно разброса, судя по следам на дереве, практически не изменилось, вернулся к торговцу. Сторговались на десяти тысячах и тридцати патронах, хотя Сидорович ревел как медведь и упирался, что твой осел. Напоследок выяснив, что нашелся пятый, некий Фома, и получив номер его ПДА, сталкер Бобр направился к дому Волка.

Волк со своими подручными и новым сталкером Фомой, выглядевшим очень уж молодым, но достаточно крепким парнем, курили и ждали Бобра у порога. Фома был одет в сталкерский комбинезон средней защиты, приблизительно

как у Бобра, и вооружен охотничьим ружьем. Волк и его напарники были экипированы не в пример лучше: стандартный для них «Берил-5М», «Вал» и «Чейзер-13» у Кривого, ТРС-301 с подствольником у Лебеда и FN 2000 и «Чейзер» у Волка. «Ишь вырядились...» – с некоторой завистью подумал Егор.

– С вечера готовится надо было, – как будто прочитав его мысли, процедил Волк и сплюнул.

Оценив ситуацию, чувствуя, что действительно Егор недостаточно дисциплинированно отнесся к походу, привыкнув к одиночным ходкам и ориентируясь на себя, развернулся и быстро метнулся на чердак, схватил рюкзак, благо он у него всегда готов, по-быстрому набрал из ящика картечных патронов 12×70 и вернулся к ожидающим его временным компаньонам, хмуро поглядывавшим на небо, из которого вот-вот должны были брызнуть новые дождевые капли.

– Тронули, – сказал Волк.

Поскольку до схрона, прилегающего к Карьеру, они должны были добираться весь день, сталкеры выбрали средний темп. Время от времени ведущий Волк менялся с Лебедем, третьим и четвертым шли Бобр с Фомой, а замыкал цепочку Кривой. Через пару часов пути, когда относительно безопасные места остались позади и незримая тропинка привела в Темную долину, которую надо было пересечь по краю, Бобр убедился, что имел неправильное представление о Волке. Сейчас сталкер Волк больше не напоминал угрюмого и

нелюдимого наемника, его лицо как будто разгладилось, посветлело, глаза в редкие минуты, когда он оборачивался назад, проверяя хвосты, сияли умом. Со сталкером Лебедем также произошли перемены: если ранее он напоминал апатичного, ни рыба ни мясо человека, то сейчас во всех его движениях сквозила сила. В те минуты, когда он вскидывал автомат к плечу для осмотра окрестностей, визуально проверяя через оптику подозрительные места, Бобр не переставал удивляться, насколько плавно и быстро приклад автомата оказывался у плеча бойца. Только Кривой оставался кривым, продолжая негромко пыхтеть, он тем не менее не забывал оглядываться и не выпускал «Вал» из рук. Только молодой Фома без конца крутил головой и топал чуть громче других и, наверное, чувствуя себя в излишней безопасности, повесил свое ружье на плечо стволом вниз.

Сам Бобр подобрался, внутренне понимая, что скоро он выйдет на малознакомые территории, а с учетом той скорости, с какой они обходили аномалии и продвигались вперед, эти ходки были куда опытнее, чем годовалый Егор. Бобр и до этого понимал, что первый год в Зоне он выжил потому, что не совался в одиночку на незнакомые земли и не пускался в авантюры, а сейчас есть реальный шанс улучшить свои навыки и знания.

Несколько раз им на след вставали слепые псы, но, видимо, чувствуя силу отряда, не осмеливались преследовать его слишком долго. Пару раз приходилось огибать опушки

и двигаться на цырлах, стараясь не привлечь внимания па-сущихся или отдыхающих кабанов, у которых недостаточно ума, чтобы игнорировать людей. Столкновение с семейкой здорово выросших при содействии аномальной энергетики Зоны животных привело бы к лишней трате боеприпасов и времени. Один раз на выходе из долины Волк в электронный прицел своего автомата разглядел кровососа, ходившего по островку мелкого озерца, и так же предпочел не связываться. Только Кривой дольше обычного держал в прицел своего «Вала» данную скотину, пока отряд отдалялся от опасного и неприятного обитателя. Пообедав на месте своеобразного временного лагеря всех бродяг, где виднелись остатки кострища, пару разбитых бутылок и консервных банок, группа снова тронулась в путь. Разговоров в походе почти не было, Егор и сам видел, что троица прекрасно понимает друг друга с помощью знаков и кивков, а на молодых они просто не обращали внимания.

Так, двигаясь в относительной безопасности за спинами компаньонов, чувствуя гуденье в натруженных ногах и усталость от рюкзачных лямок в плечах, они добрались до старого контейнера, покоившегося недалеко от Карьера. Контейнер был прострелян со всех сторон, даже крыша изнутри была прошита автоматными очередями, двери были безнадежно деформированы взрывом и не могли ни закрываться, ни открываться, оставив лишь кривую щель для вхождения одного человека. Но сам схрон располагался в землянке, на ко-

торой, по сути, и стоял контейнер. И уже в свете заходящего, на миг промелькнувшего среди вечных облаков солнца Бобр увидел силуэт огромного роторного экскаватора, символизирующего прошедшую эпоху больших побед трудящихся над своими свободами. Завтра будет новый день.

Глава 3. Добыча

Утро. Отряд собрался за импровизированным столиком, на котором покоились остатки завтрака и хлебные крошки, в свете карманного фонаря казавшиеся причудливыми кристаллами, проросшими на поверхности стола. Впрочем, тут уже была средняя Зона, и некоторое искажение в ощущениях поначалу чувствует каждый, особенно новичок. А вот в глубокой Зоне даже бывалый сталкер чувствует себя не просто неудобно под воздействием аномальной энергии исходящей от ЧАЭС, но и нередко испытывает галлюцинации, способные сломить его психику. Вероятно, это одна из причин, по которой и без того ходящий по лезвию сталкер рано или поздно совершает ошибку, стоящую ему жизни. Нередко вернувшийся из глубины Зоны живым, сталкер психически отличается на несколько лет от сталкера, ушедшего в рейд несколько дней назад.

Волк давал инструкции молодым, сидя на грубо сколоченном табурете.

– Бобр, Фома, ваше дело не высовываться, основная работа на нас. Цель в сейфе, если код не подойдет, то вы оба его и попрете, для этого вас и взяли, – категорично заявил Волк.

Бобр слегка скривился: «Что за хрень, я что, в носильщици нанимался? А с другой стороны, подрядился не спрося, и пеняй теперь на “ся”...» На Фому же такой расклад никак не

повлиял, он продолжал флегматично смотреть перед собой. Выдержав паузу, Волк продолжил:

– Кровососов там видимо-невидимо, мне с утра сообщение пришло от Киселя, что сосунов десятка три, наблюдалось пару дней назад.

Эта новость стала неожиданностью даже для Лебедея и Кривого, судя по их лицам. Что же касается Бобра и Фомы, так у Бобра просто отпала челюсть, а Фома вдруг стал серым, как портянка. Сделав еще более значительную паузу, Волк уже тише и как-то по-свойски сказал:

– Бывают тут на Карьере такие нашествия, то ли размножение, то ли... кто его знает.

Фому пробил нервный смешок.

– Слушай, Волк, ты чо, в натуре?! Ведь поляжем все, как пить дать, поляжем, – в голосе Фомы чувствовались истеричные нотки.

– Вот уж не думал, что такое скажу, но кто обгадился, может возвращаться, – конкретно ни к кому не обращаясь, сказал лидер отряда.

Настало время задуматься Егору. «Черт, а ведь и правда, если там столько тварей, то и сомнут, никакие коммандос не помогут», – думал он, украдкой разглядывая лица Кривого и Лебедея. Их лица были сосредоточены и спокойны, разве что у Лебедея нарисовался пунцовый румянец на щеках. В этих ребятах можно было не сомневаться. «А я... а что я...» – он погладил свежеприобретенный дробовик, – и ты мне, брат,

не сможешь против нескольких таких тварей, сразу хоть два чудо-дробовика выставь и в экзоскелет залазь – ничего не поможет».

Егору вспомнилось, как он уделал своего первого кровососа. Тот выскочил на него в сумерках, недалеко от станции Янов. Егор стоял на островке, окруженном низкой водой, и обдумывал, как лучше обойти открывшееся перед ним водное пространство и по возможности не намочиться выше колена. Благо в тот момент он успел сообразить, что значит быстро приближающаяся к нему слева еле заметная воздушная марь и цепочка водных следов, оставляющих едва слышные всплески. Разворачиваясь и одновременно нажимая на курок, он увидел сначала бурые фонтанчики жидкости, вырывающиеся из ниоткуда, а затем и всего монстра, растерявшего свою невидимость и замедлившегося по причине болезненных попаданий с расстояния двадцати метров. Силой отдачи ствол начал задираться вверх, и очередь начала подниматься от живота на грудь и на морду монстра, с гулким дребезжанием вбиваясь в грудину мутанта и разворачивая его щупальца.

Надо сказать, что практически все кровососы обладают непостижимой с медицинской точки зрения живучестью и способностью к регенерации. Хотя в Зоне, наверное, нет таких мутантов, кто бы не удивил медицину своими регенеративными способностями. Но кровососы – это отдельный вопрос среди классифицированных и распространенных му-

тантов. И так, благополучно разрядив весь магазин в монстра и прекратив орать, Егор схватился за тогда новый «Глок» и разрядил еще пол-обоймы в согнувшегося и шипящего мутанта, который уже просто брел в сторону сталкера, вытянув обе когтистые узловатые лапы. Мутант не дошел до Егора метров пять и рухнул в грязь, дергаясь в судорогах и взбивая муть в некогда прозрачной воде. Поскольку Бобр всегда был хорошим учеником в Зоне, в отличие от того Егора, который некогда жил на Большой земле, в школе и в ПТУ всегда смотрящего сквозь учителя, тут он усвоил, что лучшая тварь – это та тварь, у которой нет даже признаков жизни. Поэтому перезарядив автомат, от избытка чувств он расстрелял еще пол рожка, в упор прошив голову дергающегося и извивающегося мутанта, теперь уже наверняка. Оглядев себя с ног до головы, он плюнул на недавнее желание пройти чистеньким через болотце и прямиком попер на станцию. Весь бой занял полминуты реального времени, но нервов и адреналина было сожжено на неделю вперед. После того, как он пришел на станцию, его наконец проняло до трясучки, и пока в окружении таких же сталкеров он рассказывал свою историю, его долго не брала водка, выпиваемая им гранеными стаканами.

Вспомнив эту историю, Бобр задумался: «А с другой стороны, если назад пойду, как Сидоровичу на глаза показаться и другим сталкерам? Считаю все, каюк. Сидорович запомнит и со мной нормально торговать не будет, или Зона сде-

лает свое дело за то, что товарищей бросил, наверное, даже на пути обратно. Нет. Сказано – сделано, не могу отказаться от дела!» – решил он, чувствуя как зашумело в ушах от поднявшегося давления.

– Я с вами, – хрипло прошептал Егор, и сам не узнал собственный голос, так осипше и по-чужому он звучал. – Я готов, – подтвердил он вторично, уже громко, внутренне обращаясь как к товарищам, так к себе, так и к Зоне, которая, казалось, незримо следила за ними тысячами глаз, из каждой щелки и поры в стене землянки.

– Ну вы че, мужики, мля... – испуганно заозирался Фома. – На убой же идем! Там тридцать рыл! – уже почти завыл он.

В ответ ему отозвалось лишь молчание. Сталкер должен сказать свое слово. Вдруг Фома как-то сдулся, как будто уменьшился в размерах, потемнел лицом и даже одежда как будто вдруг стала меньше, прилипая к нему, словно пугаясь показаться за пределами своего обладателя. И тут все поняли – не жилец. Такое бывает. Даже независимо от того, пойдет ли он назад, или пойдет со всеми, он предрешил свою участь, его страх стал больше него, а люди со страхом, заполонившим душу, не живут в Зоне. Они ее питают.

– Дайте водки – попросил Фома.

Кривой протянул ему бутылку, в которой оставалась половина. Фома схватил ее трясущимися руками, без предисловий закрутил в штопор и влил в себя всю. Выдохнув, осо-

ловело огляделся, криво ухмыльнулся. Получилось не очень.

– Ну пошли, покойнички! Сабака лаяла на дядю фраера... – вдруг пьяно и не к месту пропел он.

Волк, пристально смотревший на Фому, кивнул.

– Проверить оружие, оправиться. Готовность на выход десять минут, – четко распорядился сталкер.

Выбирались из землянки, а потом из контейнера, с оглядкой ощетинившись автоматами и дробовиками во все стороны. Путь лежал к юго-западной окраине Карьера, что было по левую руку и вперед от контейнера. Там был более пологий спуск, и там было ближе до указанных координат тайника.

Карьер представлял собой неприятное грандиозное зрелище. Огромный роторный экскаватор, который теперь был справа, то здесь, то там опутывали космы ржавых волос, само дно карьера кое-где заполнилось неглубокой водой, поросло низеньким битым кислотами камышом, местами висели облака тумана, странным образом никуда не перемещающегося, и подсвечиваемые снизу призрачным зеленым светом химических аномалий, студнями или холодцами. В оптику просматривались другие железки практически ушедшей в грунт техники, крыши бульдозеров, торчащие поодаль кузова четырех самосвалов. Глядя в свой бинокль, Егор увидел то, что, несмотря на всю отчаянность ситуации, не могло не порадовать его как сталкера. На некоторых проплешинах дна карьера, свободных от растительности, проглядывались

небольшие светло-зеленые, синеватые и красноватые пляшущие предметы – артефакты. Много артефактов. Сталкеры, спускавшиеся за ними к карьеру, уже не возвращались, даже те, которые пытались прибрать то, что находилось по краю, не возвращались. На это указывало пара брошенных и распотрошенных рюкзаков, одиноко лежащих в ожидании уже никогда не вернувшихся за ними хозяев.

– Кривой, в центр, – указал Волк.

Кривой сместился в центр. Сталкер знаками указал, где расположиться Фоме и Бобру, теперь они шли мелкими шагами, вырисовывая своей позицией букву «М», спереди слева был Лебедь, спереди справа Волк, чуть отстав от них, прильнув к оптике «Вала», крался Кривой, а сзади, сместившись левей и правее остальных, шли Фома и Бобр. Волк поднял вверх кулак, приказывая группе остановиться. Кривой, зная, что это значит, изготовился к стрельбе из положения лежа, Лебедь и Волк с колена. Фома и Бобр остались стоять. Полуобернувшись, Волк пояснил ситуацию для молодых:

– Там по краю гравитационки, сосуны скопом сразу не выскочат. Будут просачиваться поштучно. Кривой попробует снять по-тихому сколько получится, потом мы с Лебедем, когда попрут остальные, а ваше дело смотреть по сторонам, если с фронта прорываться будут – еще не беда, а если сбоку хоть один проскочит, считай, амба. Просрали матч! – заявил он, выдавая в себе некогда заядлого болельщика футбола. – Молодежь, задача ясна? – спросил он, глядя в первую

очередь на Фому, тот лишь до побеления в костяшках рук стиснул ружье и кивнул. От хмеля не осталось и следа. Бобр также ограничился кивком, хоть от внутреннего нахлынувшего жара сперло дыхание, и он понял, что от адреналинового спазма не может даже сглотнуть. Волк отвернулся, уставившись вперед через оптику электронного прицела FN 2000. Кривой, немного поерзав плечами, застыл.

– Вижу. Один, два, три... еще... – сделав секундную паузу, тихо зацокал «Вал». ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК. Этот звук казался таким мирным в сером небе Зоны, прохладный ветерок качал серые травинки, едва касающиеся ствола «Вала». ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК – продолжал свою смертоносную работу «Вал». В это же время Лебедь и Волк неотрывно через оптику следили за тем, что творилось внизу.

– Минус два, – прошептал Волк, заметив, как две фигурки, застывшие в разных точках в камышах, повалились, распластав конечности.

Кривой с умом делал свое дело, выбирая цели, стоящие на грунте, чтобы те своим плеском при падении не растревожили раньше времени всех остальных. ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК – продолжал свой смертельный пересчет «Вал». В это время со стороны карьера донесся леденящий жилы звук, похожий на звук открытого на кухне крана при отсутствии воды, но усиленный в десятки раз.

Улей был разбужен, фигурки внизу заметались, то впадая в режим невидимости, то выходя из него. Потревоженные

кровососы все еще не определились с источником опасности. В это время мягко, короткими очередями заработал автомат Волка с интегрированным глушителем и ТРС-301 Лебеда с установленным глушителем начал выпускать смерть с бронебойным сердечником поштучно. Еще секунду карьер накрывала тишина, но вдруг она взорвалась многоголосым ревом десятков мутантов, и Бобр как будто почувствовал волну неудержимой ярости, ментальным ветром дунувшей из карьера. Теперь их увидели.

Фигурки кровососов двинулись по направлению к людям, также то проявляясь, то исчезая. Бобр краем глаза увидел красно-бурую вспышку, это то, что осталось от кровососа на бегу, в порыве быстрее добраться до людей, влетевшего в птичью карусель. Теперь уже автоматы стрекотали дружнее, уже отсюда было видно упорядоченное движение, которое появилось на дне котлована. В сторону отряда сталкеров вдруг прочертились быстроисчезающие линии в камышах и на поверхностях воды. Кривой сменил положение с лежачего на стрельбу с колена и продвинулся вперед так, чтобы стоять на одной линии к фронту с Волком и Лебедем. Автоматы стрекотали, и стали чаще поворачиваться стволы, очевидно, цели были множественные. Глянув на ПДА, Бобр убедился, что пока ни один мутант не миновал отметку в две сотни метров, по крайней мере его не самый продвинутый ПДА спокойно светился зеленым светом, показывая лишь пять зеленых точек. Это, с одной стороны, вселяло надежду, что,

может быть, так и повалим всех сосунов, выбегающих через насаждения гравитационных аномалий в строго определенных местах, в три замечательных ствола и в три пары верхних рук, а с другой стороны, отсутствие деятельности нервиовало еще больше. Казалось, что Бобр уже бесплотный дух, из-за плеча наблюдающий за боем сталкеров, и от этого наваждения ему сделалось не по себе. Это было воздействие Зоны, это она пронизывала мозг своим излучением, и тут ей нельзя поддаваться, принимая навеваемые иллюзии за действительность. Стрелки перезаряжались по очереди, пустые обоймы уже по паре возле каждого лежали на земле.

– Заряжаюсь, – первым крикнул Кривой.

Через несколько секунд это же повторили Волк и Лебедь. Бобр с Фомой переглянулись, и Бобр лишь крепче схватил дробовик, да почувствовал неистовое желание скорее грохнуть дробовиком, чтобы хоть как-то для себя же обозначить свое присутствие. Кровососы все перли и перли, постепенно просачиваясь через коридоры аномалий. На дальней дистанции частично видимые, поскольку режим стелс был основан на рефлексе уже прямого нападения на добычу, а дистанция, которая имелаась, не давала им постоянной прямой видимости цели и, соответственно, для полноценного включения режима невидимости им нужно было осознанно заставлять себя включать и поддерживать режим, но вот с мышлением у них как раз было не так хорошо, как с физическими параметрами. Бобр все-таки позволил себе секундную вольность,

приложил к глазам бинокль и разглядел на краю притопленного дна карьера метрах в пятистах, возле разделительной полосы воды и суши, поросшей камышом и гравитационными аномалиями с десятков лежащих в разных позах фигурок кровососов. Спешно спрятав бинокль, он снова схватился за «Чейзер» и ободряюще кивнул вопросительно глядевшему на него Фоме.

– Подствольники, – раздалась команда Волка.

Кровососы выбрались на достаточно чистую от аномалий поверхность и стремительно понеслись на горстку бойцов, на ходу теряя видимость. Это было фантастическое зрелище, рослые, с щупальцами в нижней части головы, издали напоминающие бороды в пятнах грязи и крови, неуклюжие, сутулые уроды, переминавшиеся с ноги на ногу при обходе аномалий, так нелепо спотыкающиеся друг о друга и от попадания стрелков, вдруг преобразились в стремительные и изящные смертоносные машины, синхронно ускорившись, восемь особей, миновавшие почти одновременно полосу аномалий, полукругом понеслись на сталкеров.

– Тах-х-х, тах-х, – с характерным хлопком выплюнули гранаты подствольники Волка и Лебеда, дальность выстрела для этих подствольников в соответствии с тактико-техническими характеристиками составляла четыреста метров. Гранаты легли в трехстах с лишним метров. Два взрыва прозвучали почти одновременно, облако пыли на секунды закрыло вид на прибрежную полосу карьера.

– Минус один, – крикнул Кривой, глядя на свой ПДА, отсчитывал дистанцию и оценивал силы противника.

– Тах-х, тах-х, – выплюнули еще осколочные капсулы гранатометы.

– Триста метров, на час и на одиннадцать.

Еще две гранаты ушли навстречу цели в поиске поживы.

– Минус два, плюс два, – крикнул корректирующий направление сталкер, давая знать, что вместо двух убитых кровососов берега достигла еще пара особей.

– Тах-х, тах-х, – с подвыванием вышли еще две гранаты, еще два взрыва слились в один.

Теперь красные точки появились и на ПДА Бобра и Фомы, предел идентификации жизненных форм которых был до двухсот метров. Теперь их было уже шесть. Волк переключился на автоматический режим огня своей FN, электронный прицел которой включал в себя идентификацию и в инфракрасном свете, и садил в видимую ему фигуру короткими очередями, Кривой схватил дробовик. Сплюнул и, набычившись, взял на мушку пространство впереди себя, Лебедь, расстреляв обойму по сгустку полупрозрачных кровавых пятен, перезарядился и, обернувшись, крикнул двум все еще не проявлявшим активности сталкерам

– Не зевать, мужики, сейчас будет встречака!

Он мог этого и не говорить, нервы Бобра и Фомы, натянутые до предела, горели от вынужденной бездеятельности. Казалось, уже проще самим побежать с криком на при-

ближающиеся согласно ПДА красные точки и садить в эти прозрачные преломления воздуха хоть ружьем, хоть пистолетом, хоть ножом, лишь бы не стоять и не ждать, подобно римской фаланге, когда же враг ударит своим оружием, весом, криком и яростью по щитам и броне. Вдруг Фома вскинул ружье, прицелился и выстрелил левее Лебеда, в этот же момент из воздуха метрах в пятидесяти нарисовалась окровавленная морда кровососа и за ней грудь и плечи мутанта, тут же Лебедь, сориентировавшись, вложил в проявившегося мутанта очередь, заставив того рухнуть со всего бега на землю и, кувыркнувшись словно тряпичная кукла, затихнуть. В это же время синхронно ударили дробовики Волка и Кривого, но уже по своим целям. Развернувшись вместе с дробовиком правее, чтобы контролировать правый фланг и часть фронта, Бобр увидел несколько размытых пятен, и солнце, которое показалось из-за тучи, еще четче очертило силуэты приближающихся монстров.

Мутанты входили в зону своей смертельной эффективности, начался танец жизни и смерти, рычащие монстры, получив заряд картечи в части тела, либо меняли траекторию, проносясь рядом со стрелками, со свистом рассекая воздух когтистыми лапами, либо не добегая валились на землю, где их добивали сразу с нескольких стволов. Столь долгая пробежка на пределе мощности вверх по склону, многочисленные пулевые и осколочные попадания на подходе к людям дорого стоили кровососам. Их маскировка перестала быть

идеальной, кровь и грязь делала их достаточно видимыми, а ранения не такими быстрыми, но все равно набегающая на Кривого тварь не остановилась, приняв несколько парных зарядов картечи в тело, и на ходу, казалось, едва задела сталкера, который отскочил в сторону, устояв на ногах, развернулся и выстрелом в шею сзади повалил-таки монстра. Кровосос, скрипя и молотя конечностями, взбивая пыль, извивался на земле в центре группы. Кривой, на долю секунды встретившись глазами с Бобром, отвернулся, и Егор, поняв его без слов, через мгновение добил мутанта. Сталкеры держали строй, пальба велась непрерывно, ограниченность мышления кровососов не давала им возможности атаковать разом, поэтому один за одним они валились на землю. Бобр старался придерживать выстрелы, пока Волк не крикнет «заряжаю». После выкрика Кривой и Бобр делали шаг ближе к практически на ощупь заряжающемуся сталкеру, а тот вставал на одно колено, чтобы не занимать сектор обстрела и при необходимости сделать спасительный кувырок с траектории мутанта. Когда пришла пора заряжаться Егору, он, непривычный к командной стрельбе, не выкрикивая, начал спешно перезаряжать дробовик, на что кинувший через плечо взгляд Кривой заорал:

– Бобер-сука заряжает!

После этого Волк, не переставая отстреливаться, сделал шаг назад к Бобру. Со всей кучки сталкеров о зарядке кричали лишь носители дробовиков, Лебедь же практически

моментально, словно из ниоткуда доставал новые обои, также быстро вщелкивал их, продолжал стрелять очередями, раздаривая подарки по нескольким направлениям, при этом он незначительно отдалился от группы, но его напарников, видимо, это не особо беспокоило. Фома удивлял эффективностью и точностью стрельбы, стреляя жаканами со своего охотничьего ружья, от каждого попадания которого кровосос ощутимо сотрясался и терял в скорости. Но вот скоро грохот выстрелов стал реже, лишь Лебедь, отступая, достреливал плетущегося на него монстра, но выстрел Фомы опрокинул и успокоил тушу. Вокруг кучки сталкеров валялось в разных позах шесть кровососов разных размеров и расцветок. От бледно-зеленого до желтоватого с какими-то красными пятнами. Действительно, кровососы здесь были как будто бы из разных мест, даже их длина и толщина не имели схожих пропорций.

– Не расходимся! – скомандовал Волк. – Все целы?

Сталкеры осмотрелись. Бобр все еще был в некоем шоковом состоянии и лишь бессмысленно крутил головой и корпусом, ища цели. Фома осторожно переступил через труп кровососа и приблизился к Волку.

– А мы ведь их того... – растерянно проговорил он, улыбаясь бледными губами, – мы их того, значит... уделали...

– Не ссы, малыш, – весело крикнул возвращающийся Лебедь, оценивая обстановку и придерживая ТРС-301 возле груди.

– Меня помяло, мужики, – сдавлено простонал Кривой и сел на землю. – Сосун, сука, ребро сломал, кажись, – Волк озабочено склонился над сталкером.

– Всем перезарядиться, – скомандовал он. – Лебедь на контроль. Ничего, Кривой, я там внизу «ломоть» видел, прилепим, отлежишься и как новенький будешь, – говорил он, помогая снять сталкеру бронежилет.

Картина, открывшаяся под бронежилетом, заставила его присвистнуть, правая сторона была сплошным синяком, под кожей видны были угловатые сломы двух ребер, сама же рана на глазах отекала. Вколов пострадавшему обезболивающее и отнеся его обратно в землянку, отряд из четырех человек, пересчитав патроны, вернулся к месту побоища. Волк кратко обрисовал обстановку.

– Здесь у нас штук двадцать трупов, если Кисель не напутал в своем сообщении, то еще штук десять сидят в карьере и на нас так и не вышли. Достать их там теперь будет самое сложное, одно дело валить подбитого и выдохшегося кровососа в чистом поле, другое дело лезть к ним на кухню. Значит, они либо раненые, либо шибко умные, либо, на наше счастье, Кисель со страху на десяток голов в большую сторону обсчитался. Так что не дрейфь, Фома, может, это последнее, – подмигнул он сталкеру. – Вопросы?

– А может, их еще с берега пострелять? – с надеждой предложил Егор.

Ему совершенно не хотелось спускаться со столь уютно-

го бережка в серо-зеленую, поросшую камышом, туманами и кислотными аномалиями яму. Уж больно мрачные мысли навевала она при виде того, какие твари предпочитают обитать в такой среде, а при мысли, что там может быть еще с десяток кровососов, у Бобра начинало крутить в животе.

– Нет, если они на такой шорох не вышли, то теперь тем более попрячутся. По одной штуке мы в четыре ствола повалим и то не факт, если в камышах стреляться, но если два-три сразу, то хреново будет, поэтому идем тихо, как в буфет за заначкой.

– А как с артефактами быть? – подал голос Фома. – Про хабар-то уговора не было.

– Хабарок тут имеется, – усмехнулся Волк. – Увидишь что путное, подаешь знак остальным, мы прикрываем. Только помни, что задерживаться тут ой как не рекомендуется, побыстрому дошли, приняли и назад. Не за хабаром мы сюда шли.

Как-то незаметно для себя, поблагодарив Зону за сохраненную ему жизнь и поцеловав пахнувший пороховой гарью дробовик, Бобр по указанию ведущего встал в хвост колонны. Первым шел Волк, за ним Лебедь, уставившись на ПДА, третьим Фома, задача которого была «не шуметь как слоняра», и замыкающий Бобр. Приближаясь к гулкой стене гравитационных аномалий, сталкеры без особого труда выбрали одну из тропинок, по которой выбирались кровососы, благо их тела и следы оставляли отличные ориентиры. Также Волк

подобрал «ломоть мяса», восстанавливающий здоровье артефакт для Кривого, невдалеке прыгала «душа» – дорогой и редкий артефакт, но подхода к ней не было видно, а терять время на исследование возможностей подхода было недопустимо. По ходу прикинув и так и эдак, как Кривой умудрялся стрелять с учетом расположившихся тут трамплинов, воронок и каруселей, Егор еще раз уважительно покосился на некогда казавшегося ему нелюдимого и как будто высокомерного сталкера Волка. «Наверное, он не такой уж и зазнавшийся и нелюдимый наемник, а бывалый сталкер, профессионал, так его. С молодняком ему просто не по пути. Интересно, почему он торчит в Деревне новичков, а не обосновался где-нибудь ближе к уловистым местам?» – думал Егор.

За этими мыслями они неспешно миновали гравитационный пояс и вступили на затянутое водой дно Карьера. Здесь господствовало царство мрака и разложения, утреннее солнце снова спряталось за хмурыми тучами, сам воздух тут был пропитан сыростью, запахом тины и раздражающим нос запахом разлагающейся под действием кислот растительности. Где-то невдалеке что-то пузырило, глянув на ПДА, Егор, кроме казавшегося отсюда непроходимым, оставшегося метрах в пятидесяти позади пояса гравитационных аномалий, увидел разбросанные в случайном порядке пятна химических очагов. Лебедь застыл, подняв руку, знаками показал одну цель справа в трехстах метрах и направление на тайник вперед. Постепенно приближаясь по направлению к тайнику

возле неизвестной Бобру химической аномалии, весело подкидывавшей над своей ярко-зеленой поверхностью такие же ярко-зеленые капельки, и потому создавая легкий шелест, Фома углядел «пузырь» – очень редкий артефакт, не имеющий вредных воздействий на человека и выводящий значительную дозу радиации из человеческого организма. Только одно это его свойство повышало его цену уже в пределах Зоны до головокружительных сумм. «Пузырь» плавал по поверхности аномалии, дразнил лаковой поверхностью, выплывая за ее пределы, но тут же прятался обратно в родную обитель. Увидев такой хабар, Фома отвалил челюсть и встал колом. Впереди идущие сталкеры остановились.

– Ну молодец, глазастый, – шепотом похвалил Фому Волк. – Иди добывай, прикроем.

– Ага, косарей на пятьдесят, – улыбаясь до ушей, так же шепотом ответил Фома.

«Да, повезло... – в свою очередь подумал Егор. – Может, и самому в бригаду какую напроситься? Ишь какие кусищи на дороге валяются. Один бы я в жизни сюда не добрался», – с некоторой завистью подумал Бобр и сверился с ПДА на наличие жизненных форм поблизости. ПДА был чист, за исключением все тех же химических очагов, которые, как показалось Егору, немного сместились к центру экрана.

Фома перекинул ружье на плечо, взял в каждую руку по болту и, растопырив их так, будто намеревался схватить зажатого в угол поросенка, медленно двинулся к аномалии. До

кислотной вдовы, именно так назвал ее Лебедь, было метров двадцать. Пройдя очень медленно с десятков метров, Фома застыл, видимо, оценивая, как лучше пройти к резвящемуся под кислотным душем артефакту. Внезапно метрах в трех от застывшего сталкера под толщей воды что-то шевельнулось, это было похоже на движение крупной рыбы или змеи. Но какая к чертям рыба на дне заброшенного Карьера? Автомат и дробовики прикрывающих мгновенно взлетели в боевое положение и оказались нацеленными на спину Фомы, поскольку он стоял на линии огня. Фигура Фомы казалась каменной, настолько недвижимо он застыл. Прошло одна, две, три... пять секунд, ничего не происходило, только двинувшийся за хабаром сталкер еще медленнее, чем приближался, не оборачиваясь и не сводя руки вместе, начал отступать назад к отряду. В таком же неестественно медленном темпе он встал на свое место, снял ружье и на вопросительный взгляд Лебеда, мол, «ну что там?» тихо и с деланным безразличием ответил:

– Ну его, не очень-то и хотелось...

Волк согласно кивнул, хотя было видно, что ситуация его развеселила, но вероятнее всего, он бы тоже не рискнул сунуться через то, что создало возмущение на поверхности воды.

Восстановив походный порядок, отряд продолжил красться к уже недалекому маячку тайника. Тайник располагался в старом, облезшем сейфе с шифровальным, заеденным кис-

лотой, лимбом на дверце. Сам сейф стоял в центре сухой поляны. Каким чудом этот сейф оказался здесь и что за орлы умудрились спрятать там неизвестную вещь, было для Егора непостижимой тайной. Поскольку свои тайники он старался прятать так, чтобы его нельзя было найти, а не так, чтобы нельзя было добраться. Вероятно, вещь стоила кучу бабок, раз столько усилий было потрачено на то, чтобы ее спрятать. Волк подошел к сейфу, внимательно оглядел его на наличие нежелательной защиты от чужих, типа гранаты, достал нож. Оглянувшись по сторонам, он просунул его в щель между дверцей и медленно начал отжимать ее. Дверца оказалась не заперта, но то, что случилось дальше, по нежелательности, возможно, было равносильно гранате с обратной ее стороны. Дверь невероятно громко закрипела, в тишине карьера это прозвучало как удар по рельсе повара, созывающего рабочих на заслуженный обед. Тут же со всех сторон раздались рев и хрипы местных обитателей, внявших призыву заботливого повара. Волк протянул руку, вытащил сверток из сейфа, положил его в специальный чехол и упаковал в рюкзак.

– Ходу, – теперь уже не таясь, скомандовал Волк. – Бобр ведущий. Не останавливаться.

– Множественные цели на периметре слежения, – доложил Лебедь.

– Сколько?

– Пока пять объектов.

Отряд сталкеров, развернувшись и уже не таясь, начал уносить ноги, Бобр, глядя на ПДА, определенно заметил, что все химические аномалии сместились ближе к проторенной ими тропинке, то ли питались они мутью, взбитой ногами сталкеров, то ли охотились, но люди своевременно покинули зону их обитания. Секунду размышляя, стоит ли говорить об этом остальным, Бобр уже было открыл рот, но раздавшийся как будто совсем неподалеку мощный рев мутанта, выветрил все слова из головы Бобра и подкрутил обороты его ходуль настолько, что он с дробовиком наперевес, разбрызгивая грязь и топоча, ломанулся вперед. Сзади него топал Фома. Глянув на ПДА, Егор разглядел три красных объекта, преследующих их группу.

«Мать моя, это же ни фи́га не песики, – почему-то вспомнилась ему недавнее, но уже казавшееся очень далеким, происшествие, где он также улепетывал от слепых псов. – Когда же это кончится? – с тоской подумал он, – мы же вершина пищевой цепи, человек ни убегает ни от кого...»

Несясь во весь свой сталкерский дух, Егор, представитель вершины пищевой цепи, сосредоточился на том, чтобы не влететь в аномалию и не погубить при таком темпе весь отряд. Ведь смерть в таком случае будет невероятно жестокой и болезненной. Сзади раздались выстрелы. Палили Волк и Лебедь, которые немного отстали от бегущих Фомы и Бобра. Оба сталкера остановились и развернулись в сторону стрельбы. Злые сухие выстрелы «Чейзера» Волка перемешивались

с короткими отчаянными очередями автомата Лебеда, но вот очередь вдруг стала длинной, и раздался визг мутанта, еще пара выстрелов картечи, и визг затих. «Минус один», — с облегчением и как-то гордо подумал Егор.

Ожидая, что из-за камышей появятся фигуры сталкеров, Бобр сделал пару шагов в сторону, чтобы увидеть их чуть раньше. Возможно, это и спасло ему жизнь. Воздух, где только что стоял Егор, потемнел и исказился, а Фома, стоявший практически на том же месте, вдруг округлил глаза и начал с непередаваемым глухим хрустом ломаться, словно сделанный из поролона и картона. Сначала его куртка плотно прижалась к телу, затем правая рука, хрустнув, сломалась в районе плеча, затем обе ноги поднялись в воздух, прижались коленями к груди и хрустнули, одновременно раздалась целая гроздь щелчков позвоночника, а из открытого рта вывалился язык. Казалось, целую вечность Бобр смотрел в эти непонимающие и застывшие в ужасе, закровоточившие глаза сталкера. Позади Фомы стоял огромный болотный кровососище и обнимал его двумя руками, буквально сгребая в охапку, словно куклу. Мутант был огромен, темной, грязно-зеленой расцветки, выше самого сталкера почти на полметра, голова-дыня с горящими угольями глаз была гладкой и лоснилась. Почти в два раза шире в плечах сминаемого им человека, с гигантскими, казалось, под полметра щупальцами. Взлетевший к плечу дробовик обнаружил пустоту и расходящиеся круги в мелкой воде на месте, где только что сто-

яло чудовище и его жертва.

Болотные кровососы – это отдельный особо сильный вид тварей, гораздо крупнее своих и без того не мелких сухопутных родичей. Эти мастера засад и маскировки в одиночку могут выкрасть сталкера из центра группы и гигантским прыжком выйти из зоны обстрела. В одно время, когда у этих тварей был всплеск активности и размножения, такое случилось на Агропроме. Тогда отряд Долга в несколько человек ничего не смог противопоставить болотному кровососу, и он, несмотря на плотный заградительный огонь, утащил одного из них с собой. Это знал каждый уважающий себя сталкер, и в таком случае, оставшись один на один, лучший выход – это побег. Оглянувшись, Егор понял, что остался один. Волк и Лебедь, вероятно, пробиваются другой дорогой, а вот Бобру тут торчать точно нечего. «Мама, – только и успел подумать он, вжимая газульку своего организма в пол, – мне определенно больше нравятся собачки, нет, я люблю собачек, дайте мне хоть сто слепых собачек, я не поменяю их на одного болотного кровососа!» Все это проносилось в его голове в то время, как тело, не осознавая происходящего, огибало аномалии и несло по направлению к желтому песочному склону карьера. Пробежав около сотни метров, два раза поскользнувшись, облившись какой-то дурно пахнущей дрянью и сбив дыхание, Егор остановился. Взгляд на ПДА. Две новости, понял он. «Одна плохая, другая хуже некуда. Плохая – меня преследует кровосос. Очень плохая – это БО-

ЛОТНЫЙ кровосос». Интенсивно красная точка больших размеров то ускоряясь, то замирая, зигзагом приближалась к нему, показывая, что мутант движется огромными скачками. У сталкера похолодело в животе, озираясь, Егор искал хоть какое-то укрытие, хотя знал наверняка, что от такого монстра укрытия не сыскать. Но умирать спиной к мутанту Бобру почему-то не хотелось, в голове как будто что-то переключилось, и сталкер вдруг успокоился и побрел навстречу, несомненно, хозяину этого болота. Пройдя назад буквально с десятков шагов, он увидел чудовище, которое сидело на корточках в низкорослом камыше, упершись лапами в грязь и даже не затрудняя себя включением стелс-режима, разглядывало человека. Их разделяло с десятков метров неглубокой воды. «Пожрал уже, значит, – как-то отстраненно понял Егор, – ишь ты, не торопится». Кровосос, не схожий по размерам ни с какими другими видимыми до этого Бобром кровососами, действительно сыто рыгнул, как будто прикидывая, с какого места он начнет употреблять этого человека.

Возможно, его настроение можно было сравнить с настроением человека, съевшего основное блюда, какую-нибудь курочку, а теперь с ленцой ковыряющего зубочисткой в зубах, борясь с легкой икотой, разглядывающего десерт или корзину фруктов... мол, да... этот десерт я тоже... с удовольствием... съем. «До чего же ты, сволочь, огромен», – еще раз оглядывая мутанта, отцепляя гранату Ф-1 с пояса и выдерживая чеку, подумал Егор. Тем не менее дробовик, не отсту-

пая, смотрел в рыло мутанту. Кровосос недовольно забеспокоился, типа «ну что это еще за фокусы, что это за нежелание делиться вкусным содержимым?» Гляделки продолжались несколько секунд. Но, как известно, пересмотреть человека может только пустота. Мутант недовольно заерзал и, видимо, поняв, что разглядывать десерт так долго является признаком плохого тона, решил, так сказать, начать с вишенки. Привстав и глухо заворчав, он начал раскачивать мощный, налитый мышцами корпус из стороны в сторону, при этом его огромные когтистые лапы качались плетьюми и стучались о бедра. Бобр продолжал движение, не зная для чего, обходя мутанта. На линии видимости между неадекватным кровососом, вероятно, переживающим особо романтичный период размножения, и сталкером, показалось зеленоватое свечение холодца. Островок редкого камыша, также разделившего мутанта и сталкера, внес свою лепту в развитие событий. Изменение видимости контура сталкера, вероятно, было расценено им, как попытка побега, и кровосос легко и неожиданно прыгнул с места в ту сторону, где он видел сталкера. Раздался выстрел, заряд картечи в полете приложил кровососа в морду, и тот, растерявшись такому подарку, приземлился перед сталкером, заваливаясь назад, в тот же момент дробовик выстрелил повторно, уже в грудь, и мутант, хрюкнув от растерянности и царапнув лапой воздух перед лицом человека, завалился в холодец.

Особенность аномалии «холодец» в том, что она, попадая

на органику, безболезненно или, как сказал один яйцеголовый, в смысле ученый из Янтаря, «гуманно» и быстро проникает сквозь верхний слой и начинает свое разрушающее действие через секунды, обрушивая море ощущений на несчастного, коснувшегося такого холодца. Но свойства практически всех аномалий изучены менее чем на пять процентов, и по сути каждая аномалия уникальна. Данный холодец оказался не только гуманной, но также тягучей и плотной субстанцией, мягко и без брызг принявшей упавшего в нее кровососа. Егор, еще не осознавая, что делает, бросил туда же гранату. В секунду он вдруг понял, что сейчас произойдет и, развернувшись, бросился с головой в воду, целя под растущий позади него островок камыша. Рев раненного чудовища, казалось, затмил грохот взрыва, и даже под водой Бобр удивился неестественной, заложившей уши, громкости рева. Встав на ноги, сталкер развернулся, выставив оружие в сторону мутанта. То, что теперь представлял собой мутант, было лишь уродливой пародией на того полного жизни и здоровья кровососа секунды назад.

Невероятно прочная темно-зеленая кожа обесцветилась, превратившись в кремовую, вздулась пузырями и повисла лохмотьями, кисти одной руки не было, ноги обнажили жилы и кости, поскольку кровосос все еще стоял в холодце, в глазах светилось бешенство и ярость. Егор нажал на курок, щелк – осечка, щелк, щелк – осечка. Чудовище, ставшее еще страшнее и безобразнее, заревело и двинулось на человека.

Заорав от ужаса, Бобр щеманулся к спасительной линии желтоватого песка, которая сулила если не спасение, то шанс добраться до, возможно, ожидающих его товарищей, Волка и Лебедя. Истерзанное чудовище двинулось за ним на плохо слушающихся ногах, поскольку инстинктивно чувствовало, что теперь речь идет не просто о еде, а о выживании самого кровососа. Если он не завалит и не выпьет сталкера, у него просто не будет строительного материала и калорий, чтобы нарастить себе новые мышцы, кожу, восстановить внутренние органы, и тогда он просто уйдет в небытие от полученных ран. Бобр, не соображая от ужаса и, вероятно, находясь в состоянии легкой контузии от близкого взрыва, тем не менее быстро или медленно, но бежал в сторону склона, часто спотыкаясь, вставая вместе с длинными водорослями и создавая кучу брызг. На каждое падение сталкера монстр реагировал громогласным рычанием. Кровосос следовал за ним с такой же скоростью, дергаясь при каждом шаге негнущихся ног, и пусть даже обезумевший и контуженный сталкер терял скорость, идя по колено в воде, задыхался и не мог быстро ориентироваться, действие холодца все также продолжало убивать монстра, растворяя его плоть и замедляя его движение. В конце концов Бобр, превратившийся в пучок каких-то длинных и прочных водорослей, некоторые из которых шевелились и пытались проникнуть под одежду, достиг берега, но товарищей там не было. Он обернулся и, о ужас, кровосос все еще преследовал его, теперь уже не на ногах, но ползя на

животе, выкидывая уцелевшую лапу, на которой уже не осталось когтей, вперед, подтягиваясь и протаскивая себя дальше. Ноги превратились в культы, холодец делал свое дело, и даже сверхпрочная конструкция этого уникального охотника не смогла противопоставить ничего аномальному химическому веществу, по неведомым законам реагирующему с живой органикой и достаточно быстро отказывающемуся реагировать с неорганическими веществами. Некогда непобедимая машина для убийств теперь представляла жалкое зрелище, но вместе с тем существо показало свою жуткую суть, которая заключалась во вспыхнувшей и неубиваемой жажде человеческой крови. Хуже того, сталкер вышел не на том месте, откуда они заходили в Карьер, позади него гудел ряд гравитационных аномалий, ПДА показывал сплошное непроходимое поле и огромную красную точку уже в центре экрана! Чудовище, сделав последний рывок и шумно выдохнув, вцепилось в ногу сталкера своей на половину разъеденной рукой, на которой стало в два раза меньше мышц и сухожилий, щупальца с правой стороны и морда кровососа тоже были разъедены, и теперь был виден проблескивающий белым мертвый остов щупальца, похожий на сетку с уменьшающимися от основания к вершине ячейками. Засипев от невероятных усилий, мутант выкинул вперед вторую руку без кисти и пытался вспороть живот сталкеру, но конечность, не имеющая ни пальцев, ни когтей, соскальзывала от живота до паха сталкера, оставляя кроваво-бурые разводы на куртке.

То ли в силу небольшой контузии, то ли в силу действительного потрясения, способного сорвать психику любого человека, отчаянно заорав, Бобр забыл про пистолет, лежащий в специально перешитом кармане куртки, схватил дробовик за ствол и с криком, в который вложил всю отчаянность своего положения, словно топор, обрушил рукоять на голову монстра, удар, удар, еще удар. С каждым ударом Егор выдыхал и вкладывался всем корпусом, выпрямляясь для замаха, он хрипло, со стоном вдыхал и опять безумно бил изо всех сил. Это было противостояние желания выжить с обеих сторон, которые, однако, взаимно исключали друг друга, для человека это была борьба за жизнь со смертью, представшей перед ним в таком невероятном и жутком обличье, для чудовища же это была борьба с невероятно слабым и хрупким соперником, ставшим вдруг таким высоким, сильным и непобедимым. Хватка кровососа начала ослабевать, удары человека становиться реже, черепная коробка кровососа, чавкнув, отвалилась и отлетела, обнажив желтый мозг существа. Бобр, уже падая от потери сил и от недостатка кислорода в горящих легких, поднял ногу и вдавил ее в содержимое черепа мутанта, одновременно слыша его последний пронзительный визг. Зона сделала выбор.

* * *

– Ну что, очнулся? – поддерживая голову, заглядывая в

глаза, осведомилось размытое лицо Волка. Возле губ оказалась фляжка с водкой.

– Антишок вколол? – спросил стоящий неподалеку Лебедь с автоматом наперевес. Он не удержался и делал фотографии своим ПДА разбитого вдребезги болотного кровососа, для масштабности положив рядом с трупом банку консервов.

– Вколол, щас полегчает. Эй, сталкер, имя помнишь? – спросил Волк, то раздваиваясь, то вновь сливаясь в одно лицо.

– Ты еще спроси, где живу, – полушепотом ответил Бобр, – Бобр я, – тем не менее ответил он. Водка пролилась внутрь, обожгла изнутри и, казалось, позволила наконец-то задыхать.

– О! Смотри, шуткует, стало быть, жилец, – заулыбался Волк. – Знатно ты его разделал. Силен, силен – нам такие люди нужны.

Обнаружив на груди привязанный бинтом посторонний предмет, Егор захотел снять его и даже протянул руку, поскольку в том месте нестерпимо чесалось.

– Не трогай, это «кровь камня», как раз тут неподалеку выкинуло, – пояснил Лебедь, – минут через десять снимешь. В себя придешь и убираться отсюда будем... пока тихо, – добавил он.

Через пару минут Бобру действительно полегчало, картинка прояснилась, в глазах перестало расплываться, а в

ушах гудеть. Встав сначала на четвереньки, потом, опершись на дробовик, – на ноги, он осмотрел чудовище. Действие холодца уже закончилось. Несколько укороченная версия огромного кровососа, раскинув изувеченные конечности, лежала мордой в песке, верхней части черепа не было. Мозг же, раздавленный человеческим ботинком, вышел за края и застыл желто-красными хлопьями, словно плотная мыльная пена, в которую уронили кусок мыла, застыла волной, и легкая рука фотографа запечатлела это момент.

– Ну что, кончил начальника Карьера? – схохмил Лебедь.

– Не смешно, – заметил Бобр, вставая. – Я готов.

Отряд развернулся и гуськом, вслед за Волком, побрел вдоль полосы аномалий к ближайшему выходу из него. Время было за полдень.

Без приключений добравшись до землянки под контейнером, отряд расположился на отдых. Их встретил осунувшийся Кривой, при появлении сталкеров он заметно приободрился.

– А где Фома? – спросил он. По молчаливым взглядам он все понял и не стал продолжать. – А что за тварь там орала? Я отсюда слышал, уже думал идти выручать.

– Незачем идти было, у нас вон, герой есть, – сказал Лебедь весело и кивнул в сторону покрытого грязью Бобра, – в одно лицо болотного кровососа уделал. Щас фотки покажу и по сетке ребятам скину, пусть подивятся.

Кривой удивленно присвистнул и с удивлением уставился

на Бобра.

– Расскажешь? – с некоторым сомнением спросил он.

Бобр еще под действием антишока только махнул рукой.

– Расскажу потом... в лагере, – после паузы добавил он и начал раздеваться.

Через десяток минут сталкеры сняли, наконец, с себя замызганные комбинезоны и залитые водой берцы. Волк быстро примотал скривившемуся от боли еще больше Кривому «ломоть мяса». Почистив оружие, перекусив и помянув Фому, Волк и Лебедь достали с десятка синтетических контейнеров для артефактов из рюкзаков. Егор нашел причину осечки дробовика, она была очевидна. Прыгая с головой от гранаты в болотную воду, он забил дробовик грязью и глиной. Теперь же вычистив оружие, он побил свой собственный рекорд по количеству грязи, вынутой из оружия за одну чистку. В принципе, наверное, он побил рекорд всех тут сидящих.

– Мы пока до тебя добирались, когда ты в отключке лежал, немного собрали. Здесь место на артефакты богатое. Хотя как знать, может завтра их еще больше будет, вечером Выброс, – с этими словами Волк и Лебедь начали аккуратно открывать контейнеры.

Чего там только не было: подарки от химических аномалий: «пленка», пара «колобков», порождения гравитационных аномалий: «золотая рыбка», три «выверта», «грави», «душа», «кровь камня». При виде этого богатства Бобр рас-

терялся, только Лебедь, внимательно сощурившись, наблюдал сбоку за Егором, при этом его рука как бы невзначай лежала рядом с почищенным «Фортом». Налюбовавшись на неземную игру огней и света артефактов по сравнению с бледным освещением землянки, которая освещалась двумя походными фонарями, Волк по кивку Лебедея предложил, обращаясь к Бобру.

– Ты, сталкер, знаешь, Зона крыс не любит, и мы не из таких, потому и ходим по ней. Дело ты сделал большое, нам помог и себя выручил, выбери себе свою долю. Все, что в общей ходке добыто, кроме оговоренного, делится по совести.

Бобр еще раз осмотрел богатство, общая стоимость которого, по его скромным подсчетам, доходила до сотни косых, протянул руку к «душе».

– Это, – указал он на «душу» нежного светло-кремового цвета, с сеткой разводов, проходящих по всей его поверхности, попеременно мягко вспыхивающих разными оттенками от оранжевого до белого.

При приближении к артефакту руки сталкера он затрепетал и запульсировал огнями чаще, потом, словно успокоившись, снова ушел в свою неспешную игру внутренним светом. Стоимость этого артефакта, по самым скромным прикидкам сталкера, минимум двадцать тысяч. «Душа» – редкий и дорогой артефакт, его свойства позволяют буквально вытащить с того света человека и заживить раны, с которыми бы не справился самый лучший хирург в самых идеальных

условиях. Либо же этот артефакт может использоваться как аптечка, время от времени восстанавливая здоровье сталкера, но, соответственно, постепенно теряя свои свойства. В любом случае это был, наверное, самый ценный артефакт из сегодняшней коллекции, ну разве что «золотая рыбка» могла бы поспорить с ним в стоимости.

– Ну что ж, твое. Забирай, – сказал Волк. – Что еще?

– Нет, больше не надо. Спасибо, – подумав, ответил Егор.

Он знал, что делиться с ним они были не обязаны, они вообще могли бы не показывать сбор, и он бы ничего не узнал. Такой неожиданный подарок наполнил его ликованием и воодушевлением, и дело было не в деньгах. Он переложил «душу» в свой контейнер и облокотился на стенку, оставив остальных сталкеров самим разбираться с хабаром и пропуская их разговоры мимо ушей. Он никогда ранее не добывал такой артефакт и не видел его собственными глазами. Теперь же, будучи владельцем этого сгустка жизни, он поднес его близко к глазам, словно пытаясь разглядеть, что же там прячется внутри. Игра света в причудливых разводах артефакта завораживала. Свет то появлялся изнутри и, пробегая по сетке рисунка, угасал на поверхности, то как будто собирался на поверхности и по тем же прожилкам убегал внутрь, то вдруг сама «душа», словно восторженувшись, делала глубокий вздох и увеличивалась в размерах, то вдруг сам артефакт равномерно освещался целиком и потухал, уходя в задумчивость.

– Выброс через полчаса, всем оправиться, – скомандовал Волк.

Вся команда, взяв оружие, вылезла наверх, включая Кривого, который уже избавился от «ломтя» и практически не проявлял признаков беспокойства по поводу сломанных утром ребер. Сделав дело, Егор отбил подсохшую грязь с одежды и обуви, благо умыться он успел водой из фляжки еще у Карьера, который был не далее чем в полутора километрах от места их нынешней дислокации. Спустившись вниз, сталкеры, задраили люк и расположились по своим углам, им предстояло переждать Выброс, переночевать и утром выдвигаться в обратную сторону, чтобы вечером быть в Лагере новичков. Небо в стороне завода Юпитер розовело, это можно было принять за закат, но облака практически не покидали небосклон, и солнце просто не могло окрасить красками Большой земли сумрачные картины Зоны. Тревожно завyli слепые псы, порывы ветра выгнали откуда-то пару плотей, и они пробежали под наливающимся кровавыми красками небом мимо незакрывающихся дверей контейнера.

Глава 4. Возвращение

Группа сталкеров из четырех человек выдвинулась из контейнера в сторону кордона. Легким шагом, без лишних слов они растворились в утренних сумерках, перечеркиваемых редкими каплями дождя и внезапными порывами холодного ветра. Дорога назад также заняла весь день, но, как это бывает в походках, показалась короче. Ведущие попеременно Волк и Лебедь спокойно и аккуратно обходили новообразованные аномалии, иногда застывая на секунды в раздумьях. Зверье практически не интересовалось путниками. Всего на их пути встретилось несколько смешанных стай кабанов и плотей, которым сталкеры уступили дорогу, еще одна стая плотей, которая сгрудилась над чем-то большим, лежащим в грязи между двумя холмами, а в бинокль было видно, как в воздух взмываются их клешни и хлестко бьют по тому, что лежит посередине. Кучка слепых собак, тревожно нюхающих воздух, прощупывающих ментальную обстановку, не сочла четверку людей посильной добычей. Молодой кровосос, принявшийся было преследовать колонну и высветившийся на ПДА Волка, был отогнан гранатой из подствольника и, правильно поняв недвусмысленный намек от людей, потерялся с экрана ПДА. Группа не хотела рисковать, задание Сидоровича было выполнено, и каждого грел приличный хабар. «Хороший все-таки у них ПДА, надо бы тоже такую машинку за-

иметь», – думал Егор, прикидывая, сколько торговец может заломить за такой прибор.

По пути назад им встретилось несколько одиночек, выдвинувшихся за хабаром. Пара из них отклонилась, чтобы не встречаться с группой, но двое других не свернули с маршрута. Приветственно махнув рукой, они сошлись. Перекинувшись несколькими словами об обстановке по маршруту, Бобр заметил, какие осторожные любопытные взгляды кидали в его сторону сталкеры. «...Это тот самый сталкер, который в одиночку уделал болотного кровососа», «...мы же видели фото, что он сделал с этой тварью, на ней живого места не осталось», – словно говорили их взгляды. Бобр вдруг осознал, как выглядит его поступок в глазах новичков, да и бывалых сталкеров тоже. Раздумывая об этом всю оставшуюся дорогу, он незаметно для себя улыбался. Вернувшись к ночному сталкерскому костру, к которому также вышли Волк, Лебедь и Кривой, что само по себе было событием, Бобр за чаркой прозрачного несколько раз рассказывал про Фому, про болотного кровососа, про то, как удирал и как убивал кровососа, каждый раз переживая по-разному и по-новому эту историю. Сталкеры – народ веселый, особенно когда день подошел к концу, и пришло время заправится возле ночного костра Казаками, и шутка за шуткой история окрашивалась в комичный цвет. В конце концов все более и более дружный гогот пьяных сталкеров вызвал недоуменное сообщение от Сидоровича, мол, «чего вам нехристи не спится?», чем вы-

звал новый приступ веселья. В итоге уже далеко за полночь Шут и Малена, поддерживая друг друга и надрываясь от хохота, отправили в сеть историю о том, как сталкер Бобр с перепугу забил прикладом гадившего в камышах болотного кровососа.

Наутро после всеобщей попойки, а похмелье в Зоне – событие крайне редкое, Бобр привел себя в порядок и спустился к Сидоровичу.

– Ну заходи, герой, – довольно пробурчал Сидорович, по его глазам было видно, что он прочитал историю про Бобра и теперь тихо посмеивался, глядя на сталкера.

Егор, поприветствовав барыгу, сделал вид, что не заметил настроения торговца, пересчитал деньги за проделанную работу и отдал Сидоровичу на хранение. Такая была традиция: выполнил заказ – получи деньги, посчитай, хочешь отдать на хранение – отдай своими руками, чтобы знал, деньги были, и ты их сам добровольно отдал. Теперь на Егора записана приличная сумма в сорок штук, «душу» он решил не продавать, поскольку деньги особо не требовались, а ценность этого артефакта в иной момент могла стать гораздо выше обозначенной торговцем. Закупившись по мелочи, припасами, патронами для дробовика и новым усовершенствованным ПДА, который, с обменом на старый и с изрядной трепкой воздуха в очередной торговой баталии, обошелся Бобру в пять косяк, сталкер все-таки в хорошем настроении вышел на свежий воздух. Поднялся на чердак, где завалился на спальный

мешок и начал настраивать и разбираться с девайсом.

Лагерь заметно опустел. Шут и Малена, взяв напросившихся четверых новичков, решили отправиться на разоренный Карьер, пока прознавшие об освобожденном Карьере другие сталкеры не вынесли оттуда все ценное. Ковыряясь в новехоньком ПДА, Бобр с удовольствием отметил преимущества нового гаджета по сравнению с его первой и родной машинкой. Картинка давалась четче, поэтому детали карты выглядели действительно информативными, сам ПДА, кроме улучшенного железа, имел расширенный диапазон поиска артефактов, позволяющий засекаать их вне прямой видимости, библиотеку о мире Зоны, где сталкер несколько раз прочитал о новых найденных аномалиях, и больше всего его порадовал ДЖФ (детектор жизненных форм), который мгновенно высветил имеющихся в округе пять человек, трое из которых были, конечно, его вчерашние напарники, а двое – дежурившие по лагерю новички. Поиграв с режимами чувствительности ДЖФ, Егор настроил его на максимальную чувствительность, пытаясь засечь орущих с самого утра на окружающих деревеньку тополях ворон. Остывающие внизу уголья в бочке обозначились как кабан, а в одной из дальних изб поселилось вроде как семейство крыс. Вороны, кстати, замечены так и не были, хотя Бобр и крутил ПДА над головой и поворачивал его в сторону деревьев, даже вытаскивал наружу руку, ничего не дало результат. Воронье мистическим образом никак не хотело обозначаться на экра-

не. «Может, у них оперенье как-то мутировалось, что детектор не высвечивает? – прикинул сталкер. – Надо будет у яйцеголовых спросить, чего они за чудесами гоняются, а простую птицу раскусить не пробуют». Высунув голову из чердачного окошка Бобр свистнул постовым, подошедший сталкер вопросительно уставился на него.

– Чего?

– Слушай... э-э-э... – начал Бобр, мучительно вспоминая кличку новичка, стоящего перед ним, но ничего не вспоминалось про этого парня, ровным счетом ничего.

– Молоко, – буркнул молодой, понимая что внутренняя борьба Бобра со складом памяти не приносит результатов.

– Во, Молоко! Чего это у нас вон к той хибаре, никак крысы завелись? – обрадовавшись подсказке, спросил Бобр.

– Не знаю, не видели, – мрачно ответил новичок.

– Ну так иди проверь, заразы нам еще тут не хватало. Да смотри, не пали без толку, – крикнул он вслед повернувшегося в сторону указанной хибары сталкеру, вспомнив, почему Молоко – действительно Молоко.

Прозвища, клички, погонялы даются в Зоне легко и непринужденно. И, как правило, прикипают навек к ее носителю. Долговцы высокомерно пишут в своей отчетности: «сталкер по прозвищу... такой-то», самим сталкерам больше нравится слово «кличка», поскольку оно от слова «клич», а сталкерский народ силен, когда собирается в кулак. Бандиты же на своем погоняле и гоняют друг друга от воронки до ка-

русели, а от карусели до трамплина, пока смерть не разлучит их. Новичок, пришедший в Зону, не имеет клички. Это примерно то же самое, как призывник в учебке, он еще не дух, которого уже можно учить реальностям армейской жизни, он только запах. Его не привлекают ни к каким делам, его не спрашивают ни о чем, его не замечают до тех пор, пока он сам не определится своими действиями. Вот и Бобр заработал свою кличку в одну из первых ходок. Помнится, как он, отдав все деньги проводнику за организацию «окна», просочился под колючками, под «вдруг погасшим» прожектором и, позвякивая плохо утянутыми пряжками, словно теленок с колокольчиком, убежал в сторону Лагеря новичков вдоль заминированной линии. Имея представления о некоторых правилах поведения в Зоне, полученные на Большой земле, Егор напросился отмычкой к тогда еще здравствующему сталкеру Фолу на Агропром. Это сейчас Егор понимал, что Фол был безответственным и очень посредственным сталкером, предпочитающим вместо того, чтобы подумать головой, сунуть вперед отмычку, но тогда он казался прожженным до костей сталкерюгой, умудренным опытом жизни в Зоне отчуждения. Тогда, с приключениями добравшись до локации Агропрома, с горем пополам отбившись от слепых собак, наделав больше шума, чем толку, и оставив одного отмычку по пути возле электры, притаившейся в кустах, куда он отошел по нужде, группа из пяти человек остановилась на пригорке. Егора оставили организовывать лагерь, а сами ушли на сбор

артефактов, поскольку время поджигало, а от молодого все равно толку нет и, как указал Фол, «нужно окопаться по самую шею». Недолго думая, молокосос Егор организовал костерок, примерно прикинул места лежанок вокруг и, кряхтя и обливаясь потом, натаскал из стоящего недалеко леса бревен, веток и прочего, соорудив вокруг поляны этакий бруствер высотой по грудь, который должен был защитить их от ночных нападений, как он тогда полагал, собак, поскольку страшнее зверя в Зоне он еще не видел. Вернувшиеся через два с половиной часа сталкеры отвалили челюсть, увидев вместо недавно чистого холмика нагромождение сушняка, за которым ничего нельзя было разглядеть, даже довольно щерившегося Егора, который держал их на мушке своего плохонького обреза.

– Смотрите, прям бобер какой-то, – сказал тогда кто-то из них.

С тех пор так и повелось, стал Егор Бобром. Да и плотинка его все еще имеется до сих пор, правда, порядком уменьшенная, поскольку облюбовавший эту же опушку народ мал-помалу просто отламывал понемногу от баррикады для костра. Но тем не менее бревна оставались лежать. На одном из них какой-то сталкер, возможно, в утренний час на дежурстве, вырезал ножом И+Ж, и бревно, словно почувствовав силу надписи, решило прорасти и выпустило корни в землю прямо из-под коры и из сучков. Теперь у полянки есть своя достопримечательность, живое бревно, которое также выпу-

стило несколько молодых, упругих веток и в другую сторону, в небо, давая ощущение уюта и спокойствия. Кстати, прошедший по его следу Фол обнаружил пару трамплинов и жадинку, вокруг которых курсировал с поклажей новичок, и которых, увлекшись строительной работой, Егор, конечно же, не заметил. Новичкам везет.

Отправив Молоко проверить дальнюю избу, Бобр завалился было опять на мешок. Через несколько минут раздались pistolетные выстрелы и приглушенный расстоянием мат. Схватившись за дробовик и высунувшись из чердака, Бобр уже догадался, что послужило причиной шума. Также на крыльце появилась отдыхающая в лагере троица Волка. На шум прибежал второй дежурный новичок – Гара. Увидав Бобра, Лебедь кивком спросил, мол, чего за шум?

– Молоко крыс гоняет, – крикнул сверху Бобр.

– Он бы еще с автоматом с ними воевал, – сказал Лебедь.

И вся троица развернувшись вернулась в дом. Гара же поспешил на помощь приятелю. Молоко вылез из погреба, расположенного недалеко от полуразрушенного дома, погрозив разряженным «Фортом» в дыру.

– У, твари. Я вам устрою.

Глава 5. Переход

Так неспешно в Лагере новичков прошло несколько дней. Шут, Малена и двое из четырех отмычек вернулись с Карьера. Один влез в кислотную вдову, она обстреляла его кислотой, он умер от болевого шока, другой, идя замыкающим, отстал от группы и, наверное, попал в кислотную яму, в любом случае на ПДА его метка исчезла, а шумов, возможно, связанных с его исчезновением, никто не заметил. Кровососов они не встретили, после похода с группой Волка большая часть мутантов была выбита, остатки проредили пришедшие сразу вслед за Выбросом и за новостью о разорении гнезда кровососов сталкеры, вынеся большую часть артефактов. Группа Шута все-таки намыла кое-какой хабар, и теперь новички, сидя за костром, гордо смотрели на своих товарищей Молоко и Гару, которые оставались дежурными по лагерю. Постепенно из ходок вернулось еще несколько одиночек. Одного подрали тушканы, порвав в нескольких местах его одежду и рюкзак. Убегая, он растерял весь добытый хабар и теперь сидел у костра хмурый, видимо, соображая, что делать и как быть. Древню собаки прокусили ногу, он так и остался на долговской базе на заводе Росток, пока не заживет. В целом Бобр был предоставлен самому себе: днем чистил, ремонтировал одежду и оружие, вечера коротал под навесом за костром, слушая байки вернувшихся из

ходок сталкеров и готовился к вылазке на свалку.

Но просто сходить за хабаром ему было не судьба. Сидорович, вызвав его в бункер, попросил доставить какой-то пакет на Янтарь, на базу ученых. Пообещал некоторое количество денег за работу, выдал дополнительно походные радости на четыре дня пути. НАТОвские саморазогревающиеся консервы и несколько других недешевых добавок, таких как сублиматы, на которые, как правило, Егор предпочитал не тратиться для походов. Такая щедрость от Сидоровича была удивительна, но сталкер не стал пользоваться моментом и ломить цену за свою услугу. На следующее утро он вместе с несколькими другими сталкерами, идущими на промысел в сторону Агропрома, двинулся в путь.

Всего в группе было четыре человека. Миновав свалку, где осталось двое сталкеров, Бобр вместе с Шестом вышли на территорию Агропрома, где от него отделился и Шест. Егор, привычно крутя головой, выверенным шагом двинулся в сторону Янтаря. Стараясь держаться естественных укрытий, предпочитая пройти вдоль аномалии, нежели появиться на открытом месте в прицеле потенциальных бандитов или в поле зрения случайного мутанта. Часто заглядывая в ПДА, Бобр не спеша продвигался по территории, держа курс на однажды обоснованную им полянку, давшую ему кличку. На этой поляне он планировал переночевать в случае, если там будут находиться другие сталкеры, если там никого не будет, что ж, будем искать варианты. Подбираясь к своей «боб-

ровской» полянке, высмотрев в бинокль костерок и некоторое движение, сталкер двинулся к поляне. Отдельные желтые точки, засеченные на ПДА, обозначились как Стылый, Борщ, Кваша – вольные сталкеры. Бобр указал ПДА помечать их зеленым и пошел к поляне. Двое из них, Стылый и Борщ, были знакомыми сталкерами средней удачливости, Кваша, видимо, недавно появился в Зоне, по крайней мере на опытного он не тянул, и Бобр о нем не слышал ранее. Поприветствовав и достав свою пайку на стол, заодно отшутившись по поводу истории, выпущенной по веселому делу в сталкерскую сеть, Бобр выбрал первое дежурство. После чего, проверив в бинокль все подходы и просканировав на наличие близких аномалий и жизненных форм все доступное пространство, благополучно продежурил свою смену, вслушиваясь в ночную тьму, откуда доносились заунывный вой слепых псов, рыки каких-то тварей в леске неподалеку, да редкие хлопки возмущенных гравитационных аномалий.

Зона жила своей обычной ночной жизнью. Особо голодных или раздраженных тварей, желающих напасть на вооруженных двуногих, не нашлось. Ночью зарядил дождь. Стылый и Кваша сообразили навес из общакового, как оказалось, припрятанного на поляне, тента от грузовой машины. Утром, под то же крапание дождя, сталкеры, пожелав друг другу удачи, разошлись в разные стороны. Троица пошла на свалку, а Бобр дальше своей дорогой на Янтарь. Дорога была для него новой, а потому двигался он крайне осторожно,

часто останавливаясь, чтобы осмотреться.

Несколько часов спустя, проходя мимо обрыва, ниже которого располагался заболоченный участок с химическими аномалиями, он увидел тела людей. Сверившись с ПДА, он убедился, что в пределах четырехсот метров есть всего две плоти, неподвижно лежащих, очевидно, спящих между бочками и ящиками, как раз где-то среди трупов.

– Плоти – это хорошо. Плоти – это показатель. Есть плоть, значит, нет кровососа, – сам себя подбодрил сталкер.

Видеть трупы было не впервой, но каждый раз это означало, что смерть побывала здесь чуть раньше него, возможно, они разминулись с ней на минуту, а может, она еще ждет его где-то здесь, подняв наточенную косу. Очень осторожно пробираясь вдоль заболоченной местности, Бобр наконец-то добрался до разбитого лагеря. Вокруг потушенного кострища валялись поеденные животными человеческие тела, сами плоти, спугнутые брошенным в них камнем, поспешили, негромко повизгивая, удалиться от человека. «Сытые», – провожая их взглядом, понял Егор.

Эти мутировавшие потомки домашних свиней, по мнению Бобра, были явно недооценены человеком по степени опасности и коварства. Некоторые сталкеры смеялись и шутили друг про друга, мол «глуп как плоть», но Бобр всегда помнил, что их тело покрыто костяной броней, из которой растут редкие толстые щетины, как у австралийского броненосца, такой незатейливый броневой покров вполне может

направить пули в рикошет. Хитиновые заточенные клешни легко пробивают капоты машин, оставляя сколы и борозды на двигателях. При хорошей откормленности свиньи эти же клешни не всегда пробиваются из автомата, кроме того, плоть может имитировать простейшую человеческую речь, а некоторые ее индивиды с невероятным упрямством могут преследовать раненого одинокого сталкера, от которого исходит запах крови. Это, пожалуй, был один из худших вариантов смерти сталкера. В таких случаях, если человек, к огромному сожалению плоти, не падает и не теряет сознание, чтобы она смогла подбежать и прикончить его несколькими ударами острой клешни, плоть может плестись за сталкером, громким ревом созывая других хищников, которые смогут прикончить упрямого двуногого, и, может быть, тогда плоть получит свой кусочек мяса. В общем, по мнению Бобра, это был один из самых беспощадных и изощренных подборщиков Зоны.

Осторожно приблизившись к телам, сталкер прочел картину жестокого ночного или предутреннего боя. Лагерь вольных сталкеров из пяти человек, среди которых было два долговца, был обстрелян бандитами. Ночью, вероятно, подвел часовой, бандиты подошли на удобную дистанцию и атаковали находящихся возле костра людей, те успели организовать оборону, но бандосы решили не затягивать бой и накрыли обороняющихся подствольными гранатами, приведшими в негодность обмундирование сталкеров. Затем, пе-

ребив всех обороняющихся, бандиты осторожно подошли за сбором трофеев, тут они задержались, но всполошенные взрывами и перестрелками зомби, идущие от Янтаря, направились к источнику шума. Другая большая группа зомбированных, вероятно, торчавшая неизвестно сколько времени в болоте, недалеко от которого располагался лагерь, также вышла на шум и была спровоцирована на ведение огня самими бандитами. В результате получилось, что плотный, но неточный огонь от беспокойных трупов заставил бандитов бежать в темноте в сторону Янтаря, где они, к своему ужасу, наткнулись на других зомби или, как их еще называют, кадавров. Кадавры, отстрелявшись, прошли дальше, часть из них, вероятно, опять застряла в болоте позади Бобра. В результате два трупа бандитов, погибших тут, куча следов зомбированных, по непонятному зову устремившихся дальше через болото, наверное, к периметру.

Глядя в бинокль, Бобр увидел пару трупов вдалеке от лагеря в сторону Янтаря.

– Говорила Зона: «Не шуми – не дома», – сказал сам себе Егор и методично, тем не менее не забывая крутить головой и контролировать картинку ПДА, обыскал трупы.

Разжившись некоторым количеством денег, медикаментами, боеприпасами, очень неплохим калашом с подствольником и оптикой, проигнорировав «Форты», Enfield'ы и «Гадюки», он отстегнул ПДА должовцев и продолжил дорогу на Янтарь. Нужно будет передать ПДА их товарищам, поскольку-

ку Долг – организация серьезная, и лучше лишний раз доказать свою лояльность к ней, чем попасться под горячую руку. А рука Долга имеет много крепких ребят, хорошую амуницию, крупнокалиберное и скорострельное вооружение и почти армейскую дисциплину. Итак, закидывая калаш за спину, но по-прежнему держа проверенный дробовик «Чейзер-13», Бобр продолжил движение на Янтарь. Хотя чувствуя сзади тяжесть автомата, он понимал, что правильнее было бы передвигаться с автоматом по такой местности, но непроверенное оружие – враг самому себе, а пристреливать его сейчас в этом непредсказуемом месте – вершина глупости, кроме того, сзади, откуда он пришел, послышался охотничий вой слепых псов, и задерживаться тут более не имело смысла. Бобр был уверен, что слепыши взяли след одинокого сталкера и теперь нагонят его, но, на их счастье, придя по следу, им найдется чем поживиться тут, и погоня на этом завершится. Пройдя около километра и потратив на это чуть больше часа, что, собственно, было нормальной для Бобра скоростью хождения по незнакомым территориям, Егор, как это бывало, разглядывая в бинокль окрестность на наличие активных мутантов, потенциальных укрытий бандитов и скоплений аномалий, заметил яркое пятно на противоположенном склоне. Некоторое время он наводил резкость, потом, поняв в чем дело, направился в сторону оранжевого пятна. Подойдя еще через час к оранжевому пятну, глядя на него сквозь прицел дробовика, он негромко произнес:

– Эй ты, тело, медленно, мордой ко мне, лапками вверх.

Оранжевое пятно, которое оказалось комбинезоном «эколог» СПП-99, глухо застонало. Вероятно, сам эколог был внутри, но Бобр не спешил проявлять ретивость. Это Зона, а кто может прятаться в костюме ученого? Да кто угодно, мало ли новой пакости родится тут после каждого Выброса? ПДА на костюме не было, личность была неизвестная, но детектор сообщал, что внутри вроде как человек. СПП-99 имел слишком хорошую защиту от электрических полей и излучений, вероятно, поэтому ДЖФ не был уверен в идентификации начинки костюма.

– Говорю ясно, четко и последний раз: руки в сторону, морду показать. Иначе контрольный, чтобы не мучилось, – не спуская прицела, повторил Егор.

Внутренне понимая, что если костюм не повернется, то придется самому его переворачивать. Костюм, застонав пуще прежнего, перевернулся на спину и сделал попытку открыть поляризованное забрало. «Да, видимо, человек, только где это видано было, чтобы яйцеголовые поодиночке, да еще и без ПДА валялись?» – сам у себя спросил Егор. Осторожно подойдя ближе, сталкер сменил дробовик на пистолет и потянулся открывать забрало. Стекло с легким чмоком отвалилось, открыв бледное лицо совсем молодого человека, чьи длинные спутанные волосы каштанового цвета прилипли ко лбу.

– У-у-у-у, – протянул Егор, оглянувшись и проверив

ПДА.

Это уже стало привычкой, после каждого осмотра на триста шестьдесят градусов опускать взгляд на ПДА, после чего принялся расстегивать комбинезон пострадавшего. Пострадавший был цел, разве что как будто контужен, по крайней мере костюм не имел следов проникающих механических повреждений, руки и ноги были целы. Вколов ему обезболивающее, антишоковое и стимуляторы, выждав несколько минут и напоив пострадавшего водой, он добился от него ответа и краткого рассказа.

Пострадавшего звали Артем, он вышел в сопровождении должовцев на болотце снять информацию с датчиков, которые торчали там для изучения каких-то там очень важных для науки процессов. К лагерю, который был сделан для ночевки, присоединился еще один отряд сталкеров. Ночью их обстреляли, его чудом не задели, а когда он увидел, что все защитники мертвы, побежал как есть обратно ночью на Янтарь. В спину ему стреляли, но не попали. По пути, пролетев через толпу зомби, которые просто не успели среагировать, он пронесся дальше, чудом миновав, а может, и не миновав, несколько аномалий, которые не смогли пробить защиту научного комбинезона. Артем почти добежал до этого места, но это было почти, на это место его забросил трамплин, видимо, больно ушибив всего ученого и, по-видимому, подарив ему сотрясение и, возможно, внутреннее кровотечение. Таким образом, Артем, этот молодой парнишка восемнадца-

ти лет в должности лаборанта, сам напросившийся работать в Зону, был обречен медленно умереть здесь в нескольких километрах от укрепленного бункера. ПДА, оружие, припасы были потеряны еще ночью при бегстве.

– Да, вижу ты аномалии обходить не стремился, – глядя на подпаленный и местами скукожившийся комбинезон, задумчиво сказал Бобр. – Ладно, идти сможешь? Тут до Янтаря несколько километров, я тебя всю дорогу тащить не смогу.

Пострадавший поморщился и кивнул, его голубые глаза приобрели явно живой блеск. Лошадиная доза стимулятора, обезболивающего и антишока привели его в чувство.

– Теперь смогу.

Помогши лаборанту встать и убедившись, что тот стоит на ногах, Бобр спросил:

– Опыт хождения по Зоне есть?

Пострадавший слегка мотнул головой.

– Только с долговцами, два раза.

– Тогда слушай сюда, ботаник, – вздохнув, начал Бобр. – Я встал, ты встал. Дистанция три метра. Я упал, ты упал. Во время пути рот закрыт, уши открыты, дышим через нос, на землю не плевать, если что надо – кашляни, тихо. Понятно?

Артем закивал:

– Можно вопрос?

– Можно.

– Почему на землю не плевать? Зона обидится? – шепотом

и с оглядкой спросил Артем.

– Салага ты молокососная. Сказки на ночь. Тебя по плевкам любая тварь найдет, поэтому и не плевать. Понятно? Еще вопросы? – нахмурившись, спросил Бобр. В свои двадцать пять он чувствовал себя гораздо старше этого, совсем еще молодого, домашнего парнишки.

Артем отчаянно помотал головой, вдруг сморщившись и схватившись за затылок.

– Ох, е... – выдохнул он.

– Вот и не тряси качаном, не баламуть болтанку, тебя вон с того трамплина принесло. Как еще жив остался? – хмуро заметил Бобр.

Ему совсем не улыбалось тащить за собой такое обременение, к тому же до Янтаря было еще несколько километров, а места здесь были ох какие беспокойные. Медленно, продолжая двигаться с той же скоростью, наверное, даже медленнее, поскольку раздражающий оранжевый окрас научного комбинезона был крайне приметный, а впереди намечались места, любимые снорками, кровососами и зомбированными. Все эти твари пользовались зрением, и потому оранжевый окрас «эколога» был основной головной болью Бобра. Заметив на ПДА две неподвижные белесые точки, отмеченные как мертвые, и разглядев в бинокль двух застрывших в кустах мертвецов, удачно стоящих спинами к ним, Бобр шикнул на лаборанта, оставив его сидеть под деревом. Тихо смотавшись и прикончив «Глоком» с навернутым глушите-

лем обоих, принес рубаху и штаны одного из них.

– Фу, я не буду это одевать, – поморщился Артем, разглядывая непонятные частично высохшие потеки на штанах и рубахе.

– Тогда сиди здесь, я пройду на Янтарь и скажу вашим, чтобы выслали людей, забрать тебя с этого места, – вполне серьезно ответил Бобр.

– Ну... а как скоро вы туда придете? – спросил лаборант.

– Если все в порядке, то... – Бобр посмотрел на серое небо, – к вечеру. Значит, людей за тобой вышлют ночью или утром.

В это время дерево, рядом с которым сидел Артем, задрожало. Бобр сам впервые видел такое явление, дерево действительно дрожало всем стволом, и каждая веточка с редким листочком смазалась в частой дрожи. Вибрации, вероятно, передавались на дерево из-под земли, поскольку Бобр подошвой почувствовал вибрацию почвы и на всякий случай сделал шаг от дерева. Через секунду дерево успокоилось. Артем, округлившимся от страха глазами, смотревший на это явление, по-девчоночьи взвизгнул и начал напяливать рубаху и штаны прямо на комбинезон. Теперь за сталкером шло гораздо менее приметное чучело в смердящих тряпках, и хорошо шло, не скулило, не кашляло, старалось не шуметь. Продвинувшись еще на несколько километров, обойдя кучу аномалий, зомби и даже о чем-то своем ухающих снарков, от которых у Бобра похолодело в животе и выступил нездо-

ровый пот, они расположились возле слегка фونهاщего каркаса легковушки. Открыв стекло, бледный Артем вдохнул нефильТРованный воздух Зоны.

– Бобр, мне, по-моему, опять плохо. Не могли бы вы вколоть мне что-нибудь? – попросил он.

– Я уколов не боюсь, если надо уколуюсь? – со смешком спросил сталкер, доставая трофейную аптечку. – Без проблем!

Вколов пострадавшему еще стимулятор и обезболивающее, Бобр наскоро перекусил, запив все энергетиком, предложив, конечно, поесть и лаборанту. Тот лишь вяло поковырял тушенку, но выпил много воды. «Плохо парню, – озабоченно подумал Егор. – Дошел бы, и то хорошо».

– Знаете, Бобр, а вы очень медленно идете, – заметил Артем. – Но так надежно, по-моему, даже долговцы не ходят.

– Да уж бегать по Зоне можно только такому счастливчику, как ты, а, Артем? – спросил Бобр.

Лаборант открыл было рот, чтобы рассказать, как он ходил под прикрытием бронированных бойцов Долга, но от слабости лишь махнул рукой и промолчал. Отдохнув, путники продолжили свое движение в таком же режиме «стелс», сначала посмотреть ПДА, потом посмотреть все глазами, потом проверить сомнительные места биноклем, потом прикинуть и скорректировать маршрут, потом, если впереди неверный участок, проवेशать его гайкой с посеревшим бинтом, потом идти до гайки, и оттуда вновь корректировать

маршрут, и каждые сто метров снова смотреть на ПДА и в бинокль, по возможности выбирая тропу вдоль естественных укрытий. Для Бобра это было любимым делом, ему нравилось ощущать каждый метр пройденного им пространства как проверенный и надежный, он был спокоен, когда, наклоняясь за гайкой, четко держал в голове всю картину окружающей его обстановки, таким образом он мог увлеченно пройти многие километры в лабиринтах аномалий и, как правило, всегда первым засекал мутантов, и успевал либо найти укрытие, либо сменить курс, оставаясь вне видимости. По этой же причине, вероятно, он был удачлив на хабар, единственно, он не всегда решался пройти в тех местах между аномалиями, где он мог бы попробовать пройти, будь у него лучше защита от аномального воздействия. Тем не менее мало-помалу они вышли к бункеру ученых.

Бункер представлял собой усеченную бетонную пирамиду с вертолетной площадкой наверху, большая часть бункера на самом деле покоилась ниже уровня земли. Само строение было обнесено бетонным забором со сторожевыми вышками, на которых дежурили бойцы Долга. Но чем ближе Бобр с его обузой приближались к бункеру, тем плотнее становилось кольцо зомбированных, и вот когда уже обходить мертвецов практически за их спинами без привлечения их внимания стало невозможно, Бобр, присев у кривого клена, развернувшись к присевшему за ним лаборанту, прошептал в открытое им забрало.

– Артем, ты как?

Бледное лицо с провалившимися глазами и синевой вокруг, слабо кивнуло.

– Э, брат, да ты, смотрю, уже совсем никакой. Бункер видишь? – спросил сталкер, указывая на строение. – Дистанция пятьсот метров. Тут кадавров видимо-невидимо, местность открытая, по-мышинному не проскользнем, рубиться бесполезно, нужно по-быстрому. Готов?

– Бобр, вы идите, я тут подожду, я, по-моему, уже не могу, – слабым голосом ответил Артем, – вы мне только воды оставьте.

Сталкер поднес фляжку к губам раненого: «Надо “душу” на парня сажать, – озабоченно подумал Бобр. – Как раз рывок сделать, иначе не пройдем. Эх, скинуть бы яйцеголовым сообщение, чтоб прикрыли огнем с верхотуры, так ведь не знаю никого тут, через знакомых сталкеров долго, пока прочтут, пока сообразят... мать-перемать... вот что значит одиночка». С этими словами Бобр полез за контейнером, в котором у него хранилась так оберегаемая им «душа» для себя самого на случай ранения, на случай, когда последний шанс или когда шансов нет, но, видимо, сейчас придется отдать свой шанс, чтобы сохранить эту молодую жизнь. Оценит ли спасаемый когда-нибудь, что сталкер отдает часть своего спасения, чтобы спасти его, Артема? Неважно, Егор твердо знал, что, если он сейчас, вопреки своему порыву спасти человеческое существо, пойдет на поводу мелких челове-

ских расчетов, этих червячков корысти, жадности и ложного оправдания, он не доживет до утра, а, скорее всего, и следующих полчаса. Сама Зона стоит рядом и слушает его мысли остатками нервных систем мертвецов, сама Зона следит за ним глазами матерого, покрытыми шрамами, уже идущего по их следу кровососа, сама Зона надменно смотрит на него из серых туч на темнеющем вечернем небе и ждет... ждет твоего решения, Сталкер! Сталкер!

– Сталкер! – прошептал Артем и потерял сознание.

Рука уже коснулась контейнера с артефактом, как позади Артема возникла серая фигура зомбированного. Медленно, очень медленно Бобр, придерживавший обмякшего Артема, взвалил его на плечи. Зомби глухо забулькал сгнившими внутренностями. Егор встал, на правом плече Артем, в правой руке, удерживающей лаборанта, «Глок» с глушителем, в левой руке ПДА, рюкзак с припасами на спине, дробовик и калаш ремнями на шее висят на животе. Автомат, пока Бобр сидел, зацепился обоймой за карман разгрузки и от этого повернулся стволом вниз и уперся прикладом в щеку. Зомби задергал рукой с зажатым в ней пистолетом-пулеметом «Гадюкой-МП5», его оружие зацепилось за какую-то часть одежды, и он делал безрезультатные попытки вытащить его. Бобр медленно развернулся и полуприсядом двинулся в сторону бункера ученых. «Давайте, соколики, не подведите, посмотрите в нашу сторону», – думал он, глядя на вышки, окружающие бункер. Сзади слышались шаги и недоволь-

ное зовущее мычание мертвеца, Бобр, не оборачиваясь назад, краем глаза заметил, что ближайшие зомби серой массой начали разворачиваться на шум. «Ох, нелегкая», – думал он, слыша, как к новым мычаниям присоединились другие шумы. Мертвецы начали молчаливое преследование. Бобр бежал частыми и мелкими шагами, пригнувшись, кося глазом на экран ПДА, обозначающего границы аномалий, поскольку сейчас в начинающихся сумерках они были практически неразличимы, и, обливаясь потом, нес на себе ученого. Пока он не провоцировал зомбированных резкими шумами или агрессией, пока они не были раздражены ничем другим, у него был шанс без боя донести Артема до бункера, призрачный, но был.

– Вали-и-и-и, – раздался стон мертвеца откуда-то сбоку. Это стало сигналом. Бобр упал на землю. И сразу сзади загрохотало, засвистели пули, загудел воздух. «Вот суки!» – с отчаянием думал он и в бессилии ударил кулаком о землю. Но зомбированные были никудышные стрелки и могли поразить цель больше случайно, чем прицельно. Понимая, что встать во весь рост вместе с телом под косым свинцовым огнем было бы верхом глупости, Бобр нащупал отворот капюшона комбинезона СПП-99. Пули из оружия разных калибров гудели над головой, и так страшно было хоть как-то шевелиться под этой песней. Артем не приходил в себя, поларизованное стекло его забрала вывалилось и потерялось, оставив только резиновые пазы; ухватившись за них, Бобр

напрягся и смог сдвинуть тело с места. Оружие тут же зацепилось за землю. «Нет, ребята, без ствола я вам не дамся, – сталкер перекинул автомат и дробовик на тело лаборанта. – Вперед!» – скомандовал сам себе сталкер, сделав усилие и шлифанув берцами по земле, он потащил Артема. Отыгранное в начале расстояние сокращалось. Молчаливая кошмарная группа, периодически стреляющая от бедра, медленно брела в направлении сталкера. Медленно, но все же быстрее, чем буксирующий бессознательное тело человек. Тронутые тленом и печатью Зоны человеческие тела упрямо шагали следом. Егор, обливаясь потом и надсаживая дыхание, пер через нечастую сухостойную полынь, через скудную, скачкообразную почву растительность, оставляя за собой четкий след. Обернувшись назад, он увидел, что группа преследователей практически не увеличилась и составляла менее десятка человек. Потеряв визуальный контакт, зомби шли просто по следу, по инерции выпуская короткие очереди в сторону шевеления на земле. Бобр был уверен, что стоит ему подняться, как это снова послужит сигналом к массированному огню, поэтому он, упираясь и надрываясь, вдыхая радиоактивную околоземную пыль, полз, все более теряя скорость, рвя сухожилия, но продолжал тащить Артема и себя в сторону ворот. Зомбированные, следовавшие за сталкером, также двигались в сторону ворот, их пули звенькали и высекали искру из бетонных стен и железных ворот. Хватая ртом воздух и отчаянно понимая, что сил больше не осталось, Бобр

развернулся, схватил автомат и приготовился к бою, к последнему и самому жестокому. Он так решил, он не отдаст им этого человека, он не отдаст Зоне именно этого человека, никогда! НИКОГДА! Зона, ты слышишь? Я сделал свой выбор! Внезапно сзади завывала сирена, лучи прожекторов развернулись в сторону преследующей сталкера группы.

– Спасибо! – обращаясь неизвестно к кому, прошептал Егор.

Целенаправленная немногочисленная группа зомбированных, ведущая неплотный огонь по воротам забора, огораживающих бункер, была воспринята как очередная попытка прорвать периметр лагеря. С вышек ударил крупнокалиберный пулемет. Вся территория, окружающая лагерь, вдруг взорвалась хрипом и многоголосым стоном, стоявшие вокруг лагеря десятки зомбированных среагировали на раздражитель и ответили огнем. В лагере слышались крики приказов, из бойниц в бетонных стенах начали огрызаться огненными цветками автоматы долговцев, охраняющих лагерь ученых. Справа и слева от Бобра зазвучали выстрелы и глухое ворчание. Над сталкером вдруг возвысился здоровенный зомби в комбинезоне наемника и неровным шагом, постреливая короткими очередями из АК от бедра, направился к бункеру. Несколько попаданий из автомата в это тело даже не заставили его развернуться, он продолжал упрямо двигаться в сторону ворот, глухо мыча. Через некоторое время мимо лежавшего сталкера прошли еще несколько мертвецов в

такой же экипировке, также равномерно постреливая из автоматов. Крупнокалиберный пулемет обратил внимание на эту группу и начал садить по наступающим. Несколько пуль с чавканьем вошли в землю недалеко от Бобра: «Э нет, так мы не договаривались», – с тревогой подумал Егор, который при звуках сирены и сброса невероятного нервного напряжения уже было решил, что ему суждено пережить эту ночь. Он подполз к Артему и снял с него маскирующие его рубаху и штаны.

– Теперь, Артем, нам маскировка ни к чему, только вред от нее, – сказал он, проверяя пульс.

Пульс был. Включив налобный фонарь, направив его по направлению к лагерю, открывая и закрывая его ладонью, Бобр привлек внимание людей на вышках. Оттуда закричали, передавая приказы вниз, крупнокалиберный пулемет, садивший в десятке метров от лежащего без сознания теперь уже снова в приметном ярко-оранжевом комбинезоне Артема и Егора, переместил свой огонь дальше. Ворота лагеря скрипнули, и оттуда, пригнувшись, вышла четверка вооруженных должговцев, которые тут же залегли в траве и пропали из виду. «Ну и хорошо, наконец-то», – облегченно подумал Бобр. Со своей позиции ему не было видно, но он знал, что сейчас бойцы ползут к ним. И действительно, через минуту впереди застрекотали автоматные очереди, кто-то вскрикнул, очереди затараторили еще дружнее, пауза, опять очереди, но теперь уже ближе, три должговца ползком пробрались

к Бобру, продержав его секунду на прицеле до определения личности. Бойцы заняли круговую оборону вокруг сталкера и лаборанта. Бой подходил к концу, спровоцированная атака зомбированных была подавлена, люди, находящиеся в укрытиях, практически не пострадали, несколько рикошетов, забравшихся внутрь, принесли трехсотую весть, да один из четырех бронированных выдвинувшихся долговцев словил очередь в упор от невовремя включившегося, уже лежащего, зомби, получил тяжелые раны. Лежавший ближе к сталкеру, видимо, старший в четверке, получив какие-то указания по рации, подал сигнал двум другим, и те быстро разместив Артема на складные носилки, пригнувшись, рысью потащили его в лагерь, за ними, также пригнувшись, побежал Бобр, а за ним долговец. Обернувшись, Бобр разглядел десятки тел, некоторые из них еще бились в конвульсиях, словно пытаюсь встать, но их нащупывал луч прожектора, а затем короткая автоматная очередь снайпера с вышки.

– Отбились, слава богу, – сказал один из бойцов, здоровый рябой долговец, вооруженный «Громом», когда они миновали ворота. – Ты сталкер Бобр? – спросил он, тыча в грудь Бобру.

– Я, – хотел было сказать Егор, но во рту оказалось столько пыли, что он судорожно закашлялся и только закивал головой. Еле откашлявшись, он нащупал в кармане разгрузки выключенные ПДА убитых ночью долговцев и отдал спрашивающему. Тот включив ПДА, нажал несколько кнопок, его

лицо помрачнело.

– Понятно. Ранения есть? – уже другим тоном спросил он. – Колобка и Панфилу... передайте в штаб, – обратился он к кому-то из бойцов, отдавая ПДА.

– Я – Моцарт. Не протягивая руки, сказал он сталкеру, – с остальными потом познакомишься... если захочешь, – сделав многозначительную паузу, добавил он. – Водогрей, – крикнул он кому-то еще.

К ним подбежал высокий, статный долговец в новеньком бронекостюме Долга и десятком мелких шрамов на лице.

– Бойца привести в порядок, потом ко мне, – хмуро распорядился Моцарт.

Бобр, так, по сути, и не сказавший ни слова, оказался во внутренней части периметра. Приведя себя в порядок, он отказался от еды, и его проводили к Моцарту, местному ротному. Долговцы сидели под навесом, к этому моменту стало уже совсем темно, и в лагере зажглось внутреннее освещение. Стульями и столами здесь служили деревянные ящики. Ответив на вопросы Моцарта, рассказав в деталях, что и как было, ответив несколько раз на взаимно проверяющие вопросы, заданные с целью раскусить сталкера на предмет возможного несоответствия показаний, Моцарт вроде успокоился. Бобру сочинять было нечего, да и не в его правилах что-то прибавлять, его рассказ вышел коротким и емким, но внутренне он недоумевал, что за прием? «Смотрят на меня, как на зека, с той самой минуты, как вступил на внутренний

периметр лагеря», – думал он.

– Ясно, сталкер, верю я тебе... но автомат ты верни, я этот калаш из тысячи узнаю, это друга моего Колобка. Потому и встретили тебя не как героя, понимаешь? Тяжело смотреть, когда оружие твоих друзей и товарищей неизвестно как в незнакомых руках оказывается, – с этими словами Моцарт протянул Бобру руку.

Бобр выдохнул: «Ах, вот оно что!» Внезапно, плечи его стали легкими, рюкзак потерял вес, он шагнул навстречу бойцу и, глядя в глаза, твердо пожал руку.

– Да, вот и пакет от Сидоровича, для ученых. Не знаю что там, если хотите смотрите, но потом все вопросы к Сидоровичу, – добавил сталкер, выложив пухлый пакет на ящик, чувствуя, как облегчение от разрешения непонятной и тревожащей его ситуации вновь возвращает дух вольного сталкера к его телу.

Рука долговца, потянувшаяся вдруг к пакету, опустилась.

– Сам передашь, – сказал он. – Завтра.

Воздух как будто бы посветлел, долговцы заговорили, руки бойцов, как только что понял сталкер, лежавшие на оружии, теперь принялись доставать сигареты, чиркать зажигалками. Егор сел на один из низких ящиков от патронов и устало подпер голову. Еще один неимоверно тяжелый день оказался за плечами. Сейчас он мог расслабиться, послушать, о чем говорят бойцы, улыбнуться старым бородатым анекдотам, спокойно послушать ночную Зону с ее шорохами, завы-

ваниями, ветрами и скрипами... убаюканный этими мыслями, Егор незаметно заснул, уронив лицо на грудь. Его толкнули и провели под навес, где он, сбросив ботинки и подложив под голову рюкзак, рухнул на чей-то спальный мешок и вновь провалился в сон.

Глава 6. Янтарь

Утром, согревшись у общего костра, умывшись и решив не тратить время на завтрак, сталкер, спрятав оружие за спину, встал перед дверью в бункер. Утопленные глазки видеокамер долго изучали его, возможно, дежурный, отвечающий за кнопку открывания и закрывания двери, отвлекся, а может быть, просто испытывал удовольствие от того, что заставлял впервые пришедшего на эту территорию сталкера стоять перед входом. Наконец тяжелая, герметичная металлическая дверь открылась, и он шагнул в освещенный тамбур, где его встретила еще одна такая же дверь. Дверь за спиной, скрипнув петлей и пискнув прижимаемыми уплотнениями, закрылась. Из множества отверстий вдруг с шипением вырвался поток воздуха и пар, едко пахнувший какими-то медикаментами. Бобр закашлялся. Пар нещадно обработал его со всех сторон, тотчас включилась вытяжка, и его обдуло горячим воздухом. Стоически пережив процедуру и открыв глаза, он наконец дождался, пока вторая дверь мигнет зеленой лампочкой и откроется.

Дорога до приемного окна была всего одна, недалеко от нее, рядом со стеклянным шкафом, где висело множество манящих взгляд защитных комбинезонов, стоял вооруженный автоматом-гранатометным комплексом ОЦ-14 долговец, недвусмысленно намекая, кто в бункере хозяин. У

окошка показался сам Сахаров. Егор не знал ни его должности, ни чем он конкретно занимается, но по имеющейся у него в ПДА информации, где было его фото, лысеющего сухонького старичка в лабораторном халате, это одна из местных шишек, который сам может принимать решения и часто лично общается со сталкерами. Поздоровавшись и передав пакет Сахарову, сталкер осведомился о состоянии Артема.

– С ним все будет в порядке, у него множественные мелкие внутренние кровотечения. Сейчас его жизнь вне опасности, но поправляться он будет на Большой земле. Сегодня прилетит вертолет, привезет новую вахту сотрудников, припасы, новости, заберет старую смену и Артема, так что не волнуйтесь, – заверил его Сахаров. – И, да, простите мою рассеянность, я, кажется, не поблагодарил вас за его спасение? Спасибо. Все из-за переполоха с этими зомбированными, – ученый поправил редкие волосы на голове. – Одно время они крепко досаждали нам, и у нас были потери, но теперь, когда за охрану нашего объекта взялся Долг, потери практически исчезли, и мы можем работать спокойно. Но эта сирена, она, знаете ли... порядком нервирует.

– Может, просто не включать ее? – поинтересовался Егор.

– Не включать не получится, это требование и прерогатива Долга – оборонять нашу станцию. Кроме того, наши сотрудники нередко делают замеры в нескольких сотнях метров от бетонного ограждения, и вовремя включенная сирена не только собирает должовцев в ружье, но предупреждает

наших сотрудников об обострении ситуации.

– Понятно, – Бобр осмотрел самого настоящего профессора, стоящего перед ним за бронестеклом с отверстиями для переговоров и нижним окошечком для передачи материалов. – Профессор, – обратился он, – я свою работу выполнил. Я могу покинуть территорию?

– Да, конечно, – Сахаров снял очки и потер переносицу. – За спасение нашего сотрудника еще раз спасибо и... Бобр, – профессор поймал взгляд собеседника, – я знаю, что вы как сталкер нередко беретесь за различную работу. Дело в том, что у нас... э-э-э... в последнее время возникли трудности с сотрудниками. Долг все реже соглашаются выполнять наши поручения, даже за вознаграждение, поскольку они как организация не имеют права рисковать своими людьми, так сказать... не по прямому назначению. Наши же сотрудники не имеют необходимой подготовки. А сталкеры в последнее время приходят сюда крайне редко, поскольку задания у нас не регулярны и не всегда э-э-э... приемлемы. Поэтому не согласились ли вы помочь нам за вознаграждение?

Егор на секунду задумался, Янтарь, насколько он слышал, был из числа порядочных и щедрых заказчиков, никогда не обманывал других сталкеров и не темнил с заданиями. Прикинув и так, и эдак, что он ничего не теряет, Бобр кивнул.

– Выкладывайте, профессор, что у вас там?

– Вот смотрите, – сказал Сахаров, беря с соседнего стола планшет с картами. – Совсем недавно у нас появились

данные о точном местонахождении ранее существовавшего административного отдела, который обрабатывал запросы практически всех существовавших здесь ранее лабораторий, ныне, конечно, не функционирующих. Документы, хранящиеся на одном из ее этажей, имеют большую ценность. Вход в этот корпус находится совсем недалеко от научного комплекса Янтарь, – с этими словами профессор выделил красным карандашом на карте точку, действительно находящуюся в нескольких километрах от научной станции. – Ну вы понимаете меня... э-э-э... Бобр, «недалеко» в смысле географической дальности, – Сахаров выжидающе уставился поверх очков на сталкера. Бобр кивнул. – Мы сверились с планами этажей и совершенно точно уверены, что искомые документы находятся на самом нижнем этаже, – с этими словами ученый перевернул несколько страниц планшета и показал план подземного здания. Убедившись, что сталкер разглядел картинку, он перевернул еще пару листов и ткнул карандашом в план этажа. – А именно вот в этом кабинете, в сейфе. Комбинация этого сейфа нам известна, комбинацию высылали сверху, и сами работники не имели права ее менять.

Бобр с сомнением почесал подбородок.

– Знаете, профессор, что-то мне не по душе подземные гуляния, я больше привык по поверхности. Я же не боец – я сталкер, а в вашей подземке разминуться с мутантами или кто там еще не получится. Пошлите лучше... не знаю... бы-

вают же добровольцы?

Сахаров снял очки.

– Позвольте мне закончить... э-э-э... Бобр, – сказал он.

Егор пожал плечами, мол, «мне-то что, заканчивайте, профессор». Сахаров перевернул карандаш острым концом вверх, а другим с обжатым фольгой ластиком стукнул по плану этажа.

– Административный отдел – совсем небольшое подземное сооружение, другие коммуникации и подходы к нему просто не существуют, всех служащих эвакуировали, основы для поддержания биологических форм жизни нет. Попасть туда сейчас можно только через вентиляционную будку разрушенной шахты лифта. Единственные двери, которые могли бы послужить входом, выполнены из высокопрочного металла и весят тонны, кроме того, вход разрушен изнутри, мы проверяли. Таким образом, все, что ни пыталось бы проникнуть через шахту лифта, если оно, конечно, не умеет летать, погибло, разбившись уже в шахте. Скольких мутантов, умеющих летать и представляющих угрозу человеку, вы знаете? – Сахаров прямо уставился на Егора.

Настало время Бобра смутиться и отвести взгляд.

– Ни одного, наверное, – ответил он. – А какая глубина шахты?

– Шахту сделали на несколько метров глубже, чем требуется, общая глубина двадцать метров, – победно подняв подбородок, ответил профессор и продолжил. – Мы, разумеет-

ся, дадим вам необходимое снаряжение для спуска, дорога до шахты не сложнее того пути, который вы проделали вместе с нашим раненым сотрудником, выйти с Янтая вам помогут наши охранники, а дальше вы просто растворитесь на местности, ведь в этом ваша профессия? Кроме того, стоимость вознаграждения, – Сахаров быстро пересчитал сумму в уме, – тридцать тысяч. Вас устроит? – ученый твердо стоял перед сталкером, олицетворяя мужество и непоколебимость человека науки.

Мысли сталкера заметались, сопоставляя произнесенные неоспоримые доводы ученого и собственные ощущения. «Вот, черт побери, как ладно кроет... не поспоришь... а ведь старик-то прав. Там и правда может быть спокойно. Да еще и такие деньги за вроде бы пустяковую ходку, от Сидоровича ходки гораздо сложнее были, и платил барыга сущие копейки, не сравнить с наукой...»

– Тридцать тысяч? – недоверчиво спросил сталкер.

– Тридцать тысяч, – уверенно кивнул Сахаров. – Аванс дать не могу, сами понимаете, мы с вами еще не работали.

– Покажите планы, – после минутного раздумья ответил Егор. – Я берусь.

Весь день Егор отсыпался в отведенной специально для таких гостей комнате. Изучал карты и готовился к выходу, употреблял натовские пайки. Его комната представляла собой двухместный номер без окон размером три на три метра, с двумя откидными кроватями на цепях и складным присте-

гивающемся к стене столиком. Туалет и душевая для гостей «типа сталкер» и долговцев были в конце коридора. Въевшаяся в подкорку привычки прислушиваться к внешним звукам и иногда бросать взгляд то через одно, то через другое плечо не отпускали его и здесь. Каждый раз, когда он поначалу рефлекторно оборачивался и его взгляд наткнулся на глухую бетонную стену, он проверял ее рукой, чтобы убедиться, что тишина и безопасность там, где он сейчас находился, реальны.

На следующее утро Бобр вышел со станции в сопровождении квада Долга. Стандартный квад Долга состоит из четырех человек: снайпера, двух автоматчиков, пулеметчика. Территория вокруг станции после недавней зачистки была практически пустынной. Квад проводил Бобра на полкилометра. Для сталкера это было очередным сюрпризом, как быстро можно идти по Зоне, если ты Долговец. Бронированные ребята, опасность красных шевронов которых давно уяснили все окрестные мутанты, не пригибаясь, шли по знакомой им территории, уверенные в огневой мощи. Помахав ему на прощанье, они развернулись и взяли обратный курс. Сталкер, оставшись один, снова почувствовал свою уязвимость, присев на одно колено, сверился с ПДА, скорректировал курс и растворился на мрачной, покрытой проплешинами и красными соляными пятнами пересеченной местности Зоны. Сахаров был прав: растворяться на местности было его специальностью.

Глава 7. Противостояние

Спустившись через шахту упавшего вниз лифта, Егор вновь сверился с картой. От неестественной тишины, казалось, ломило уши, запах сухой пыли, бетона, облупляющаяся серо-зеленая краска с белой подложкой приставшей извести, отбрасывающая в свете фонаря резкие тени, свисающие с потолка коробки ламп дневного света, словно висельники, темные дверные проемы помещений – все это создавало иллюзию нереальности происходящего. Егор присмотрелся к полу, побелка, облетевшая с потолка, равномерным слоем усыпала его, словно легкий и хрупкий иней, сорвавшийся с ветки и бесшумно разбившийся о молчаливый камень. К его облегчению, на видимом пространстве пола нет ни одного следа какого бы то ни было существа. Выключил фонарь. Нужно прислушаться, нужно слиться с темнотой гулких коридоров и раствориться в стоячем воздухе, не шикнет ли где аномалия, не хрустнет ли слой извести под осторожным шагом мутанта, не капает ли где вода, не потянет ли сквознячком, показывая, что, возможно, кто-то открыл дверь в конце коридора и так же слушает тишину? Ох как не хотелось бы услышать воду. Если есть вода, то этаж наверняка будет обитаем, а встреча с местными обитателями... нет, никак нельзя. Сталкер стоял и слушал. Постепенно он различил поскрипывание своей разгрузки в такт дыханию, от пол-

ной темноты перед глазами поплыли цветные полупрозрачные пятна, моргнув несколько раз, он отбросил наваждение, что глаза его закрыты и что он падает навзничь. Обстановка давала надежду на тихое, крайне неудобное, но достаточно безопасное путешествие до сейфа. Да и если подумать, всем мутантам нужна, кроме аномальной подпитки, еще и обычная энергия, калории, которые здесь, судя по всему, под ногами не бегали и по стенам не росли. На ощупь накрутив налобный фонарь на небольшую яркость и рассеянный свет, Егор включил его. Теперь обстановка не казалось чуждой, он даже для успокоения представил себе, что здесь он обходит свой подвал в стандартной пятиэтажке в его родном городке. Сместившись ближе к правой стене, взяв наизготовку дробовик, сталкер медленно двинул согласно запомненной карте вперед по коридору. Скрежет подошв по полу, казавшийся вначале оглушительным, теперь снова стал легким шорохом, рассеянный свет давал достаточную видимость. Заглянув несколько раз в открытые двери кабинетов, Бобр всюду видел следы многолетнего покоя и запустения. Стеклопакеты в шкафах треснули и не закрывались, оставляя черную щель в коробе, но стекла были целы, известковая пыль лежала всюду ровным слоем на столах, стульях, бумагах, скамейках вдоль коридора. Даже висевшие, словно висельники, корпуса ламп дневного света не казались уже такими мрачными.

Так постепенно, медленно и осторожно сталкер прошел

весь коридор. Да, этот этаж действительно был необитаем, ни мутантами, ни аномалиями. И вот наконец почти самая дальняя дверь, за ней, согласно плану, приемная, а за ней комната директора. Приемная с оставленными на столе письменными принадлежностями секретарши, ряд деревянных стульев для ожидающих, деревянная кадка с остатками какого-то растения, давно истлевшего, оставившего только полупустой пенек, отклеившиеся со стены, упавшие на пол и покрытые той же пылью плакаты. Тишина. Осталась двустворчатая дверь местного руководителя, которая была закрыта. Сделанная из толстого дерева, с нарезанными рельефными квадратами и толстенными латунными ручками, она была первой закрытой дверью на его пути. Оголодавший по звукам, запахам и цвету мозг начал увлеченно подсовывать сталкеру картинку о том, что может находиться за этой дверью. Вначале он предложил увидеть за дверью глухую кирпичную стену, потом сидящего за столом и упавшего лицом на него полуистлевшего директора, потом предложил картинку, где все служащие собрались в этом кабинете на совещание и скончались, отравившись газом, потом причуда мозга решила, что они не скончались, а стоят лицом к нему прямо за этой самой дверью и ждут, когда же он откроет ее и увидит их истлевшие тела, пустые глазницы, безвольно повисшие руки и опущенные плечи. Егору стало не по себе от такой мысли. «Кадавров сюда еще не хватало», – сердито подумал он и, схватившись за толстую пупырчатую ручку

правой двери, потянул. Он, вероятно, должен был быть готов к чему-то такому, но оглушительное «КРА», когда просевшую дверь оторвали от пола, и затем такое же оглушительное «так-так-так» по мере того, как она проворачивалась в петлях, здорово подействовало на нервы. Сталкер тихо выругался, но тем не менее застыл, прислушиваясь к затухающему эху, и лишь потом, дождавшись, когда наступит привычная тишина, медленно просунулся в образовавшуюся щель в кабинет. Тот был пуст, длинный стол, ряд пустых стульев, бюст Ленина на столе, несколько скоросшивателей, чернильница и высокое кожаное кресло, также покрытое пылью, белый медицинский халат на стоячей вешалке. Пылинки, возмущенные движением, медленно оседали в тусклом свете фонаря. Создавалось такое ощущение, что всех работников эвакуировали во время обеда, они не прихватили с собой ничего, даже личных вещей. А вот и цель – огромный сейф с гербом СССР на дверце и такой же огромный шифровальный лимб.

Сталкер сделал свет фонаря ярче и двинулся к сейфу, но, через несколько шагов, вдруг обернулся, посмотрел на оставленную полураскрытую дверь, взял ближайший стул и загородил проход. Конечно, не помеха, если кто нагрянет, но хоть грохнется в случае чего, поскольку стоять спиной к открытой двери после того, как было произведено столько шума, Бобру казалось крайне нелогично. Вообще, он предпочел бы лечь на стол совещаний с дробовиком и через муш-

ку смотреть в сторону щели, подождать бы еще минут десять для надежности, но он не хотел давать своему воображению повод для деятельности. Кроме того, он опасался, что если десять минут будет вглядываться в дверную щель через мушку прицела, то рано или поздно кто-то из дверной щели может посмотреть на него, так можно сойти с ума, борясь со своим страхом, затем с вызванной страхом галлюцинацией. А этого он крайне не хотел, поскольку знал каким-то своим шестым, седьмым чувством, выработанным в Зоне, нельзя так думать, здесь нельзя думать таким образом.

Перекрыв стулом проход между дверями, он подошел к сейфу. Прочитав код, сохраненный на ПДА, и отсчитав согласно ему три раза вправо на семьдесят восемь, один раз влево тридцать пять... влево, вправо, еще раз вправо, при этом губы сталкера шевелились, проговаривая комбинацию, сосредоточенное лицо освещалось отраженным от сейфа светом налобного фонаря, в луче которого танцевали неугомонные пылинки. Наконец что-то внутри звякнуло, и Бобр потянул за ручку. «Ну так и есть», – облегченно подумал он. Как ему и было описано, нужная документация хранилась в перевязанной папке на самой верхней полке, отдельно от остальных бумаг в скоросшивателях. Сталкер взяв поскрипывающую папку, перевязанную тесемочками, аккуратно уложил ее в рюкзак, Прикрыв сейф, Егор развернулся и облегченно пошел к приоткрытым дверям, перегороденным стулом. Придерживая правой рукой дробовик ду-

лом вверх, опертым на плечо, левой рукой уже протянул руку, чтобы убрать стул. В душе проснулась какое-то давно забытое светлое чувство, эти стены, давно не видевшие ни души, вдруг стали родными и, казалось, будут грустить о том, что единственный человек, посетивший их за последнее время, так скоро покинет их, и они снова будут медленно рассыпаться от одиночества в сухой и тихой темноте. Еще шаг к приоткрытым дверям. Вдруг, смертельно, тоскливо защемило сердце и холод пробежал по спине сталкера. «Не то... Не так... что-то не так...», – Егор медленно перевел дробовик в боевое положение и застыл, в голове бешено крутились картинки того, что он видел, когда заходил в приемную. «Что-то не так. Стоять. Дальше ни шагу. Что? Что не так?» Нет, картинка в порядке, цепочка следов на полу была только его, тишина была прежней, но что-то ее стало отличать от предыдущей. Бобр начал перебирать ощущения, опасность не за ним, нет, то, что за ним, это хорошо, это хорошая комната, опасность впереди. Что это, блуждающая аномалия, полтергейст? Что за ощущения не пускают его в следующую комнату? Внезапно он понял, и это ощущение было настолько явным и четким, что его прошиб пот, и он, вздрогнув, попятился назад. Тут за стеной, всего в паре метров от того места, где он должен был выйти, КТО-ТО ЕЩЕ разделял с ним темноту и тишину помещений. Кто-то еще! От соседней приемной, в которую он собирался шагнуть, повеяло замогильным холодом, горечью и разочарованием. Казалось, кто-

то выдохнул, когда Егор, вместо того, чтобы сделать шаг вперед, попятился назад. Лихорадочно соображая, что же делать, Егор не нашел ничего лучше, чем лечь на стол и, приготовившись стрелять, выжидать, пока ТОТ, кто разделяет с ним тишину и темноту, не появится в проеме для получения нескольких зарядов картечи. Ложиться под стол, как это было бы правильнее делать в случае огнестрельного боя, Бобр не стал, поскольку он не знал, с чем имеет дело, что хуже всего. Он инстинктивно выбрал позицию, обеспечивавшую его большим местом для маневра. «Твою же... бабушку... приехали, с чего началась эта комната, тем и закончилась, лежим, держим оборону» Лежа на животе на столе в трех-четыре метра от дверей, сталкер продолжал просчитывать варианты о возможном противнике, но все версии казались ему неверными. Время шло, ощущение, что КТО-ТО тоже стоит и прислушивается к движениям сталкера, не проходило, наоборот, усиливалось, и теперь это была сводящая с ума уверенность, палец на спусковом крючке начал дрожать, нервы сдавали, еще мгновение, и сталкер с криком кинется в темноту, паля во все, что увидит. «Э не-е-ет! Так дело не пойдет, – пытался приостанавливать разгоняющуюся истерию Егор. – Понял, на что ты меня взять хочешь, хрен тебе, а не мокасины! Мне и тут хорошо!» – внезапно эта мысль рассмешила сталкера, и он тихо рассмеялся, тем не менее зорко вглядываясь в дверной просвет, и он вдруг почувствовал, что его враг на той стороне вздрогнул от его смеха. Внезапное

облегчение словно открыло эмоциональный кран человека, его смех становился все громче и свободнее, руки и все тело, напряженные несколько минут до этого, расслабились и снова стали гибкими и послушными. Человек снова поверил в свои силы, он готов драться, он не пойдет на смерть без боя, не он, не так, не сейчас! Хрипкое «хе-хе-хе» раздалось из-за стены. У Егора снова похолодело в животе, но сейчас это был не сводящий с ума животный ужас, это было предчувствие и желание близкого боя. Прекратив смеяться, Егор спросил темноту.

– Кто ты? Назовись!

– Хе-хе-хе... сталкерок... хе-хе-хе... назовись, назовись...

Подумав минуту, что бы это значило, Бобр решил, что хуже, наверное, не станет, если он побеседует с гостем или с хозяином, возможно, будет шанс воспользоваться этим.

– Я – сталкер Бобр, – ответил Бобр, внутренне допуская мысль, что, может быть, он надышался каким-нибудь газом и галлюцинирует, сидя и пуская слюну в начале коридора.

– Вы поглядите, кто тут у нас, ста-алкер, ста-алкер... вы поглядите, – радостно поскрипывал голос.

– А ты кто? – громко спросил Егор. – Назовись! – потребовал он

– А я – дедушка... дедушка Излом.

Излом! Чертов излом. Один из самых малоизученных монстров Зоны. Егор чертыхнулся: «Дерьмо!» Встреча че-

ловека и излома один на один всегда оставалась за изломом, других случаев сталкерская сеть не знала, и то, как правило, мутант прятал тело, поэтому случаи встреч были зафиксированы очень редко. Слишком много преимуществ было у этого существа перед одиноким путником. Этого мутанта нередко признавали за человека, он был похож на человека, мог говорить, понимать, обладал способностью к гипнозу, ночью он мог подойти к костру и попросить покормить. Если излом молод, то даже новички начинали подозревать что-то неладное и хватались за оружие. Но, как правило, никто не успевал опередить его боевую конечность, одну из рук. Рука состояла из нескольких суставов, удлинялась и пряталась в полы плаща, в которые любили кутаться изломы. Ударом своей руки излом валил чернобыльских кабанов, которых не всегда останавливала очередь в упор, а человека нередко ломала вместе с грудной клеткой и позвоночником. Способности к регенерации у монстра также были беспрецедентны. Слышал он как-то возле ночного костра, что излом, расстреливаемый в несколько стволов из автоматов, несколько раз казался умершим, даже с прострелянной головой, но спустя пару минут начинал проявлять признаки жизни и даже пытаться уползти, поэтому его пришлось оттащить в ближайший кисель.

«Излом, вот чертов урод. Что делать?» – все же с долей паники подумал Егор. Излом же, видимо, наслаждался произведенным эффектом, Егор чувствовал это. Все-таки тут бы-

ла уже глубокая Зона, здесь все выглядит и чувствуется совсем не так, как возле периметра.

– Буду косточки твои сегодня глотать, вкусные, сладкие, теплые, хороший сталкер – вкусный сталкер, – неожиданно мелодично проговорил, почти пропел монстр.

– Так чего ты ждешь? Иди и возьми мои косточки, они ведь сами к тебе не придут, – крикнул Бобр, выбирая слаби-ну спускового крючка.

– Сталкер умный, сталкер ждет. Излом старый, ему со сталкером сейчас драться не надо... не надо, ему подождать надо, – отозвался успокаивающий голос из-за двери.

– Вот сука-то, – с досадой сплюнул Егор, так дела не делаются. «Долго тут не просижу», – подумал он, некстати почувствовав жажду. Не отрываясь, глядя на освещенный дверной проем, сталкер левой рукой потянулся к фляжке, также не отводя взгляда, одной рукой отвинтил крышку и отпил. Сунул ее обратно, по пути рука коснулась контейнера с артефактом. Было жарко, глаза, напряженно следящие за дверным проемом в неярком свете фонаря, начинали уставать. Прошло несколько минут, монстр, прислушиваясь, оценив ровное дыхание сталкера, продолжил:

– А я подожду, а ты уснешь, хорошо уснешь, а проснешься, а я уже тут, – мечтательно говорил монстр, – я тебе песенку спою... у меня под нее много вас уснуло, совсем. Хорошая песенка.

С этими словами монстр замурлыкал что-то, пусть это бы-

ла не песня... Это была какая-то мелодия, не имеющая определенного мотива, то возникающая из ниоткуда, то вдруг в никуда уходящая, цепляющая и уводящая мысли своими дальним напевами куда-то в сторону, прочь от этой обстановки с одиноким лучом налобного фонаря и лежащего на длинном столе для совещаний, напряженно глядящего в темноту вдоль ствола дробовика сталкера Бобра, ожидающего, когда же монстр появится на выстрел. Внезапно осознав, что излом гипнотизирует его, Егора почувствовал гнев. «Ах ты сука-излом, еще несколько минут, и ты же убьешь меня! – прилив адреналина отозвался шумом в ушах. – Думай, сталкер, думай...» – мысль вернулась к контейнеру с артефактом, прикрепленному к поясу. Там лежала душа, подаренная Волком во время ходки на Карьер. Это было чуть больше недели назад, но как невероятно давно. Сталкер вспомнил шумящие и хлопающие гравитационные аномалии, серые редкие камыши на дне Карьера, свинцовое низкое небо с изредка прилетающими сверху каплями воды. Егор посмотрел вверх, откуда капали капли, странно, такие крупные, но редкие, откуда же они падают... наверное, вон из того облака... «Стоп!!! Какие тучки? Какое небо? Я здесь в подземном офисе, меня укладывает спать чудовище, желающее съесть мою плоть!!! Это последняя колыбельная в моей жизни, которую я услышу!»

– Излом, сука!! – в сердцах, чуть не плача крикнул Егор, пальцы левой руки судорожно открывали контейнер с «ду-

шой», оцепенение и одурь, навешанные монстром, сходили на нет. Монстр за стеной перестал петь и прислушался.

– Да ты выйди, не мучайся, сталкер, я все быстро сделаю, не надо шуметь... не шуми, я... добрый, добрый я... мне старому много не надо... я тебя не обижу, легко будет, легко... – суетливо и заботливо залопотал монстр.

«Действительно ты – чудовище, пытаться обмануть самого человека... Это же надо додуматься! Обманывать человека, предлагая ему сдаться, обещая легкую смерть как лучший выбор!» Егор старался действовать быстро и бесшумно, достав «душу», которая кратковременно осветила помещение, он засунул ее как есть за пазуху, прямо на голое потное тело. «Душа» приятной прохладой прокатилась вниз и остановилась на уровне солнечного сплетения. Через пару секунд он почувствовал, как она соединилась с его телом, и по всей коже словно пробежали холодные искры. Освещение лобного фонаря вдруг стало ненужным, сталкер увидел все уголки комнаты, все складки на оказывающейся валяющейся в углу куче тряпья, мышцы вдруг стали словно стальные змеи, послушные, мощные, быстрые, Егор, казалось, ощущал каждый зуб в своем рту. Но, вероятно, так оно и было. Артефакт «душа» творил чудеса исцеления, взамен забирая у человека часть его ресурсов, а если ресурсов самого человека уже не хватало, то используя свои. На здоровое тело, насколько Бобр знал, «душу» никто не цеплял, поскольку просто так расходовать дорогостоящий артефакт никто не хотел.

Как же он сразу не подумал про «душу»? Да это шанс! Через несколько секунд Егор почувствовал, как давно забытый смещенный позвоночный диск встал на место, как во рту появились твердые крошки – это отлетали пломбы и зубной камень и затягивались в невероятном темпе испорченные зубы, как в животе внутренности как будто все вытянулись, распрямились, а потом комфортно легли на место, слух обострился, старый шрам на спине и несколько на ногах немного зудели, но, вероятно, от них не останется и следа при ближайшем рассмотрении... если он выживет.

Сталкер погасил свет. Мгновение, и в проеме показалась невысокая человеческая фигура и пара отсвечивающих зеленоватым глаз. Бобр мог уже стрелять, но ему не нужно было показывать, что он принимает бой, пусть излом рассчитывает на сломленную добычу. Пара глаз, скользнув по комнате, увидела сталкера, стул, закрывающий проход, накренился, падая, в тот же момент от фигуры отделилось нечто в сторону человека, сталкер сделал кувырок в сторону, соскакивая со стола. На то место, где только что была его голова, прилетел параллельно поверхности стола огромный морщинистый кулак величиной с голову. Стул продолжал падать. Бобр не рассчитал силу ускорения организма артефактом и не смог остановиться после кувырка. Не вставая на ноги, выстрелил из дробовика в основание кулака. Зеленоватые глаза в проеме удивленно расширились, еще один выстрел из вручную доработанного дробовика в возвращающуюся конечность,

слава сталкерам Свободы, разогнавшим оружие до таких показателей, рука уже вернулась к владельцу. Стул наконец-то упал. Сознание Бобра также было ускорено действием артефакта, вставая на ноги и выхватывая верный «Глок» левой рукой, а в правой без труда держа пистолетную рукоять «Чейзера», сталкер с обеих рук обрушил огонь на мутанта. В непроглядной темноте, разгоняемой лишь вспышками дробовика, он видел, как рвется под наскоками картечи плащ на мутанте, как расцветают темными кляксами цветы крови на груди монстра. Чудовище попятилось и скрылось за дверь. Дробовик разрядился, пистолет выплюнул последнюю пулю в падающую фигуру. Стараясь сохранять спокойствие, Бобр встал на одно колено и начал перезаряжаться. Раз, два, три... семь, восемь, есть, теперь обойма, раз, два, есть! Вскочив, сталкер устремился в сторону двери. Неожиданно – бум! – она с грохотом захлопнулась перед его носом. Один удар плечом, еще, теперь ногой, а ч-ч-ч-черт! Заклинило!

– Излом, тварь! – заорал Егор, в бессилии пнув дверь еще раз. – Открой!

– У-у-у-у, а-а-а-а-а, – визгливо отозвалось с другой стороны, – сталкер обманул, а-а-а-а... сталкер обманул, больно, больно у-у-у-у-у-у...

– Я тебя, тварь, уделаю на хрен!!! Открывай, мать твою, нау!!! – почему-то добавив иностранное словечко, проорал Бобр.

Сейчас он немного сомневался, действительно ли он хо-

чет, чтобы излом открыл дверь и принял бой? Ведь тогда в засаде будет сам мутант, а человеческий организм Егора, даже усиленный артефактом, не вынесет несовместимых с жизнью повреждений, и, даже одержав победу, он, вероятно, погибнет на месте. Прикинув такой расклад, Бобр отошел от двери, включил налобник и расположился на месте директора, положив перед собой заряженное оружие. Посидев минуту, он решил вытащить «душу» из-за пазухи, чтобы не разряжалась. Мутант будет регенерировать еще некоторое время и уже точно не пойдет в атаку. Такой осторожный монстр дважды на одни и те же грабли не наступит, стало быть, нужны другие грабли. «Душа» практически не изменилась, совсем немного как будто бы потускнела, но в целом ей еще работать и работать. Есть захотелось невероятно, он вспомнил, что с утра ничего не ел. Глянув на ПДА, сталкер определился, что обед уже давно миновал, и организм справедливо требует калорий, особенно после воздействия артефакта.

Открыв рюкзак, сталкер достал банку тушенки, почти целую палку колбасы, хлеб. Включил налобный фонарь поярче, от чего у него как-то по праздничному поднялось настроение, и легко опустошил банку тушенки, полбулки хлеба, несколько кружков колбаски с хлебцем и горчицей, запивая это все водой. Расслаблено сидя в директорском кресле и даже закинув ноги на стол, ощущая себя немного «директором», Егор вспомнил что-то и крикнул, дурачась и немного издеваясь над израненным, но смертельно опасным мутан-

том через закрытую дверь.

– Лидочка, а кто у нас в приемной?

Прошла почти минута тишины. Бобр уже подзабыл о вопросе и сидел, отдыхая и прикидывая что-то свое после плотного обеда, держа руку на дробовике.

– Никто, – раздалось обиженное из приемной.

Егор удивленно округлил глаза, снял ноги со стола, встал и выдохнул.

– Ну так пусть войдет. Чего вы...?

Прошел почти час времени, Егор нашел на стене выключатель и включил свет, трубки ламп дневного света, мигнув, загорелись, освещая все. Электричество, как это бывает в Зоне, было практически во всех заброшенных зданиях и помещениях. Теперь ему стало гораздо комфортнее, эти пены можно бы было сделать своей базой, да только, судя по карте, это слишком большая территория, одному ее не освоить, это были бы роскошные апартаменты для какой-нибудь группировки, но не для одиночек. Но время шло, ему надо было выбираться отсюда. Торчащая по ту сторону дверей уже наверняка восстановившаяся тварь была не лучшим вариантом «Лидочки», которая могла бы принести чай или кофе. Решив, что двери, открывающиеся наружу, наверняка можно выбить, разогнавшись, длинным столом для совещаний, благо он сделан из цельного дерева, а не из опилок, Бобр решил проверить обстановку по ту сторону стены.

– Эй, излом, жрать хочешь?

– Излом кушать хочет да... дай, сталкер, хлебушка.

– От ты, сука, конечно, – беззлобно прокомментировал Егор.

– Я, сталкер, не со зла, я старьй, я наверху живу... я не со зла, – засуетился с той стороны мутант.

– Ну как же, заливай, заливай, видели мы твое «не со зла», падаль! – неожиданно разозлившись, крикнул Егор. – Я ща дверь выбую, а потом тебя урою на хрен в пол этот бетонный, понял?

– Не надо, сталкер. Не надо. Хлебушка дай. Не надо, не надо... «урю», – дребезжал треснутый голосок.

Слышно было по голосу, что излом срочно меняет диспозицию. Боится?! Боится – это хорошо.

– Жить хочешь? – крикнул через дверь сталкер.

– Да, жить, жить, – вторил ему мутант, – и кушать... хлеба.

– Тогда проваливай отсюда на хрен, мне секретари не нужны, – уже спокойно сказал сталкер. – Жрать он хочет, ты ж меня жрать хотел. А теперь хлебушка ему, вегетарианец хренов.

– Излом думал, ты сталкер уже все, излом думал, сталкеру плохо. Излом хотел ему колыбельную спеть и пустить в край желаний.

– Каких еще, на хрен, желаний? Что-то ты больно умный, а, мутант? Тебя как зовут? – разглядывая просадку дверей с приличного расстояния, спросил Егор.

– Меня всяко зовут, не помню... Дед меня зовут, – ото-

звалось из-за дверей.

«Кончать надо пустой треп, не приведет ни к чему хорошему такое общение», – подумал сталкер, доставая из контейнера артефакт и засовывая его за пазуху.

– Значит так, Дед. Хлеба я тебе дам. Колбасы дам, если правильно вести себя будешь, а если позаришься на меня, я с тебя шкуру спущу или ученым отдам на Янтаре за деньги, баксы, доллары. Понимаешь? Знаешь, кто такие ученые?

– Баксы, доллары. Понимаю, да. Дед голодный, Деду покушать надо, он тут останется, тут хорошо, спокойно, – согласно повторил голос. – Ученые – плохо.

В кабинете стояло два стола буквой «Т», основание этой буквы длиною несколько метров как раз подходило в роли тарана для забитых монстром дверей. Как ни странно, Бобр нисколько не сомневался, что излом не нападет на него, по крайней мере пока их будет отделять несколько метров и он не повернется к нему спиной. Убрав из-под стола стулья, сталкер передвинул стол на стартовую позицию.

– Эй, Дед, спрячься подальше, – крикнул Егор.

С этими словами он разогнал стол и врезался в двухстворчатые двери, которые с треском открылись, обнажив темное занавешенное пылью пространство, а сам стол тем временем застрял между дверей. Никого не было видно. Бобр сделал несколько шагов назад, взял пространство на мушку.

– Покажись! – потребовал сталкер.

– Не стреляй, донт шут, – послышался голос из коридора.

– Давай выходи, полиглот, без резких движений, – приказал Бобр, держа пространство на прицеле и чувствуя готовность к резкому передвижению с той стороны.

То, что показалось в коридоре, и было изломом. В сером плаще, с накинутой поверх какой-то серой тряпкой, в широких штанах и ботинках без шнурков, держа в левой руке широкополую черную шляпу, показался гроза одиночек, сам обман во плоти – излом. Сейчас он не напоминал опасного обитателя Зоны, его приплюснутая сверху голова и пучки седых волос возле ушей вкупе с маленьким носом, ртом и несколько разноразмерными глазами придавала ему вид доброго дедушки-грибника. Излом застыл в проеме дверей между коридором и приемной.

– Руки покажи, шляпу в сторону, тряпки снять, – приказал Бобр, держа монстра на мушке.

Излом уронил шляпу, скинул накинутую на плечи тряпку, под которой показался грязнящий, перепачканный выцветшей старой и свежей кровью плащ. Сам плащ носил следы многочисленных пулевых и картечных попаданий. Правый рукав под боевую конечность был разорван до локтя и оторван в подмышках.

– Плащ снять, я сказал, – повторил сталкер, видя, что излом замешкался.

Излом вздохнул как можно жалостливее и начал расстегивать несколько чудом уцелевших на плаще пуговиц, наконец дело было сделано, и плащ слетел на пол. Егор присвистнул.

– Так вот ты какой... – негромко проговорил он.

Тело излома, покрытое многочисленными старыми белыми оспинами от давнишних пулевых ранений, теперь украшали свежие красные рубцы, вырисовывая на теле баллистические данные разброса доработанного «Чейзера-13», стрелявшего с пяти метров, пулевые раны «Глока» также добавили с десятков крупных оспин на теле мутанта. Тонкая шея росла из небольших плеч, причем правое плечо было явно мощнее левого, грудина и ребра соответствовали человеческим, разве что на груди не было признаков сосков, но дальше была сама боевая суть излома. Огромные гипертрофированные косые мышцы живота, которые, казалось, скрутили тело мутанта штопором, именно они являлись основной пружиной смертоносного удара. Левая рука имела обычную, человеческую длину, правая же, видимо, плохо раскрывающаяся, лежала на полу. Пять изгибов боевой конечности от плеча до кисти. Излом сделал маленький шагок в сторону сталкера, Егор, ускоренный артефактом, тут же сделал шаг в сторону и два назад.

– Стоять!

Теперь, когда существо предстало в его истинном обличье, иллюзия сходства с человеком пропадала. Нелюдь. Нелюдь из центра Зоны. Мутант, созданный, чтобы вырастить в человеке слюнявую надежду на благополучный исход и получить его без боя. Скольких он уже видел, у скольких он попросил еды, помощи, открыть дверь в схроне?

– Значит, хлебушка хочешь? – глядя через мушку прицела, спросил Бобр.

Чудовище жалко опустило плечи, зашмыгало носом, как будто не решаясь поднять левую руку и утереть слезы.

– Не дури! – сказал Бобр. – Иди включи свет, вон, сзади.

Излом осторожно повернулся и нажал выключатель. В приемной тихо тренькнули лампы дневного света. Сталкер спустил курок, заряд картечи, пролетев несколько метров, вложился в основание черепа мутанта. Мутант рухнул, пытаясь встать, но человек уже стоял над ним и стрелял в тонкую шею. Дробовик разрядился, мутант затих.

– Ну на тебе, деда, хлебушка! – сказал сталкер и с этими словами достал нож и окончательно отделил голову от тела.

Глава 8. Сева

Завернув голову излома в тряпки, нашедшиеся неподалеку, а также не побрезговав и обыскав плащ и штаны излома, Бобр с удивлением обнаружил в карманах приличную сумму денег, связку ключей и пластиковые карточки пропусков, вероятно, взятые изломом у убитых им в окрестностях научных сотрудников, также кучу цветных оберток от конфет и пучок белых волос в пакете. Осмотрев ключи и определив, что в основном они от замков амбарного типа, то есть навесных и прочих, которые, как правило, можно открыть выстрелом, Егор решил оставить два сложных ключа от явно внутренних замков сложной конструкции. Затем, включив поярче налобный фонарь и выключив везде свет, он, уже не таясь, вернулся к шахте лифта. Подходя к лифту, время от времени поглядывая на ДЖФ, Бобр понял, что излом спустился за ним тем же путем, каким спустился он сам, то есть по веревке, а помещение и в правду было необитаемым. Надолго ли?.. Если одно из существ Зоны видело что-либо, то сама Зона смотрела его глазами, и теперь, вероятно, этот подземный административный корпус будет заполнен крысами, аномалиями и полтергейстами.

Теперь шахта лифта не казалась сталкеру такой зловещей, и он при чудесной помощи артефакта без проблем поднялся по веревке, по пути высветив несколько этажей, куда также

уже вполне могла проникнуть мутировавшая живность. Приблизившись к поверхности, сверившись с ПДА, он вылез под мрачное небо Зоны, приветствовавшей его карканьем пары ворон, сидевших на наполовину потерявшем листву клене. Он вынул и упаковал артефакт обратно, отметив, что его свечение стало не таким насыщенным. Вдруг вспыхнувший голод и слабость пришлось срочно гасить энергетиком и парой плиток шоколада. Дорога назад обошлась без приключений, конечно, пришлось красться по этой нелюдимой территории от укрытия к укрытию, пару раз пропуская замеченных снарков, обыскивающих остовы машин, обходя замерших и практически невидимых на сером фоне стволов зомби. Но все обошлось, никто не обнаружил его передвижения под посвистывание ветра и шелест листьев, и через несколько часов он, малозаметной и осторожной тенью, вернулся на Янтарь.

Пройдя через шлюз, снова испытал на себе дезинфицирующую обработку, он подошел к окошку.

– А, Бобр, вы вернулись! – вежливо встретил его заведующий научно-исследовательской станции «Янтарь» Сахаров. – Я надеюсь, вы добыли документы? – спросил он озабоченно через бронестекло перегородки. – Простите мое нетерпение, это, наверное, невежливо с моей стороны спрашивать с порога.

– Все ок, профессор. Документы при мне, щас отдам! – довольно пробасил Бобр. Сейчас после удачной ходки Егор

чувствовал себя эдаким бравым солдатом, который не боится ни Бога, ни черта.

– Что вы, что вы, – засуетился ученый, – пройдемте в кабинет. Николай Иванович, пройдите с нами в четвертую комнату, – обратился он к кому-то невидимому.

Выйдя из помещения, Сахаров прихватил сталкера за локоток и повел в четвертую комнату. Там уже находился один из сотрудников, Николай Иванович, и здоровый широкоплечий экипированный по полной завязке долговец по прозвищу Яйцо, приставленный для охраны внутренних помещений бункера и для контроля порядка передачи ценностей от сталкера – ученым. Конечно, сомнительных сталкеров в бункер вообще не пускали, но и для рекомендованных бродяг всегда выделялся минимум один боец охраны, чтобы он не начудил чего. Мало ли, это Зона. Бывали случаи, что приходит человек вроде бы в себе, а как ближе к людям становится, так глаза шалеют, руки трясутся, смех нервический, того и гляди выкинет чего такое, что мало не покажется. Вот таких сразу определяют и в изолятор, на витамины, пока в себя не придет.

– Ну, показывайте, пожалуйста, – потирая руки и вытянув шею, сказал Сахаров.

Бобр расстегнул верхний клапан рюкзака, затем не спеша развязал горловину, расстегнул отдельный самый большой карман, находящийся возле спины, и наконец под бдительным взором Яйца извлек синюю папку, перевязанную тесь-

мой, и бережно положил на стол. Сахаров с волнением протянул обе руки к папке, посмотрев на набор букв и цифр на корешке, восторженно произнес:

– Да, Коля, это она!

Николай Иванович, видимо, тоже распереживавшийся ввиду исключительности момента, только сглотнул и торжественно кивнул. Взяв сей ценный набор бумаг и по-военному развернувшись, правда, от волнения не через то плечо, он ушел в глубину бункера.

– Итак, молодой человек, еще раз благодарю вас за то, что согласились пойти за документом, и за то, что доставили его сюда. Признаться... Олег Николаевич, можно вас попросить?.. – Сахаров вопросительно посмотрел на долговца, тот все понял и бочком приставными шагами вышел из дверей комнаты, отошел на несколько метров, тем не менее не закрывая их. Сахаров продолжил, понизив голос: «Признаться, мы посылали наших сотрудников и несколько сотрудников Долга за этим документом, но, к сожалению, все как-то неудачно сложилось: сначала эти зомбированные вояки, потом толпы снарков, а на подходе еще и подвижный пояс аномалий. Впустую потеряли много людей и вернулись ни с чем. Нужны были одиночки, поскольку большая группа людей была слишком заметна, и агрессия окружающей среды возрастала квадратично. В общем, как, возможно, вы заметили, большие группы людей, как правило, несут большие потери, в то время как одиночки, такие как вы, Бобр, мо-

гут пройти незамеченными и не возмущая пространство Зоны, – профессор, видимо, был взволнован и по этому поводу эмоционален. – Вы знаете, я всегда ищу возможности поговорить с такими, как вы, сталкерами, так сказать, полевиками, которые могут сообщить нам иногда больше, чем куча дорогостоящей аппаратуры, – Сахаров осмотрел Егора с ног до головы и как будто бы только сейчас обнаружил притороченный к поясу узел. – Да, кстати, а что это у вас на поясе? Не похоже на стандартное снаряжение?

Бобр, поглощенный приемом, забыл о притороченной голове излома.

– А-а-а, это вам подарок, – ответил сталкер, широко улыбаясь.

И собрался уже было распаковать гостинец на алюминиевый складной столик.

– Э, нет, товарищ сталкер, не торопитесь, – встревожено поднял ладонь профессор, увидев разводы крови на тряпье. – Для таких образцов у нас есть специальная лаборатория. Пройдемте.

С этими словами он встал и направился вглубь бункера, сталкер поспешил за ним. Яйцо прошел с ними немного, потом буркнул что-то в переговорник и остался стоять на месте. Они прошли вниз по металлической лестнице, потом по освещенным коридорам со множеством металлических дверей с круглыми окошками, затем спустились еще на один ярус и вошли в ближнюю правую дверь с иллюминатором.

– Валерий Степанович, к вам гости, – крикнул Сахаров, – стоящей в углу фигуре в белом халате с наушниками в ушах.

Фигура развернулась, ею оказался гладко выбритый еще молодой человек среднего роста и телосложения с пытливыми карими глазами и капельками пота на лбу.

– Здравствуйте. Валерий, – протянул он руку сталкеру.

– Бобр, – ответил Бобр, пожимая руку.

– Бобр? Что-то знакомое... не припомню, но где-то я уже как будто о вас слышал, – морща лоб и почесывая подбородок, произнес ученый.

– Это наш старший научный сотрудник по исследованию живых и псевдоживых форм жизни, – представил его Сахаров. – Весьма подающий надежды молодой ученый, вот только что прибыл на вахту, так сказать, отдохнувший и воодушевленный. Ну что там у вас, показывайте, – обратился он к сталкеру.

Сталкер оглянулся в поисках подходящего стола, заметив заодно, что в лабораторию зашел еще один здоровенный долговец, также в полном бронепакете и с ОЦ-14 в руках. Все столы были заняты ноутбуками, микроскопами, какими-то мешалками, центрифугами и другими приборами неизвестного назначения. Завидев квадратный ящик метровой высоты с выдвигаемыми полками под медицинский инструмент, Егор вопросительно кивнул в его сторону.

– Да. Давайте туда, а то сами видите, все столы заняты, – согласился Валерий.

Не спеша сложив в уголок рюкзак, дробовик, разгрузку, сталкер, хрустнув пальцами, начал разворачивать тряпчатый ком. Долговец приблизился ближе, вытянув шею и заглядывая поверх голов на происходящее. Сахаров задумчиво теребил губу. Валерий, склонив голову, наблюдал за манипуляциями сталкера. Наконец, кулек развязался, и на поверхность ящика выкатилась голова излома. Лицо долговца перекосила гримаса отвращения

– Вот тварь! – не сдержался он.

Сахаров остался как будто безучастен, лишь согласно кивнул несколько раз головой. Зато лицо старшего научного сотрудника Валерия Степановича озарилось прямо неземным внутренним светом и восторгом.

– Да это же, *pseudo unum armatus*, – вскрикнул он. – Это излом!

Долговец только пошевелил губами, вероятно, не разделяя восторга ученого, но весь его вид говорил, что таких *pseudo unum armatus*'ов он бы в гробу видал и гвозди бы гробовщику подносил.

– Как давно он был жив?! – суетливо спросил Валерий.

– Да вот часов пять назад как я его усмирил, – ответил Егор.

– Пять часов?! Да это же еще живой объект! – восторженно орал Валерий.

Исполинский долговец, стоявший в проеме, вздрогнул, и его рука нерешительно потянулась за «Громом». Губы опять

что-то беззвучно шептали.

– Вы посмотрите, совершенно целый мозг! Как вы смогли убить его? Ну да неважно. Это же наконец-то прольет свет относительно деления мозговых функций псевдоразумных форм жизни и их соответствия человеческим! Bravo, сталкер Бобр, bravo! – с этими словами он восторженно потряс руку Бобра.

– Я надеюсь, вы сможете выразить свою благодарность в денежном эквиваленте? – не упуская момент, спросил Бобр.

Все-таки работа с Сидоровичем оставила в нем свой отпечаток.

– Ну разумеется, Бобр, разумеется, – с достоинством кивнул Сахаров, – и если у вас все... – с этими словами он вопросительно поверх очков поглядел на Бобра, – то прошу подняться наверх за вознаграждением, также мы выделим вам комнату на ночь, бесплатно, разумеется.

Оставив помешанного от радости старшего научного сотрудника наслаждаться отрезанной головой чудовища, вся компания вместе с бойцом покинула помещение. Получив причитающуюся ему сумму за заказ в тридцать тысяч и еще двадцать за голову, Бобр, был вне себя от счастья, раскраснелся и долго пытался уложить упругую пачку зеленых во внутренний карман. Яйцо, глядевший на то, как Бобр суетится, сказал:

– Бобр, вот ты правильный мужик вроде, а одежда, как будто ты вчера сюда пришел. Коли есть деньги, купи ты себе

нормальную броньку. На тебя ж смотреть страшно, пальцем ткни, и дырка.

Замерший Бобр виновато опустил глаза.

– Да... я...

«Да что я, в самом деле! Привык дальше свалки не ходить! – вдруг рассердился на себя Егор. – Сколько бы времени я бы по копейке собирал, а тут враз пятьдесят штук, поднял. Правда, тут тебе не Свалка, но кто ж без риска по Зоне ходит».

– Ты если за костюмчик боишься, что бандюки помнут, то переползай на Росток или к нам вступай в Долг. Мы эту шваль и в хвост, и в гриву гоняем, не пожалеешь. У нас надежно, верно, Долг, – по-своему поняв сомнения Бобра, сказал Яйцо.

– Спасибо. Я подумаю, – ответил Егор, и вправду решив подумать над обновлением своего гардероба, и отправился в отведенную ему комнату.

Бобр с удовольствием помылся в горячей воде общей душевой, побрился и, даже спросив дозволения, умудрился постираться, развешав белье в общей сушилке. Сидя на кровати в своей комнате, вытянув ноги и осматривая только что подстриженные ногти, ощущая свежесть и здоровье во всем теле, еще бы, его сегодня почти полчаса обрабатывал артефакт «душа», сталкер испытывал ни с чем не сравнимое чувство комфорта и безопасности. «Да-а, – подумал он, – так жить можно... может, подрядиться к ученым, финан-

сируют их хорошо, работу мне всегда придумают, так, глядишь, накоплю себе на жизнь и с их вертолетом и вернусь. Буду жить как человек...» Вот только вспомнить, как это – жить как человек, у Егора не получалось. Картина сытой жизни где-нибудь в пентхаусе шикарного мегаполиса, красивая машина, женщины, все как-то было серо, скучно, ненастоящее. Его счастье сейчас сводилось к переживанию того, как он тащил Артема несколько километров на Янтарь, как он, замирая, прятался за деревом вблизи от огромной электры, а в сотне метров от него из забытого в земле, полузакопанного БТР выскакивали снарки и, ухая, понеслись в сторону от него на охоту. Его счастье сводилось к очередной чистке верного дробовика, осмотру и ремонту снаряжения... вот тут нитки разошлись, подлатаем... где наше шило и суровая нить? Вот тут ремешок перетерся, а может кислотой его зацепило, так... где наши ремешки? Заменяем... а вот тут что за оспина на рюкзаке, ах, это дырка назревает, щас мы ее... где наши заплатки? Так сидя в тиши и покое, поглядывая на свои босые ноги, Егор отдыхал. В дверь постучали и открыли, на пороге показался Николай Иванович.

– Добрый вечер, Бобр. Извините, не помешал? – вежливо осведомился тот. – Вы пойдете с нами ужинать? Валерий Степанович хочет непременно с вами побеседовать.

Взглянув на ПДА, время было близко к полуночи. «Поздновато для ужина, но мне познакомиться тоже нужно. Вот как раз и поговорим, есть ли работка у них, и может и с аму-

ницией что-нибудь решим», – подумал сталкер и встал. Обнаружив себя в нижнем белье, он смутился, поскольку его постиранное было в сушилке.

– Да вот вам халатик, пожалуйста, пользуйтесь, – улыбувшись, решил проблему Николай Иванович, протянув принесенный с собой синий халат.

Накинув халат и одев на босу ногу свои выдавшие виды сталкерские берцы, Бобр прошел за Николаем в маленькую столовую ученых, в которой пять из шести столов уже были пусты, а за единственным столом сидел Валерий Степанович и улыбался, что твой пятак.

– Проходите, проходите, – гостеприимно взмахнул рукой Валерий. – Надеюсь, не откажите? – спросил он, и на столе появилась высокая бутылка «пшеничной».

Бобр, усаживаясь, согласно кивнул, и на столе тут же нарисовалась различная закуска: маринованные огурчики, соленые помидорчики, варенная картошка с нарезанной селедкой, покрытой крупными кольцами лука, ржаной хлебушек и салатик оливье. Николай Иванович, тем временем, убедившись, что все в порядке, удалился.

– Да-а-а, – восхищенно протянул Егор, разглядывая такую поляну, неловко чувствуя себя из-за того, что по сталкерскому обычаю ничего не может поставить на стол со своей стороны.

– Да вы не смущайтесь, – рассмеялся Валерий, – снабжение у нас работает регулярно, а кое-что мы и без снабжения

провозим. Ну, – сказал он, разливая водку по рюмкам, – за знакомство, за трофей и за удачу.

Не спеша ополовинив литровый пузырек, закусив все селедочкой, картошечкой и лучком, поговорив о том о сем, Бобр дождался, наконец, главного вопроса, который, видимо, так и свербил ученого, но, к его чести, он не позволял себе налегать на сталкера, пока тот не откушает и не станет расположен как нельзя лучше к воспоминанию, возможно, мрачной истории.

– Итак, Бобр, расскажите, пожалуйста, как вам удалось, так сказать, не разбив яйца, сделать яичницу? Расскажите, как вы смогли получить голову *pseudo unum armatus*, или так называемого излома, в целости и сохранности? Я, с вашего позволения, возьму вот этот блокнот и буду записывать самые интересные моменты, вы не против?

– Да пишите, что было, то было, – благосклонно кивнул Бобр и налил еще по одной.

Так не спеша рассказывая историю и изредка перебиваемый восклицаниями ученого, поскрипывающего карандашом о бумагу, чередуя это с тостами за находчивость, за сообразительность, потом за удачу и еще раз за удачу, Бобр не спеша, иногда повторяясь, иногда ожидая, пока ученый закончит запись, повествовал.

– Ах, что вы говорите, ну кто бы мог подумать... – ошарашено приговаривал Валерий Степанович, и его карандаш с бешеной скоростью мчался по поверхности блокнота. – Ну

надо же, усыплять человека, это же новый вид дистанционного посредственного воздействия на людей... прекрасный речевой потенциал, осознанное применение речевых оборотов... донт шут?! – эта фраза заставила ученого открыть рот и вытаращить еще шире глаза, он откинулся на спинку стула и с недоверием и некоторой обидой покосился на сталкера. – Вы меня не разыгрываете? – Но получив клятвенное поднятие руки и отрицательные махи головой, ученый продолжил записи с еще большей скоростью. – Вы понимаете, что это значит? Это существо не может быть человеком, по крайней мере такие изменения организма приведут к необратимым изменениям и сознания человека, стало быть, оно сверхобучаемо, и в его мозгу активированы гораздо более сильные механизмы, чем это считалось ранее... – и так далее и тому подобную ерунду.

Бобр, выслушивая все эти излияния научного ума, выцедил только одну интересную для себя вещь, когда Валерий Степанович, потряхивая в воздухе надкушенным огурцом, заговорщицким голосом прошептал:

– Вы знаете, Бобр, это ведь совсем другие существа, их происхождение не вяжется ни с какими другими животными на Земле. У всех животных, рыб, птиц, змей и человека мозг состоит на девяносто восемь процентов из воды, а у этих аборигенов Зоны присутствие воды в мозге всего лишь на семьдесят процентов! Вы представляете, какой потенциал заключен в их коробочках?! – Валерий попробовал сложить нечто

из пальцев, чтобы лучше показать описываемое, но вилка с огурцом постоянно мешала процессу и норовила выпасть. – Их синаптические связи в сотни раз плотнее, чем у человека, а расположение активных участков каждой функции наминает соты, каждая ячейка несет дублирующую информацию, в то время как у нас, я имею в виду людей, несмотря на все богатство возможностей, редкие участки мозга могут заменять и перекрывать друг друга. А у тех же *pseudo unum armatus* более чем в двадцать раз более совершенный мозг, и каждая ячейка дублирует как минимум еще несколько функций! – ученый сделал большие глаза, ожидая такой же реакции от сталкера.

«Вот гадство-то, – пьяно подумал Егор, – это значит, пока весь мозг мутанту в фарш не перемелешь, он жив... ладно, учтем...» – и почесал голый живот через ткань халата. Но тем не менее рассказ о добыче головы излома был закончен, и ученый был явно доволен. Он отложил блокнот в сторону и мечтательно сложил руки на животе, откинувшись назад. Тут настал черед сталкера спросить о своих интересах.

– Да, кстати, Валерий Степанович, я весь поистрепался. Что вы думаете, найдется ли у науки какой-нибудь хороший комбинезон для славного сталкера? – спросил Бобр, явно метя на секретную информацию о завалищем, но хорошем комбинезоне, который придется выписывать и выкупать окольными путями, поскольку новые комбинезоны ему были не по карману.

Валерий Степанович посмотрел на пустую литровую бутылку, даже приподнял ее и посмотрел одним глазом на просвет, икнув и сказав «Айн момент», удалился. Вернулся он через минуту, причем в щель закрывающейся двери Бобр заметил фигуру долговца, дежурившего на этаже.

«Ну у них тут и порядочки, конечно», – как-то нерадостно подумал Егор. На столе нарисовалась еще одна литровая бутылка «пшеничной». Бобр уважительно посмотрел на ученого.

– Бобр, а давайте знакомиться! – пьяно предложил Валерий.

– Так, мы вроде знакомились уже, – ответил сталкер.

– Э-э-э, нет, это мы для проформы знакомились, а теперь для души! – уже восторженно заявил ученый.

«Ну вот... – с грустью подумал Бобр, – нажрался, теперь начнется...»

– Ну давайте. Я – Бобр, – протянув руку, сказал Бобр.

– А я – Валерий, можно Валера... – пьяно кивнув, пожал руку ученый. – А как вас, нет, тебя по имени? – не отпуская руки, продолжил он.

Бобр вздохнул и негромко ответил.

– Егор.

– Так вот, Егор, – наконец отпустив руку, сказал Валера, – костюмчика для вас... нет, – ученый пьяно, а потому преувеличенно помахал рукой в отрицательном жесте, – для тебя – найду.

Хрустнув свернутой крышкой, Валера разлил по новой.

– Я вам... нет, тебе свой костюм дам, – сказал он и гордо посмотрел на сталкера.

«Да зачем мне ваша оранжевая хрень? – с тоской подумал сталкер. – Чтобы меня бандюки за километр на мушку брали и местные твари проходу не давали?»

– А что за костюм? – без особого интереса спросил Бобр, вяло перекатывая между пальцами ножку рюмки.

– «Сева»! – ответил Валерий Степанович и просиял, как медный таз.

Сталкер закашлялся. Теперь настала очередь Егора выпучить глаза и пустить слюну. Комбинезон «Сева» с замкнутой системой дыхания, самой лучшей защитой от аномальной активности, с более чем приличными защитными свойствами от механических воздействий стоил баснословные девяносто тысяч и был мечтой любого сталкера.

– «Сева»?! Но как же ты, Валера? – все еще думая, что ученый погорячился и порет пьяную чушь, спросил Егор.

– Обо мне не волнуйся, во-первых, – ученый пьяно согнул указательный палец, – я почти никуда не выхожу из бункера. Во-вторых, – загнул средний палец собеседник, – комбинезон «Сева» лежит у меня уже почти год и скоро будет списан, потому шта так положено. В-третьих, – Валерий икнул и согнул безымянный палец, – я одевал его всего пару раз. В-четвертых, – теперь уже был загнут мизинец, – мы всегда можем обойтись стандартными костюмами... этими СПП... ССП,

кто они там... – ученый, с трудом удерживал мысль, – в общем банановые, панимаешь?! У нас ведь охра-а-а-на есть! – пьяно растягивая слова говорил он. Затем, уставившись на оставшийся единственным несогнутым большой палец, – в общем, костюмчик, во! – он повернул большой палец вверх в утверждающем жесте. – Егор, ты купи у наших... на складе старый, и отдай мне... а я-я-я тебе новый дам, – ткнув пальцем в грудь Егору на букве «О», подчеркнул ученый. – Старье я сдам, и у меня отчетность в порядке, и ты в порядке, и размеры у нас в по-ряд-ке! – по слогам произнес Валерий.

– Потрясающе!

– Значит, согласен?

– Еще бы! – сталкер поднял рюмку и чокнулся. – Спасибо, – сказал он искренне.

Дальнейшие разговоры, по мере опустошения бутыля, переходили от околонучных тем к сталкерскому фольклору, пока, наконец, Валерий не стал выпадать из русла разговора, на чем, собственно, Бобр и решил остановиться. Подхватив его под руку, он выволок старшего научного сотрудника в коридор, где и передал дежурившему долговцу. Затем, держась за стену и всматриваясь в одинаковые снаружи двери комнат, он завис, не понимая, в какую дверь ему идти, до тех пор, пока, наконец, не появилась твердая рука все того же дежурившего долговца, указавшая ему его апартаменты. Громко икнув, Бобр поблагодарил и, придерживаясь стены, добрался до своей шконки, где и рухнул в сон.

Следующее утро встретило сталкера практически полным отсутствием похмелья, поскольку в Зоне похмелье само по себе редкость, и еще, кроме этого явления, обновленный артефактом «душа» организм Бобра легко компенсировал все нежелательные эффекты. Проспав несколько часов, Егор, судя по оживлению в коридорах, проснулся вместе с основным научным составом Янтаря. Спешно позавтракав и умывшись, он напялил на себя всю действительно потрепанную амуницию и подошел к бронированному стеклу, за которым как раз стоял некто в белом халате, опершись обеими руками на стол, о чем-то сосредоточенно размышляющий, глядя в раскрытую перед ним тетрадь.

– Здравствуйте, – поздоровался Егор, стараясь выглядеть как можно более прилично.

– А, сталкер Бобр, доброе утро, – ровным голосом ответил человек в белом халате. – Это вы вчера с Валерием Степановичем здесь погуляли? – осведомился он.

– Ну немного было, для знакомства и вообще... обсуждали дальнейшие, так сказать, перспективы сотрудничества, – сознался сталкер.

Недалеко от приемного окошка дежурил Яйцо. Он всегда, видимо, стоял за стеклянной витриной или шкафом с научными и другими комбинезонами, а потому его можно было сразу и не заметить. Сталкер, сегодня узрев, где же прячется Яйцо, приветственно поднял руку. Яйцо лишь неспешно кивнул.

– Ну, глядя на вас, Бобр, я могу поверить, что было немного. А вот Валерий Степанович не способен в настоящий момент к нормальной деятельности, а у него сегодня важное совещание. Ему нужно там быть, – сказал собеседник, нахмурившись, затем вспомнил, что не представился. – Я Игнат, мы из одной лаборатории.

– Игнат, можно я навещу Валерия, думаю, что через полчаса он выйдет лучше вчерашнего, – спросил Егор, прикидывая сколько «душе» понадобится времени, чтобы вылечить старшего научного сотрудника и окончательно утвердить уже на трезвую голову вопрос о получении столь желанного комбинезона «Сева», мысль о котором лихорадила сталкера с утра.

Игнат с интересом посмотрел на сталкера:

– Ну сходите, гляньте, Бобр. Я вас очень прошу, исправьте ситуацию, – серьезно сказал он и посмотрел на долговца, стоящего неподалеку. – Проводите, пожалуйста.

Приняв это как сигнал к действию, Бобр пошел к лестнице, ведущей на нижние ярусы. Яйцо что-то буркнуло в переговорник. Спустившись по лестнице, сталкер встретился со вчерашним охранником Кумом и был им провожен в комнату Валерия Степановича. Комната ученого была просторнее комнаты для гостей «типа сталкер», имела настоящие полуторные кровати, шкафы, настоящий деревянный стол, тумбы и некоторые другие удобства. На кровати на животе, прикрывши голову подушкой, лежал Валера.

– Бобр, это вы? – глухо спросил он из-под подушки.

– Да, Валера, привет, – ответил Бобр, кивнув охраннику, что, мол, все в порядке и в дверях торчать совсем не обязательно. – Чего это мы такие больные с утра? Это же Зона, тут такие болезни не встречаются.

– Ну, во-первых, я только что прилетел, – ответил ученый, не шевелясь, – во-вторых, бункер экранирован, и воздействие Зоны здесь сведено к минимуму...му. Ох... – ученый сделал попытку вылезти из-под подушки. Выбравшись, он перевернулся на спину, не открывая глаз и держа руки с согнутыми локтями ладонями вверх. – В-третьих, я от водки вообще очень болею несколько дней, а тут, считай, такая радость, я и... ох...

– Есть у меня одно средство. Давайте попробуем, – предложил Егор.

– Да делайте что хотите, – вяло махнув рукой, ответил «больной». – Мне никакие средства не помогают, факт, – сказал он, не открывая глаз. – Надеюсь, что хуже не будет.

Егор открыл контейнер с «душой», которая выглядела не очень ярко, но в целом светилась ровно и уверенно. Придвинув стул к кровати, Бобр расстегнул пуговицы на полосатой пижаме ученого. «Надо же, даже пижаму застегнул, интеллигентия», – подумал Борб. С этой мыслью он приложил артефакт к груди ученого. Артефакт немного подумал, прилегая к коже, затем, словно поднатужившись, учащенно замигал и как будто подплавился, прилегая основанием плотнее

к телу и образовывая большее пятно контакта. Через минуту Валерий удивленно открыл глаза.

– Что это? – спросил он, глядя на пульсирующую на груди желтыми и молочными тонами цветомузыку.

– Это «душа», – ответил Бобр, глядя, как артефакт делает свое дело.

– Да... дела, – восхищенно произнес Валерий. – Ты знаешь, меня постоянно мениск беспокоил, а тут слышу, вроде как хрустнуло что-то, – уже другим, заметно посвежевшим голосом сказал Валера, через пару минут щеки его порозовели, глаза заблестели. – Ой, есть хочу. Срочно!

– Ну, значит, поправился, – улыбнулся Егор и снял артефакт с груди. «Душа» подернулась легким, словно пылевым, налетом.

Валерий вскочил, глянул на настенные часы.

– Завтрак, а... черт с ним, не успеваем, – метнулся к маленькому холодильнику, достал оттуда консервы, хлеб, варенье. – Егор, включите, пожалуйста, чайник, вон он в углу. Я сейчас консервы вместе с фольгой слопаю! До чего же есть охота!

– Это уже не есть, – улыбаясь, заметил Егор. – Это его величество жрать!

– Да, жрать, жрать, – вполне серьезно закивал головой старший научный сотрудник, и его раскладной нож с бешеной скоростью вспорол обе консервы, резанул несколько ломтей хлеба. Чуть ли не урча, Валерий набросился на еду.

Глядя, как увлеченно ученый наворачивает продукты, Бобр хмыкнул, это было ему знакомо. – Да что я один ем! Егор, немедленно садитесь, возьмите еще пару консервов там, любые.

Егор, хоть и позавтракал, но, глядя на такой аппетит, не смог отказать себе в удовольствии подзаправиться дополнительно. Достав из холодильника бычков в томате, какую-то новую тушенку, прихватив баночку понравившихся ему маринованных огурцов и со вздохом проигнорировав лежавшие на нижней полке в глубине бутылки «пшеничной», он подсел к ученому, слопавшему уже одну банку тушенки и занявшемуся второй.

– Какое чудо это ваша «душа», – с полным ртом выговорил Валерий. – Теперь я понимаю, что значит «зверский аппетит».

Вода в электрическом чайнике тем временем закипела, Бобр отрыл консервы, заварил чайку, достал сахару, открыл варенье и, пока Валерий бегал, совершая утренний туалет, комфортно провел время, вытянув ноги под стол и неспешно прихлебывая горячего чая. Валерий, вернувшись, выглядел уже совсем человеком. Поблагодарив сталкера за чудесное исцеление, присел рядом и налил себе чая.

– А, что же я тут сижу! – вспомнил он. – Ваш комбинезон. Секунду, – он опрометью бросился к шкафу и вытащил оттуда объемный цилиндр и с со скоростью снарка, рвущего добычу, принялся распаковывать тук.

Кружка чая застыла в руках Бобра, скрипнули расщеливаемые застежки, и перед ним появился прекрасный новый комбинезон высшей защиты от аномальной активности со встроенной системой замкнутого цикла дыхания «Сева». Сталкер восторженно глядел на комбез, да, это было то, что надо, именно его размер, именно тот самый приятный и идеально маскирующий серо-зеленый камуфляж, ладно заплавленные кевларовые сегменты, идеально просаженные места сгибов в руках и коленях, чтобы не терять в гибкости, забрало-полусфера из поляризованного стекла и куча других выгодно отличающихся и продуманных моментов. Увидев реакцию сталкера, ученый тут же напомнил:

– В общем, Егор, как договаривались. Вы мне приносите старый, битый комбинезон «Сева», тот, что хранится у нас на складе, а этот можете хоть сейчас забрать в свою комнату, или нет, пойдемте вместе, так будет вернее.

Допив чай, где Валерий ополовинил-таки обе консервы, они вышли из комнаты. Комбинезон нес сам ученый, чтобы вдруг не возникло ненужных вопросов к сталкеру. Дежуривший на этом этаже Кум проследил, чтобы они поднялись на верхний ярус, и, тоже буркнув что-то нечленораздельное, присел на стоящий в закутке стул. Наверху, передав тюк сталкеру, Валерий пошел на склад договариваться. Бобр же, кинув тюк на кровать своей комнаты, пошел следом за Валерием покупать «Севу». Пройдя на вещевой склад ученых, находящийся в надземной части постройки,

но в самом дальнем ее углу, уже под присмотром другого бойца Долга по кличке Кулак он купил действительно практически негодный, прожженный и прострелянный в нескольких местах комбинезон за двадцать тысяч и вернул незаметно его Валерию. Теперь сталкер Бобр, понимая, что он стал полноправным владельцем, по сути, неношеного комбинезона высшей защиты, но все еще не веря своему счастью, зашел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Да, вот оно! Это же не только гора денег, но и новые возможности по добыче артефактов. Егору очень не хотелось думать, что это чудо может прострелить пуля со стальным сердечником в перестрелке или содрать верхний химический защитный слой какая-нибудь зверушка. Это в первую очередь целый шаг, а то и два шага ближе к центру любой аномалии, конечно, если не терять голову. Ох, как хотелось проверить его в деле. Вспотевшими от волнения руками он начал разглаживать чудо-комбинезон, проверять швы, карманы, места сгибов, регулирующие ремешки, внутреннюю часть, наконец нагладившись и налюбовавшись, он с замиранием сердца забрался внутрь. «Да-а-а...» – восхищенно протянул Бобр, приседая и размахивая руками. Застегнув поляризованное стекло и услышав, как заработали, выравнивая давление, воздушные клапаны автономной системы дыхания, дождался трехсекундного окончания самодиагностики комбинезона, по истечению которой увидел информативную проекцию на внутреннюю часть забрала о готовно-

сти всех систем. «Все системы в порядке», – высветилось на стекле приятным зеленым цветом, под ней тут же возникла надпись желтым: «Активировать все системы?» Нажав на кнопку «да», стукнув пальцем по внешней стороне забрала, он почувствовал, как во внутренних слоях что-то завибрировало, а в районе спины, где располагались плоские баллоны с кислородом, очистные фильтры, аккумулятор, едва слышно коротко щелкнули клапаны. Загорелись индикаторы систем, проецируемые на внутреннюю поверхность забрала, он реально ощутил, что он находится внутри подводной лодки, причем не какой-нибудь, а его, черт возьми, собственной! Расплываясь в безудержной улыбке, Бобр открыл комнату и, бесшумно ступая, подошел к охраннику. Долговец, увидев запечатанного в «Севу» сталкера, покачал головой и одобрительно поднял вверх большой палец.

– О-о-о, да я смотрю, сталкер теперь крут, как бараний рог, – улыбаясь, сказал он, снимая шлем. Под ним оказалась белоснежная лысая голова идеальной яичной формы.

– Да, – ответил Бобр через динамики переговорного устройства. Сделал несколько движений, имитирующих позы культуристов на подиуме, Егор провозгласил, – я теперь буду в нем жить! – довольно хихикнув, он развернулся и пошел назад в свою комнату.

Глядя на свою старую латанную-перелатанную куртку, которую он ремонтировал сотню раз, на так называемые усиленные и утепленные штаны с термоустойчивой подкладкой,

он только теперь понял, какая пропасть между тем, что он носил десять минут назад, и тем, во что он упаковал свое тело сейчас. Рука потянулась сгрести этот хлам и выкинуть наружу, на съедение кислотным дождям и тлену, но... вдруг испытал какие-то нежные чувства к этой одежонке, которая худо-бедно, но верой и правдой защищала его и согревала, он вынул все из карманов и аккуратно сложил ее стопкой, твердо решив, что отдаст любому новичку, которому понадобятся эти вещи. Поскольку торопиться ему было некуда, а ученые не спешили выдворять его со станции, Бобр провел остаток дня, перешивая разгрузку на новые размеры, подгоня посадочные места под пистолет, дробовик, пояс с контейнерами для артефактов и рюкзак.

Глава 9. Основная теория

Под вечер сталкера пригласили к Сахарову в кабинет. Кабинет ученого располагался в подвальном этаже с отметкой «-1». Сколько всего этажей в бункере Янтаря, Бобр даже не брался предположить. В ярко освещенной комнате с красивым рабочим столом из какого-то дерева со сложной, извивающейся структурой работал сам профессор. Несколько шкафов, в которых плотными рядами стояли толстые книги и научные труды, небольшой отдельный столик, больше похожий на столик для игры в шахматы, пара стульев из того же незнакомого дерева, ковер и картина, имитирующая открытое окно, за которым виднелся залитый солнцем луг, несколько коров и мальчишка-пастушок в соломенной шляпе, завалившийся на спину и с соломинкой в зубах, смотрящий в небо.

– Присаживайтесь, Бобр, – предложил Сахаров, указывая на один из двух стульев напротив его стола.

Сталкер сел. Сахаров посмотрел на сталкера, вспоминая, зачем же он его вызвал.

– Бобр, я хочу обсудить с вами возможность оказания еще одной платной услуги, вы не против?

– Отчего же, – ответил Бобр, улыбаясь. – Я с удовольствием...

– Замечательно. Я знаю, что ваш поход за необходимыми нам документами осложнился непредвиденными обстоя-

тельствами. Я очень рад, что вы смогли преодолеть это, хм... осложнение и вернулись живым и здоровым.

– А уж как я рад, – поддакнул Бобр.

Сахаров кивнул.

– Егор, вы позволите на чистоту? Я всегда ценил в людях их способность конструктивно воспринимать информацию, пусть даже и не самую приятную, – получив от сталкера недоуменное пожатие плечами, профессор продолжил. – Оценивая, так сказать, логикой и цифрой, ваши шансы в случае с Артемом и изломом оцениваются как незначительные, я бы даже сказал, приближенные к погрешности, и, как ни печально, такие величины в математических моделях исключаются из расчетов. Вы, наверное, знаете, что математика, способная просчитать все что угодно: от внешне хаотичной динамики фондовой биржи до посадки космического корабля на Луну, причем с точностью до секунды и с верностью до миллиметра... но это там, на Большой земле. Там законы вселенной куда надежней, и мы можем использовать некоторые из них, не выходя из, хм... кабинета. Вам понятно, о чем я говорю?

Бобр вновь неопределенно пожал плечами. Сахаров продолжил:

– Я не буду рассказывать вам о случаях, когда самые подготовленные бойцы погибали от пули, выпущенной с более чем существенного расстояния, как опытейшие военные сталкеры погибали от очевидной аномалии

или от мутировавшей фауны, ранее не представлявшей для них действительной опасности.

Бобр кивнул. Да, совсем недавно он размышлял, как это отряд из трех бородатых сталкеров Мишени, Воблы и Зайца, не первый и не второй год топчущих Зону, вдруг гробанулся на подходе к Свалке. Тогда за вечерним костром было высказано много предположений, но ни одно из них не показалось ему убедительным. Вывод был сделан один: Зона так решила и прибрала их всех в один день.

– Но в то же время зафиксированы случаи, когда новички, сами того не ведая, заходили в такие страшные места, в которые отказывались соваться профессионалы, и знаете, что самое интересное? – спросил профессор, поднимая вверх указательный палец.

– Что? – выдохнул Егор, с жадным интересом слушавший профессора.

– Они не находили ничего страшного или опасного в тех местах, мало того, они выносили оттуда что-либо имеющее огромную научную и... э-э-э материальную ценность! Но стоило только кому-либо пройти за ними следом, как они погибали. Да, это Зона, здесь все меняется, существует множество предположений, но давайте пока не будем об этом. Я приведу пример, когда влияние Зоны можно свести с относительно пренебрежимым величинам, например, перестрелка. Казалось бы, тут практически невозможно стороннее воздействие. Участвуют люди и созданные ими механиз-

мы, но зафиксированы случаи, когда один плохо вооруженный и экипированный человек успешно справлялся с десятком противников, находясь в худшем тактическом положении. Как это объяснить? Как вы считаете, Бобр?

Бобр выпрямился на стуле, потер свежееотросшую бровь, некогда опаленную жаркой, приоткрыл рот и после секундной паузы вновь пожал плечами. В случае с профессором он просто не находил слов, в то время как с другими собеседниками он непременно вернул бы что-либо для поддержания разговора.

– Так вот, Егор, мы ввели следующее понятие в изучении Зоны. Оно называется «инициированная реакция среды». Я считаю, что это основополагающее понятие для того явления, которое мы называем Зоной.

– А как это, инициированная реакция среды? – настороженно спросил Бобр.

– Я рад, что вы спросили. Сейчас попробую объяснить. Воздействие Зоны на каждого человека отличается. Это, казалось бы, субъективное ощущение, скажем, одного в каком-то месте тошнит и страшно, а другому в этом же месте спокойно и радостно. Знакомая ситуация? – профессор заинтересованно наклонился к сталкеру.

– Э-э-э, ну да. Вот, например, был у нас Прохор, так он электры на дух не переносил, то грохота боялся, то, что толкнет кто-нибудь, – ответил, припоминая Прохора, сталкер. – Ну он от электры и помер, шибануло его, мама не горюй.

Главное, товарища перед ним ничего, не задело как будто, а Прохора в дым. Так у товарища его костюмчик понадежней, а Прохор так же, как и я, одет. Был, – поправившись, закончил сталкер.

– Но вот что я вам скажу, этого вашего Прохора убила не электра.

– А что? – с расширившимися от ужаса глазами спросил Бобр.

– Точнее, конечно, электра, – немного смутившись, ответил Сахаров, – но я вижу тут инициированную реакцию среды, вы понимаете? А если бы он боялся, скажем, кровососа, наверняка он бы инициировал кровососа.

– Ну а как же сталкеры, которые вообще ничего не боятся? Вот недавно три опытных сталкера убились на подходе к Свалке. Причем каждый в своей аномалии. Это что значит: они их сегодня испугались и Зона их съела? – прищурившись, спросил Бобр.

– Тут, вероятно, другой случай. Чтобы инициировать среду, совсем необязательно именно бояться чего-либо. Возможно, эти люди поссорились или подрались с кем-то, в любом случае в их сознании, вероятно, были сильные эмоции, вызвавшие локальный всплеск активности одноименного знака. Я понятно выражаюсь? – переспросил профессор, следящий, чтобы Егор следил за сутью разговора.

– Э-э-э, ну как бы да, но что-то туманно все-таки, – обдумывая услышанное, ответил Бобр.

– Просто примите два шага, сначала человек инициирует среду, в которой находится, ну, скажем, как опасную или не опасную, а потом инициирует ее реакцию. Так ближе к пониманию?

Бобр, отрицательно помотал головой.

– Хорошо, давайте еще один пример. Давайте разберем случай из вашей практики, так будет лучше. Любой, например, ваш недавний случай с изломом, – предложил ученый. – Валерий Степанович рассказал сегодня на совещании, как вы справились с этим крайне живучим, опасным и заточенным, скажем так, на человека мутантом. Признаться, я, – с этими словами Сахаров положил руку на грудь, – склонен верить в действительность случая, это полностью вписывается в определенную нами схему.

Бобр с сомнением потер переносицу.

– Ну давайте, пример с изломом. Честно не вижу тут э-э-э...

– Инициированной реакции среды? – подсказал профессор.

– Ее самой, да.

– Давайте по порядку. Будет много спорных моментов, но прошу вас, не перебивайте, – Сахаров загнул на раскрытой пятерне мизинец. – Все мутанты преследуют человека с различными целями, откуда, вы думаете, излом мог набраться столько слов, смысловых постановок и даже английское «донт шут»? Я уверен, что он не мог набраться столь-

ко у своих жертв, никто бы не стал с ним разговаривать так долго, скорее всего, он конвоировал группы людей и в силу необычайной активности мозгового вещества изучал нас... как вид. То есть настолько, насколько он потенциально опасен, настолько же он и потенциально безопасен. Не спорьте, – протестующее вскинул руку Сахаров, видя, что Егор раскрыл рот. – Второе, – профессор загнул безымянный палец, – он не делал попытки убить вас, пока вы не почувствовали его, но ведь он мог бы, к моему сожалению, наверняка убить вас, пока вы возились с замком от сейфа? Не спорьте, – вновь протестующее вскинул руку Сахаров, видя, что Егор опять раскрыл рот. Егор обиженно засопел. – В-третьих, когда вы почувствовали чужеродное присутствие, вы испугались. И я считаю именно этим инициировали окружающую вас среду, а именно усилили животные инстинкты излома, – Егор уже как рыба, вытащенная на берег, возмущенно хватал ртом воздух. – В-четвертых, – Сахаров загнул указательный палец. – Когда вы, как вы полагали, почти убили его первый раз, вы почувствовали свою силу и среда поменяла свой знак, она признала вашу силу, и он убежал от вас, и заблокировал дверь, хотя, зная свойства *pseudo unum armatus*, я, к сожалению, могу сказать, что, вероятно, он потерял свою боеспособность менее чем на пятьдесят процентов, а это значит, что его шансы по прежнему были выше ваших, даже с артефактом «душа» как козырем. Должен признать, что это была неплохая находка, использовать целебные свойства артефак-

та для повышения своих психоэмоциональных показателей. Мы же в свою очередь знаем не понаслышке, какие раны может переживать и регенерировать это существо без потери своих физических или, скажем, боевых показателей. К вашему сведению, два квада должовцев были практически уничтожены одним *pseudo unum armatus*. По нашей просьбе они попытались добыть один живой или мертвый экземпляр для исследований. Стоит ли говорить, что для них существует только один вариант – это мертвый экземпляр. Но бойцы были настроены убивать это существо, на что окружающая их среда среагировала соответственно и убила их. Несколько бойцов убил сам излом, несколько попали в процессе охоты в аномалии. И, в-пятых, – Сахаров сложил большой палец на остальные, сформировав кулак, – вы смогли выстрелить, попасть и временно обездвижить излома, я уверен, именно потому, что не продумывали этот плана. То есть на тот момент в вашей голове не было мысли убить это существо, именно поэтому он повернулся к вам спиной, инициированная среда не ощущала вспышки агрессии или ментальных зарисовок близкого будущего, именно поэтому излом никак не среагировал на ваше действие.

Повисло молчание.

– Ну знаете... профессор... такое... – Бобр рассеяно обрисовал в воздухе круг. – Я даже не знаю, что сказать, трудно поверить.

– Да, боюсь, что именно трудно поверить, но я, с вашего

разрешения, приведу, пожалуй, двух людей, которые поверили или, скажем, знают это без преувеличения основополагающее явление и благополучно живут в Зоне.

– Кто?

– Вы также их знаете. Они живые легенды Зоны. Они обходятся маломощным или не летальным оружием или вообще без него, оружие, скорее всего, для людей. Не догадались, нет? – лукаво спросил ученый. – Они живут в наиболее агрессивных, с нашей точки зрения, я имею в виду точку зрения сталкеров и остальных людей, присутствующих в Зоне, местах. В тех местах, где плотность и активность фауны зашкаливает за все разумные пределы. Ну? Все еще не вспомнили?

– Лесник и Болотный Доктор? – изумленно выдохнул Бобр. – Да не может быть...

Сахаров довольно улыбался, разглядывая реакцию Бобра.

– Вот видите, Бобр, я не ошибался на ваш счет, вы, – ученый указал на сталкера шариковой ручкой, – определенно можете понять этот закон, и, мало того, вы подсознательно знаете его и пользуетесь им... в некоторой степени.

– Профессор, вы, наверное, что-то путаете, я же хотел убить излома, я даже ждал, когда он приблизится, – вдруг сосредоточенно и хмуро сказал Егор.

– Ошибаетесь, уважаемый, вы не хотели убить излома, по крайней мере, если бы вы всем своим существом хотели убить его, он бы с такой же яростью атаковал вас. Повторяю,

вы в душе не хотели убивать его. Если вы действительно будете хотеть уничтожить какое-либо существо, то инициализируете тот же эмоциональный всплеск среды и всех ее активных носителей, и тогда вам по силам будет справиться только с низшими хищниками... например, крысой, – лучезарно улыбаясь, повторил профессор. – Очень вероятно, если бы вы вышли через дверь, не думая об изломе, он бы и не тронул вас. Хотя есть вероятность, что он бы окликнул вас, вы бы, увидев и узнав его, испугались за свою жизнь, представив себя погибшим, и среда среагировала бы соответственно, он же, действуя согласно полученным импульсам, убил вас. Возможно, вы бы были уверены в своих силах и приняли бы бой, постепенно понимая, что проигрываете, и проиграли бы. Но если бы на вашем месте был Лесник или Болотный Доктор, не было бы никакого боя и не было бы никаких смертей.

– Но тогда... когда я тащил Артема, да, вот тут, в двухстах метрах от ворот, я же... я же был готов драться, я был готов убивать их всех, а они прошли мимо, – чувствуя что почва его убеждений постепенно уходит из под ног и мозг ищет спасительной зацепки за прежние убеждения, напряженно проговорил Егор.

– И снова, милейший, вы ошибаетесь. Вы не хотели убивать зомбированных, вы хотели защитить человеческую жизнь всеми своими силами. Реакция инициированной вами среды была соответствующей, поймите, среда стала соответ-

ствовать вашей психоэмоциональной окраске, если хотите, вашему жгучему желанию сохранить Артема. Как только вы сформировали свое желание, она, инициированная вашим намерением, включила сирену, конечно же, руками долговцев, она же активировала их активность и отредила интерес зомбированных к вашим персонам, и далее позволила вам без ранений выбраться из передраги. Тут мы видим, что и человек, в свою очередь, подвержен влиянию среды, если изначально как минимум имеет нейтральную позицию.

– Но почему бы ей тогда, этой вашей реакции среды, не развернуть зомби в другую сторону? – спросил сталкер.

– Возможно, если бы вы хотели этого еще сильнее, они бы и развернулись. В конце концов, зомбированные не имеют, в отличие от человека, функционирующей центрально нервной системы. Их мозг не способен проявлять свою волю и самостоятельно инициировать реакцию среды, их, так сказать, антенны связи представлены обрывками нервных тканей, и они, подчиняющиеся изменяющейся среде, заставляют двигаться тело. Но тут, конечно, тоже, много вопросов, но это, если вам интересно, к некробиологу Трофиму Аристарховичу. Ну так о чем я... – Сахаров потер переносицу. – А, так вот, если бы ваше желание было еще сильнее, я уверен, вы бы смогли развернуть или остановить зомбированных.

– Профессор, – взмолился Бобр. – Я больше не могу, вы же ставите все с ног на голову!

– И снова ошибаетесь, дорогой мой сталкер Бобр, сейчас я

как раз и ставлю все в вашем сознании с головы на ноги. Человек, человек и еще раз человек является причиной практически всех случающихся с ним событий в Зоне. Здесь среда, которую можно назвать одним общим словом «Зона», многократно быстрее реагирует на человеческие проявления и имеет такой ассортимент инструментов для обратной связи, как мутанты или же артефакты. Понимаете? С одной стороны, Зона может лишить вас жизни, и в то же время у нее есть возможность подарить вам здоровье, силу, выносливость и прочее и прочее. Понимаете?

Бобр откинулся на спинку стула, растерянно глядя куда-то в сторону в пол. Ученый, видя такое состояние сталкера, вежливо осведомился:

– Может, чайку?

Бобр благодарно кивнул.

– Было бы очень кстати, – хрипло произнес он.

Через пару минут очаровательная девушка в белом халате принесла поднос с чайником, наполненными чашками чая, конфетками, печенюшками и нарезанными фруктами. Выпив в полном молчании одну, потом вторую чашку чая, сосредоточенно думая обо всем, что было услышано, Бобр встрепенулся.

– Да, профессор, а зачем же вы вызывали меня?

– Очень хороший вопрос, я рад что вы пришли в себя. Это дает нам шанс, что вы выслушаете мое предложение и в свете полученной, признаться, небольшой, но практически зна-

чимой для вас части информации вы, с большей вероятностью, сможете выполнить мое э-э-э... поручение. Более того, я бы не попросил вас и никого другого выполнить для меня что-то, если бы у него не было шанса выполнить это. Хватит на моей совести смертей, – оттягивая вдруг ставший тесным воротничок и понизив голос, сказал Сахаров. – Итак, – хлопнув ладонью по столу и отгоняя ненужные воспоминания, сказал ученый. – Речь идет о походе в Рыжий Лес с нашим сотрудником Валерием Степановичем к Леснику. Возлагаемая на вас функция – это обеспечить проход туда и обратно нашему сотруднику. Задача нашего сотрудника произвести замеры изменения психоволновой активности среды совместно с Лесником. Мы уже давно наладили с ним партнерские отношения, и он с удовольствием нам помогает. Полученные показатели мы условно примем за эталонные, а в дальнейшем эти данные будут использоваться для искусственной коррекции агрессивных реакций среды генерированными импульсами. У нас есть определенные разработки, которые уже работают. Кстати, Валерий Степанович будет использовать прототип устройства в вашем походе, но мозговые излучения Лесника – это качественно другой показатель. Вам придется вместе с нашим сотрудником пару дней сопровождать Лесника.

– А что, если он откажется? Он же вроде бы гостей не любит?

– Любит не любит, это субъективно. Мы... хм, точнее вы

с Валерием Степановичем тоже туда не с пустыми руками пойдете. Лесник предупрежден, он вас будет ждать. Но мы все равно должны учесть, что это он, а не мы делаем ему услугу.

– И... сколько вы мне заплатите? – спросил Бобр, чувствуя себя довольно неловко, поднимая вопрос о деньгах с таким ученым мужем.

– Размер вашего вознаграждения – сто тысяч.

Печенька, выскользнув из потерявших контроль пальцев, с негромким бульканьем упала в чашку с чаем.

Следующие два дня сталкер готовился к выходу в Рыжий Лес. Его подготовка заключалась в нескольких часовом прослушивании курса лекций от Сахарова в его кабинете. Профессор с удовольствием делился необходимыми для выживания в Рыжем Лесу теоретическими выкладками.

– Егор, исходя из тех теорий, которые вы теперь знаете и можете интегрировать в ваше видение Зоны, вы можете сказать мне, почему я не прошу отправить туда должговцев? – спросил профессор.

– Ну, наверно, – чувствуя себя как школьник на экзамене и вытирая руки о выданные ему гражданские штаны и рубашку, отвечал Бобр. – Наверное, должговцы будут ожидать, что Рыжий Лес агрессивен, и Лес нападет на них? – наполовину ответил, наполовину спросил сталкер.

– Правильно. А что можно сделать, чтобы не пострадать в данной ситуации? Пожалуйста, выдвиньте свои вер-

сии и гипотезы. Я, как и говорил всегда, стремлюсь изучить ваш неповторимый полевой опыт сталкера, – подбодрил ученый, – поскольку это также является одной из ключевых позиций в моих исследованиях. Итак?

– Ну, наверное... – помявшись, начал рассуждать вслух Егор, – наверно, если бы долговцы думали об окружающей их среде как об агрессивной, и в ней были бы только слепые псы, крысы и плоти... и... мало аномалий...

– Как возле периметра? – уточнил профессор.

– Ну да, – согласно кивнул Бобр, – то среда бы проявила свою агрессию, а долговцы, как пить дать, перебили бы всех мутантов, – прикидывая и так, и этак ситуацию, отвечал Егор. Сахаров согласно кивнул. – А если в Рыжем Лесу... то, наверно, не справятся ребята, нет, не справятся, – сказал Егор. – Там кровососы неубиваемые, черныбыльские псы, снарки, псевдогиганты... аномалия на аномалии... нет, если эта, как ее, среда захочет их уничтожить, то у нее все шансы.

– Егор, Егор, не торопитесь с выводами. Подумайте о благополучном исходе, когда бы они, я имею в виду бойца группировки Долг или любой другой, смогли бы дойти до Лесника и выполнить задание, – переспросил Сахаров.

– Ну, наверное, если бы все залезли в танки с максимальной защитой от аномалий, ведь есть же такие? И гусеницами давили бы всех мутантов, еще и пулемет сверху. Наверное, так можно пройти Рыжий Лес? – вопросительно отве-

тил Бобр.

– Нет, Егор, вспомните все эти мертвые танки, БТРы, разбросанные по всей Зоне. Правительство уже пыталось использовать регулярные войска, и что получилось? Думайте еще, Бобр, думайте, – Сахаров постучал карандашом по записной книжке, лежащей на столе.

Егор наморщил лоб.

– Ну тогда, если мы не можем победить Рыжий Лес... тогда надо э-э-э поверить, что он не опасен, что ли? – неуверенно сказал Бобр.

– Так... – кивнул Сахаров, – и?

– И пройти Лес, как будто там и нет никакой опасности, – подытожил Бобр, пытаясь угадать, глядя в глаза ученому, правилен ли его ответ.

– Практически так, Егор, силой взять Лес не получится. К сожалению, наша человеческая психика устроена таким образом, что все неизвестное, что она видит, она подсознательно ассоциирует с возможной опасностью. Это и инициирует среду как потенциально опасную. Вы не сможете заглушить свои приобретенные подсознательные навыки, но у вас, если хотите, есть определенный талант, который выражается в другом, в отличие от девяносто девяти процентов сталкеров, подходе к пониманию Зоны. Вы не испытываете негативных эмоций к вашему окружению, а в большинстве случаев это Зона, и, соответственно, окружение, то есть Зона, не проецирует обратно на вас ваши же разрушительные проявления, –

сказал Сахаров.

– Ну допустим, я что-то понял. Что я должен делать? – неуверенно спросил Егор.

– Давайте по порядку, – предложил профессор, открыв пятерню и закладывая мизинец. Как видно, это была его манера рассуждения и убеждения собеседника. – Во-первых, вы достаточно опытный сталкер, который понимает степень опасности от большинства представителей фауны Зоны.

Егор, памятуя, что профессор не любит прерывания его рассуждений, робко приподнял руку в надежде на вопрос.

– Хорошо, Бобр, спрашивайте, – разрешил Сахаров.

– Вы, наверно, переоцениваете мои... знания, я не охотник за мутантами.

– Я адекватно оцениваю ваше практическое понимание среды. А относительно мутантов, на практике, я уверен, вы можете дать сто очков по сравнению с нашими лучшими специалистами. Я говорю о практическом понимании и использовании этого понимания. Наши биологи имеют дело, как правило, с мертвыми образцами, если бы выставить их наружу, чего я крайне не желаю, их подсознательные поведенческие реакции будут, скорее всего, неконтролируемы и столкновения с мутантами ужасны. Вам понятно?

Бобр кивнул.

– Во-вторых, – закладывая безымянный палец в свойственной ему манере, продолжил Сахаров, – ваше позитивное восприятие данной реальности или, если хотите, среды,

позволяет вам сглаживать свое воздействие на нее. Образно говоря, вы обтекаемы для среды, вы вызываете меньше волн и возмущений, вам просто меньше будут встречаться всевозможные мутанты. В-третьих, что немаловажно, – вы обучаемы, иначе я бы не сидел тут с вами и не тратил свое драгоценное время. Я уверен, что полученные вами знания здорово могут помочь вам в выполнении наших поручений, и, соответственно, нам в исследовании Зоны.

Сталкер задумался.

– Профессор. А можно еще вопрос?

– Да, конечно, уважаемый, спрашивайте сколько хотите, я постараюсь дополнить ваше понимание Зоны своим.

Бобр секунду колебался, а потом задал мучивший его когда-то вопрос. Этот вопрос так и остался без ответа, но сейчас он был как никогда близок к нему.

– Вот говорят, что есть э-э-э... Исполнитель желаний, Монолит – это правда? – робко спросил он, внутренне ругая себя за наивность.

– Да, это правда, – спокойно ответил Сахаров.

– Как? – чувствуя, что почва снова уходит у него из-под ног, растерялся сталкер. Ведь кто-кто, а ученый, профессор, академик не мог верить в сказки, а он говорит, что исполнитель существует.

– А Хозяева Зоны существуют? – шепотом с расширившимися от ожидания благоговейного откровения глазами спросил Бобр.

– Да, и Хозяева Зоны существуют.

Земля, казалось, окончательно перевернулась, небо рухнуло вниз, Бобр ничего не понимал.

– Профессор, – чуть не плача, дрожащим голосом спросил Егор, – а Зона – живая?

– Да, Егор, Зона – живая, именно в том понимании, в котором вы представляете ее. Она разумна, – уверенно сказал профессор.

Егор сидел, открыв рот, бессмысленно смотря в пространство.

– Бобр, Бобр... Егор. – встревожено спросил Сахаров. – Вам нехорошо? Может, чайку?

– Да, профессор, было бы неплохо, – прошептал сталкер.

Отхлебывая чай из чашки, Егор восстанавливал свое состояние, но получалось хреново. Слишком много места для вопросов освободили ответы профессора.

– Профессор, я хочу знать. Поясните, – отложив недопитую чашку в сторону, твердо заявил сталкер.

– Конечно, я рад, что вы позволили себе расширить ваш стакан знаний, и я могу долить туда еще немного. Начнем с Монолита, или Исполнителя Желаний. Исполнитель Желаний – это машина, результат очень серьезных разработок советских ученых, грандиозной задачей которых было создание светлого будущего. Эта очень мощная машина, суперкомпьютер в защитной оболочке, настроенный на частоту мозговых волн человека. Монолит активизирует среду таким

образом, что все, что вы начинаете думать, начинает проявляться в действительности, причем оно не возникает из воздуха, хотя и это возможно, а заставляет само пространство соответствовать частоте ваших мозговых электромагнитных колебаний, это сложный и гениальный процесс. Соответственно, Исполнитель имеет свою Зону действия, затухающую по мере отдаления от эпицентра. Эпицентром, как вам, наверное, понятно, является сам суперкомпьютер... э-э-э... Монолит.

– Поэтому людей глючит, когда они приближаются к центру? – спросил Егор.

– Да, поэтому. Мозговые сигналы удаленных на расстояние в несколько километров людей недостаточно четкие и ясные, и Исполнитель, он же Монолит, являющийся лишь устройством, реагирует соответственно, то подстраивая, согласовывая окружающую среду с вашими мозговыми сигналами, то прекращая эти инициированные операции. И человеку начинает мерещиться всякое. Чем ближе к центру Зоны, к Монолиту, тем частота ваших сигналов для него четче, и среда инициируется им же быстрее и от гораздо меньших мозговых импульсов, потому что вы, как несущий передатчик своей воли, ближе к Исполнителю. Именно поэтому мозговой сигнал, выпущенный сталкером возле самого суперкомпьютера, реализуется на все сто процентов. Повторю, что суперкомпьютер считывает не то, что вы думаете, но то, что вы действительно Желаете, это электромагнитная вол-

на совершенно определенной длинны, частота которой заложена в суперкомпьютер. Поэтому, когда вы находитесь в непосредственной близости от Монолита, ваш мозговой сигнал перекрывает большинство других сигналов, и Монолит согласовывает окружающую среду в соответствии с вашими мозговыми сигналами. Вам понятно?

Бобр кивнул.

– А кто тогда Хозяева Зоны?

– Так называемые Хозяева Зоны – это группа ученых, разработавшая проект «Исполнитель Желаний». Как вы понимаете, правительство не было готово пользоваться таким изобретением, вы подумайте только, стоит добавить мощности или разместить сеть монолитов по всей территории тогдашнего СССР или мира, и любое желание нашего Генсека было бы исполнено, это абсолютная тирания. Тирания миру! Таким ли вы видите светлое будущее? Чтобы пользоваться этим устройством, нужен бы был человек совершенно особой модели, с совершенно бескорыстными мыслями, но и это очень сложно. Ученые вынуждены были каким-то образом не допустить использования Монолита, поэтому они всеми силами сдерживали проект, и, надо отдать им должное, это были мужественные и великие люди! Они получили в свои руки такое оружие, которое гораздо страшнее атомных бомб, и они сами осознали, насколько Исполнитель может быть ужасен в человеческих руках. Вначале они хотели решить вопрос отбора людей, которые бы имели допуск к Исполни-

телю, мирным путем, и был создан Контролер. Да-да, молодой человек, Контролер был создан нами, в благих побуждениях не допустить людей с разрушительным содержанием к Исполнителю. Этот теперь безработный, живущий без должного ухода и одичавший... хм, Страж Монолита продолжает делать то, для чего он создан. Он проверяет мысли людей, и если там есть нечто несущее угрозу человечеству, он должен блокировать их и отводить в специальное помещение, но идеальный план контроля приходящих людей к Монолиту, конечно, не понравился правительству, в бешенстве оно начало репрессии. Часть великих ученых, этих светлых представителей человечества, тогдашние спецслужбы смогли вывести из строя или ликвидировать, их выкрадывали из квартир, из кабинетов и увозили, но часть успела запереться в одном из наиболее защищенных бункеров. Тогда правительство в отчаянной попытке ухватить Монолит инициировало первую аварию ЧАЭС, в надежде, что ученые выйдут из непригодных помещений, но группа светлых умов сопротивлялась, они назвали себя «О-Сознание», они подключили себя к управлению Исполнителем, залегли в автоклавы, это был их единственный шанс сохранить свое сознание и не дать Монолит в руки обезумевшего правительства. После аварии население было эвакуировано, Зона отчуждения, тогда еще просто Зона, была создана, и правительство ввело войска. Конечно, тайно и без огласки, но войска, как вы знаете, не прошли. Исполнитель был активирован, и на подхо-

дах у машин глохли моторы, у людей останавливались сердца. Штурм был проигран, никто не вернулся, все погибли, не сделав ни единого выстрела. Но были и другие подходы к группе «О-Сознание», которые они просто не могли контролировать. После этого штурма Хозяева начали создавать охранников для себя и Исполнителя, поскольку лаборатории все еще были функциональны, ЧАЭС не была заглушена, она продолжает генерировать электричество и по сей день, в этих лабораториях были выращены сотни видов мутантов для охраны наземных, подземных и других коммуникаций.

– Вы говорите, сотни? – сталкер поежился – Но ведь мы знаем только десяток или другой?

– Да, конечно, не все виды оказались конкурентны и жизнеспособны, мутанты создавались по принципу армейских подразделений. Пехота, диверсанты, бронетехника и прочее. Но это есть экосистема, и там существует естественный отбор, поэтому осталось всего несколько устойчивых видов, которых мы и знаем теперь. Но это, – профессор многозначительно поднял вверх указательный палец, – не исключает возможности наличия других вариаций.

– И как же сейчас? Что делают Хозяева Зоны? – спросил Егор, затаив дыхание.

– Ну что они сейчас могут делать? – раздумывая, произнес Сахаров и как-то странно посмотрел на Бобра. – Они умирают, ресурсы их физических тел истощены, цифровая копия сознания помещена в электронный носитель. Да, такое

возможно, – задумчиво продолжал Сахаров, сложив руки на животе и мечтательно глядя вверх. – Если разобраться, товарищ сталкер, – произнес он особым голосом, – то мы с вами всего лишь облачко электронов. А какова природа электронов? По результатам многократных экспериментов они показали себя как частицы и как волна, все зависит от наблюдателя. То есть наблюдатель может одним своим проявлением преобразить волну в частицу, а частицу в волну. Вы же помните, e равно мц в квадрате? Кроме того, все указывает, что электроны не имеют геометрических размеров, тогда что же такое мы? Мы люди, состоящие из этой самой материи, составляющие которой не имеют геометрических размеров? Мы лишь сознание... помните «я мыслю, значит я существую», – он рассмеялся, – но это уже совсем другая история... Итак, о чем мы? А, да, Хозяева сейчас ищут либо тела-носители для продолжения развития своей мозговой деятельности, но это, оказывается, очень сложно сделать, наверное, так же сложно, как найти одинаковые отпечатки пальцев, либо преемников. Людей совершенно особых, выбираемых ими по очень специфичным критериям, но находятся и такие.

– А выжигатель тоже сделан, чтобы защищать Хозяев и Исполнитель? – вдруг, догадавшись, спросил Бобр.

– Это очевидно, сталкер, это очевидно. У О-Сознания много врагов, и это очень серьезные организации, все хотят получить Исполнитель... все.

– И группировка «Монолит» защищает Хозяев?

– И группировка «Монолит». Кто-то же должен уметь обращаться и поддерживать стареющее научное оборудование? Ну и стрелять, конечно.

Бобр взял уже остывшую чашку чая и пригубил.

– А как же вы говорите, что Зона живая? – спросил он, это, пожалуй, осталось пока единственным непонятным для него вопросом, чтобы, как выразился профессор, на сегодня «заполнить свой стакан».

– О-о-о, это очень интересный вопрос. Группа «О-Сознание», они же Хозяева Зоны, эти гениальные умы, конечно, не могут день и ночь только и заниматься тем, чтобы следить, чтобы их никто не нашел. Они создали, кроме агрессивной фауны, которую можно деактивировать несколькими способами, еще и других стражей. Локальные нестабильные физические поля, именуемые «аномалии».

– Вот это да! – выдохнул Егор, – А что же тогда такое артефакты? И как они работают?

– Ого, ну такими темпами мы с вами забредем в самую глушь, но позвольте, вы интересовались, живая ли Зона или нет? – напомнил Сахаров. Получив неоднократное согласное кивание головой, он продолжил. – Так вот, для того чтобы управлять сложной системой аномалий и биоценозом, был выведен определенный алгоритм действий регулирования среды и запущен через Монолит. Вы, наверное, можете себе представить, если бы чудовищная система воспроизведе-

дения мутантов и аномалий вдруг вышла из-под контроля? В конце концов, Хозяева тоже люди, хоть и хм... бывшие, и они еще помнят и желают рая для людей, но некоторые из них имеют совершенно иной взгляд на дальнейшую судьбу человечества, ну да это пока не важно, по крайней мере к вашему походу не должно иметь отношения. Итак, был создан алгоритм управления биоценозом Зоны, но что-то произошло, неизвестно точно что, но у этого алгоритма появилась своя воля, возможно, такой вариант и был заложен, поскольку для влияния на среду посредством Монолита нужно было использовать волны определенной частоты. Таким образом появилось нечто именуемое себя «Зона» и достаточно обособлено от Хозяев регулирующие процессы, протекающие внутри периметра. Но поймите меня правильно, Егор, Зона – это не тот алгоритм регулирования среды и не та программа, которая была заложена вначале, теперь это нечто феноменальное, теперь это имеет свою волю, свою возможность самовыражения и, я бы сказал, познания себя через свои проявления. Вам понятно?

– Не уверен, профессор, что смогу понять действительно, но кое-что встало на свои места. Или, наверно, все, – тихо сказал Егор, поднимаясь со стула. – Я больше не буду вас спрашивать ни о чем, я, пожалуй, пойду. Скоро на выход, и мне нужно быть в форме.

– Идите, идите. Я дам распоряжение для своей экспедиции, выберите у нас на складе то, что вам будет нужно, и

проконсультируйте в этом вопросе Валерия Степановича, – сказал профессор, провожая его взглядом.

Вечером, встретившись с Валерием Степановичем, они пошли на склад.

– Валер, слушай, мне тут профессор столько нового рассказал... – обратился он к беспечно жующему на ходу сушку ученому.

– А, и что же такого рассказал? – без особого интереса спросил Валерий.

– Да вот... – внезапно жгучее желание поделиться с кем-нибудь знаниями от Сахарова и обсудить их пропало, и Бобр лишь махнул рукой, – да ничего, собственно. Выходим завтра? – сменил тему Егор.

– Да, завтра, – все также беспечно ответил Валерий. Потом, поглядев на встревоженного сталкера, добавил успокаивающе. – Да не зарубайся ты, я проверил свой аппарат на голове излома. Ты знаешь, что она еще жива? Мы поместили ее в специальный раствор и... в общем, АИК работает как часы.

– АИК? – переспросил сталкер.

– Аппарат Искусственной Коррекции Окружающей Среды, – пояснил ученый. – Для нас АИК – так удобней. А вот он, кстати, – ученый достал из кармана нечто похожее на мультиметр для измерения электричества, такой же черный прямоугольник с экраном и крутилкой посередине, вокруг которой нарисованы какие-то значки. Такие же два выхода

под штекеры и один под USB-разъем, желтый защитный пластиковый чехол, прихваченный синей изолентой к корпусу самого устройства.

Сталкер с любопытством посмотрел на прибор и отметил:
– На «цешку» похоже... мультиметр который.

– Правда? – удивился Валерий и расхохотался. – Я ее как раз в «цешечном» корпусе и собрал, удобно очень получилось, видишь? – он довольно посмотрел на Егора. – Вот видишь эту крутилку? Тут у нас положение ноль, затем крутим чуть-чуть по часовой, и собакам мы не интересны, крутим еще, и собаки начинают играть друг с другом, крутим еще, и они начинают стоять на задних лапках, крутим еще и... дальше не знаю, но на максимальной частоте голова излома начала улыбаться.

– Да ты что? – изумленно переспросил Егор. – А если в другую сторону?

– Ну если в другую, то в начале нам будет плохо, а потом мы будем злиться, а потом нас будут искать разозленные мутанты, а если провести на известный мне максимум отрицательного значения, то голова излома начинает скалиться и корчить злые рожи, – не очень радостно сообщил Валерий. – А вот тут на экране мы видим показатели активности среды и прибора.

– А почему сейчас мы ничего не чувствуем? – спросил Егор, глядя, как наука перещелкивает прибор.

– Он не от батареек работает, к нему аккумулятор нужен,

вот видишь разъемы, это для питания.

Бобр подумал, что первый раз беря с собой новичка и профана в деле выживания в Зоне, он практически не волнуется, идя в одно из самых жутких мест, о котором ходили самые невероятные слухи. Но теперь ему предстояло убедиться во всем или, нет... как бы сказал Сахаров, составить собственное мнение о Рыжем Лесе.

На складе они выбрали для ученого, конечно же, комбинезон «Сева», оранжевый штатный костюм Бобр категорический забраковал. Одно дело идти под охраной должовцев, где яркая краска позволяет им следить, чтобы рассеянный ученый не потерялся и не залез куда не следует, увлекшись работой, другое дело идти связкой, делая ставку на невидимость и осторожность. Валерию подобрали такой же пистолет «Глок», как и у сталкера, его походный рюкзак был также забракован сталкером, и был выбран другой, более прочный, объемный, герметичный рюкзак на рамке с минимумом внешних кармашков, замочков и другого. Пользуясь случаем, Бобр сменил свои растоптанные, пожженные и резанные берцы на новенькие, удобные и легкие, на высокой диэлектрической подошве с химически стойким покрытием и особо прочными шнурками. Как на грех, ученый оказался из рук вон плохим стрелком, несколько раз стрельнув прямо на складе, под бдительным оком Кулака, в бумажную мишень, он дважды попал значительно правее центра. Дергал спуск сильнее, чем надо, но, по-видимому, его это не особо волно-

вало. Кулак лишь сокрушенно покачал головой и с жалостью посмотрел на сталкера, мол, «кого с собой ты ведешь?». Бобр в другой раз и сам бы отказался лезть в Рыжий Лес, хоть с ученым, хоть без ученого, хоть с толпой долговцев, хоть на танке, хоть в танке, но то, что ранее открыл ему Сахаров, каким-то внутренним чутьем, интуицией, развитой уже здесь в Зоне, вдруг делало поход не смертельно опасной дорогой в лоно смерти, а вполне выполнимым и многодоказательным предприятием. Учитывая огневую подготовку ученого, Бобр предложил ему взять дробовик, поскольку уж с автоматом он бы точно не справился, а автоматы, стоящие на подставках, прикрепленных к стене, были ой как хороши. Последнее слово оружейной промышленности, новейшие разработки со всего мира, которые привозятся сюда не столько для вооружения охраны ученых, сколько для испытаний в реальных условиях, благо поводов пострелять здесь всегда было достаточно.

Глава 10. Поход

Наступило промозглое холодное утро следующего дня. Температура ночью упала близко к нулю, что было достаточно редким явлением. Бобр с Валерием вышли из бункера, вдохнув холодный воздух, и, глядя на зевающих бойцов ночной смены, изо рта которых валил пар, передающих пост дневной смене, Бобр хотел было поежиться, но в комбизоне «Сева» было тепло. И какая разница, идет ли сверху дождь или снег, дует ли ветер горячий или холодный, если ты находишься в герметичном костюме высшей защиты? Две фигуры, одна за другой, вышли из ворот научной станции «Янтарь» и растворились в утреннем тумане. Бойцы Долга лишь грустно посмотрели им в след, прощаясь и ожидая сообщения о пропавшей без вести двойке в районе Рыжего Леса. Ориентировочно до пункта назначения сталкер прикидывал три-четыре дня, но, пересмотрев факт защищенности их отряда и отметив, что ученый включил свой АИК, который мигнул диодами, он прикинул, что можно было бы рассчитывать добраться к Леснику, наверное, на сутки раньше.

– Послушай, Валер, – обратился к ведомому сталкер спустя два часа молчаливой ходьбы, – а если сейчас твой АИК работает, то почему я ничего не чувствую?

– Ну, во-первых, у нас встроенная пси-защита, а приборчик, как не крути, является пси-корректором, во-вторых, ес-

ли человек изначально находится в положительном эмоциональном фоне, так сказать, в хорошем расположении духа, то он и не заметит воздействия этого прибора.

– То есть всю дорогу мы обречены быть в хорошем настроении и даже испытывать какой-то восторг? – спросил Егор.

– А как же, – утвердительно кивнул тот. – Мы и все, все, все!

Бобр подумал, что это может быть все-таки опасно, но лишь отмахнулся, как же приятно было идти вот так, по-особому по Зоне и чувствовать себя в своей тарелке. Заметив спустя еще полчаса невдалеке приметное скопление аномалий, Бобр обратился к следующему позади Валерию.

– Валер, смотри, вон там делянка путная виднеется, давай проверим?

– А-а-а, сталкерский зуд в особом месте? – весело поинтересовался тот. – Ну давай глянем, как наша пехота промышляет.

Они подошли к скоплению. Бобр остановился и привычно бросил болт. Аномалии включились, взаимно активируя друг друга, сначала в воздух ударило два мощных ярко-желтых ревущих фонтана огня под четыре метра высотой, затем их подхватили могучие птичьи карусели и закрутили огненную струю, очерчивая свой ореол ненасытным огненным цветком, вырывая с каждой жарки по огненной ленте, затем за всем этим громыхнули две или три электры, подсвечивая огненные букеты яркими вспышками, словно обраща-

вая огромные, дивные, яркие желто-оранжевые цветы в слюду. Егор любовался откровенно красивым зрелищем.

– Да, аномалии-то здесь не чета тем, что возле периметра, красота! – протянул он про себя и обернулся назад. Валерий, как оказалось, успел отбежать на приличное расстояние и теперь смущенно мелкими шажками подходил к сталкеру. – Что, наука, страшно? – весело спросил Егор. Наука лишь смущенно кивнул. – Ладно, пойду проверю, чего там имеется. Смотри, не кидай ничего в огонек, – весело подшутил сталкер, – а то назад один пойдешь.

Передав рюкзак и оружие Валере, он, задраив люки, на полусогнутых, расставив руки в стороны, двинулся внутрь аномалии со стороны замеченного им просвета между каруселью и жаркой. Медленно и осторожно полуприсядом зашел внутрь между смертельными аномалиями. Глядя на ПДА, высвечивающий какой-то артефакт метрах в трех, в глубине аномального скопления, Егор прикинул картину и так, и эдак. Варианта добраться не было, и он по-крабьи медленно, задним ходом выбрался назад.

– Нет, не добраться до хабара, – спокойно сказал он по переговорному устройству, пятясь задом, выходя из скопления. – Ну да ладно, не за этим идем, – добавил он и обернулся. Увиденная им картина заставила его чуть не потерять сознание. Позади ученого возвышалась, словно стеклянная статуя, фигура кровососа, заглядывавшая, как будто через плечо ученому. Он спешно отвел взгляд в землю и, не давая

себе испугаться, присел на пятую точку прямо на землю, и сказал.

– Валер, у тебя АИК под рукой? – как можно безразличней спросил Егор.

– Да, а что случилось? – спросил ничего не подозревающий научный сотрудник.

– Да все в порядке, но ты, пожалуйста, сделай очень медленно свою крутилку по часовой, где-то до упора, помнишь, чтобы все были счастливы? О-о-очень медленно, – все также глядя в землю и стараясь думать о цветочках, сказал сталкер. По его голосу Валерий понял, что пугаться точно нельзя, а надо сделать, как говорит сталкер. Он медленно левой рукой потянулся к прибору, висящему на поясе, так же медленно повернул настройки по часовой стрелке и сообщил:

– Все, повернул почти до упора, – спокойным голосом произнес он.

– Да я уже как будто чувствую, что повернул, – подавляя смех, ответил сталкер. Ему внезапно стала смешна эта картина с вылезавшим задом из аномального пятна безоружного сталкера и прикрывающего его спину ученого, который положил оба дробовика на лежащий на земле рюкзак сталкера, а прозрачный кровосос, дышащий в затылок ученого, довершал эту сцену самым искрометным юмором.

– А что случилось? – весело спросил ученый.

– А что случилось? – в тон ему, уже откровенно булькая смехом, спаясничал сталкер. – Кажись, ничего уже и не слу-

чилось, аха-ха. Нас чуть не сожрали, Валерик, – уже откровенно похохатывая, сказал сталкер.

– Кто? – крепясь и сдерживая смех, спросил ученый.

– Дед Пыхто! Да вот ты сам сзади документы и спроси, ха-ха-ха-ха, – уже надрываясь от хохота и сложившись на земле, проорал сталкер, – аха-ха – можете обернуться!! А-а-а-а!!! – уже не владея с собой от смеха, плакал сталкер. – Кравасос!

Глупо хихикая, Валерий развернулся, делая маленькие шажки, хотя его тело была крупная дрожь сдерживаемого смеха.

– Ой, – сказал он, разглядев преломляющееся за ним прозрачное пространство на расстоянии меньшем вытянутой руки. – А что делать-то? Ха-ах?!

В этот момент кровосос проявился и, довольно хрюкнув, сел на землю рядом с ученым. Наука стояла перед ним, трясясь от смеха, но не решался к откровенным телодвижениям.

– Да ты с ним рядом сядь, может в картишки перекинетесь, – считая свою шутку бесконечно остроумной, держась за живот, выдавил из себя Егор, боясь сорваться в ор.

– Нет, я лучше с тобой посижу, – борясь со смехом из последних сил, ответил Валерий, и, развернувшись к сталкеру, мелкими шажками пошел в его сторону. – Это ничего, что я к вам лицом? – пошутил он, обращаясь к монстру и поворачиваясь задом к нему, как раз на уровне его рыла, в отчаянной попытке сдержать смех он громко выпустил газы, отдавшиеся громким эхом по внутренней переговорной связи.

– А-а-а-а, – буквально порвавшись от смеха, завопил Егор, – ну ты, наука, даешь!!! Такого даже я себе не позволяю!!! Так держать!!!

Ученого, немало оконфузившегося от такого факта, подкосило на четыре конечности, и он, воя от смеха, конвульсивно сокращаясь, пополз к Егору. Кровосос, проникшись обстановкой, довольно захрюкал, сидя возле брошенных вещей. Ноющий Валера, наконец, дополз до сталкера. Две или три минуты сталкеры приходили в чувство, сидя спинами к аномалии в десятке метров от кровососа. Кровосос, весело хрюкающий, потянулся за одним из дробовиков.

– Опа, мы на мушке, – лыбясь во весь рот, прокомментировал сталкер. – Валер, ты, наверно, давай смешилку убавляй, а то мы тут с тобой долго прокукуем.

Валерий уменьшил обороты. Сразу стало легче. Кроме выносящего мозг веселья, появилась возможность анализировать обстановку.

– Ну, что делать будем? – счастливо улыбаясь, спросил сталкера ученый, кивая головой в сторону мутанта, крутящего дробовик и так, и эдак. – Он мою пушку держит, а она на предохранителе.

– Зато моя нет, – отдышавшись, почти спокойно сказал Егор. – Давай, я подойду и заберу у него оружие? – предложил Егор, глядя, как чудовище положило дробовик на колени и случайно направило стволом в их сторону, одновременно пытаясь раскатать курок.

– Давай, а я смешилку добавлю, если что.

– Но раньше времени не добавляй, а то я соображать перестаяю, – предупредил Егор.

Сталкер встал и медленно подошел к кровососу, тот сидел на земле, довольно хрюкая, изучал дробовик. Бобр медленно подобрал свой «Чейзер» и протянул руку к дробовику ученого. Чудовище недовольно хрюкнуло и замигало маскировкой, заставляя то пропадать, то проявляться некоторые части тела.

– Отдай, – как можно ласковее попросил Егор, – ну? Чудовище, хрюкнув, развернулось боком к сталкеру, показав уязвимый ушной проем, через который можно его убить одним выстрелом. Как только Бобр подумал об этом, оно, стремительно повернув голову и глядя на сталкера недобро, зашипело. «Нет, нет, нет, – подумал сталкер, – ни в коем случае, – отгоняя от себя опасную для него же мысль. – Надо что-то дать взамен». Он отступил на шаг и присел на корточки. Ему показалось, что так мутанту будет спокойней. Кровосос продолжал увлеченно ковырять дробовик.

– Валер, – шепнул сталкер по внутренней связи, – у тебя есть что-нибудь для этого... взамен?

Ученый медленно и тихо подошел к сталкеру.

– У меня есть кола – также тихо ответил он.

– Что? – не веря, спросил сталкер.

– У меня есть кола, – повторил тот.

– Ну ты даешь, ну давай эту твою колу! – сказал стал-

кер, не отрываясь глядя на сидящего к ним боком кровососа, и протянул назад руку. Через мгновение в нее легла литровая бутылка колы. Тихонько пшикнув открывшейся крышкой, сталкер на мгновение задумался, припоминая опыт с собаками. «Если кровосос чувствует, что я думаю, то надо, чтобы ему понравилась кола, тогда он махнется, – он пригубил напиток, испытав давно забытый вкус. – И то верно – подумал он как-то мечтательно, – откуда здесь в Зоне кола? Вкуснотища!» – он смачно причмокнул губами и протянул открытую бутылку монстру.

– Давай, попробуй, это вкусно! Всегда кока-кола! – вдруг напел он, вспомнив забытую рекламу. Чудовище принялось к исходящему от бутылки запаху. – Ну же, давай, Зона тоже хочет узнать, что здесь находится, – почему – то добавил он и протянул бутылку еще ближе, а свободной рукой потянувшись к дробовику.

Монстр, заинтересовавшись, смотрел на протянутую бутылку. Сталкер сделал еще глоток, показывая, как пользоваться предметом, причмокнул губами и, качая головой, повторил:

– Вкуснотища!

Кровосос протянул когтистую лапу к бутылке. «Не порвал бы, – озабоченно подумал Егор, глядя на острые синеватые когти, – а то обидится». Лапа монстра на удивление аккуратно приняла бутылку за донышко, при этом бутылка сразу стала как будто бы меньшего размера.

– Вот так, вот так, – подбодрил его сталкер. – А теперь отдай дробовик, дробовик ва-ва, дробовик бо-бо! – словно обращаясь к ребенку, говорил сталкер, постепенно вытягивая оружие.

Наконец, оружие оказалось в руках у людей. Монстр, приоткрыв рот, обнажил ряд тонких и длинных часто посаженных синеватых зубов, при этом его щупальца также обняли бутылку. Напиток бурным потоком влился в раскрытую пасть, мгновенно вспенившись и выплеснувшись наружу. Чудовище изумленно взвизгнуло, широко открыв глаза и уставилось на бутылку. Затем почмокав примерно так же, как это делал сталкер, радостно хрюкнуло и еще раз залило в себя порцию колы.

– Смотри-ка, пьет! – восхищенно произнес Валерий, одновременно снимая все происходящее на камеру своего ПДА. – Уникальный материал! Вы молодец, Бобр!

– Давай уматывать отсюда, подобру-поздорову, – тихо сказал сталкер, не отрывая взгляда от тестирующего напиток кровососа, подобрал свой рюкзак и медленно попятился к аномалии. Пройдя несколько шагов, он облегченно выдохнул и уверенно сказал:

– Да, теперь я, наверное, понял о чем мне толковал профессор! О-о-о, смотри!

Возле аномалий выкатилась и танцевала, поигрывая чудесным холодным сине-зеленым светом, «снежинка».

Оставив кровососа на поляне, сталкеры продолжили курс.

Дальнейший поход после встречи с кровососом и сбитого сталкерского зуда протекал куда спокойнее и результативнее. Бобр, убедившись в практической эффективности прибора, вошел в обычный режим осторожного одиночки. «Снежинка» – редкий и ценный артефакт, значительно повышающий выносливость человека, и теперь, находясь на поясе, стоила приличных денег, отбив у сталкера всякую охоту продолжать пытаться счастья у аномалий, хотя он видел, что некоторые заросшие аномалиями места были явно с хабаром, но он молча, стараясь не обращать внимания на грибные места, продолжал путь. Несколько раз они засекали стаи слепых псов, один раз Бобр заметил среди них здоровенного чернобыльского пса, такая собачка ранее вышибла бы из сталкера холодный пот, но теперь он лишь зафиксировал в своем сознании, что курс надо корректировать относительно новых обстоятельств, и убрал свое внимание с собачьей стаи.

Постепенно проходя дальше, Егор по-новому ощущал реальность, окружающую его. Теперь те места, которые казались бы ранее ему совершенно глухими, опасными и мрачными, виделись им просто забытым сельским пейзажем, ранее казавшиеся зловещими аномалии теперь виделись ему живущими своей жизнью мирками, дремлющими в тени разрушенных построек или выползшими на поверхность, чтобы поглядеть мир. Даже небо Зоны перестало быть мрачным и холодным, скорее, оно напоминало ватное одеяло, накрывшее пространство внутри периметра, чтобы никто не мешал

и не подглядывал за происходящим внутри. Так же спокойно он отреагировал на стаю кабанов с подсвинками, которые пересекли им путь, перехрюкиваясь и повизгивая о чем-то своем. Бобр даже удивился, как это он раньше не замечал спокойствия и величия, царящего внутри периметра. Шаг за шагом оценивая и корректируя курс, остановившись на короткий, практически стоячий обед и стараясь двигаться вдоль укрытий, к вечеру они прошли половину расстояния до точки, где планировалась встреча с Лесником.

– Ну у вас и выдержка, Бобр, – заметил ученый, когда они наконец добрались до полуразрушенного дома, выбранного сталкером как место возможной ночевки.

Дом был очень странный, стоял сам по себе, словно нарочито прилепленный кем-то посреди степи. Ни заборчиков, ни дерева или кустика рядом, ни следов дорожки, только высокая степная трава выше колена обнимала низ его стен.

– Да? А что случилось? – с философским спокойствием спросил Бобр.

– Э-э-э, я, признаться, никогда ранее не ходил с профессиональными сталкерами, в основном с долговцами, – боясь показаться излишне эмоциональным, сказал Валерий, – и...

– Профессиональными? – спросил Бобр, удивленно подняв брови.

– Ну да, Бобр. Вы всю дорогу работали, как часы, я даже цикл засек и последовательность, наверное, и сам буду так делать, если придется, главное, не забывать.

– Какой цикл? – спокойно спросил Егор, чувствуя усталость в ногах, глазах и во всем теле.

– Проверяете? Ну ладно. Семь шагов, смотрим налево на семь часов. Потом еще семь шагов, смотрим направо на пять часов, потом поднимаем руку с ПДА, проверяем фон и ДЖФ, потом идем таким образом еще метров пятьдесят, затем остановка и, после контроля ПДА, осмотр на триста шестьдесят в бинокль. Верно? – спросил ученый

– Не знаю, не знаю, не считал, – ответил утомленный сталкер. – Давай поедим и спать.

– А как же дежурство? – озабоченно спросил Валера.

– В этом доме есть чердак, правда, крыша битая. Будем считать, что я один в походе, не буду же я всю ночь сам себя караулить? Я предлагаю оправиться, а потом ты, Валер, меня подсади, я залезу на чердак и втащу тебя. Места здесь безлюдные, костер мы не разводим, крысиного или другого помета я не вижу... ты храпишь? – зевая, спросил сталкер, открывая саморазогревающиеся консервы с гречневой кашей и говядиной.

– Я? – растерянно переспросил ученый, насмотревшись на строгую дисциплину долговцев, не ожидавший такой халатности от сталкера. – Нет, не храплю.

– Ну и отлично, давай быстренько поужинаем и спать. Утро вечера мудренее, – зевая так, что сводило скулы, сказал Егор. – Да не пугайся, – успокоительным тоном сказал он. – Я же вон, один хожу и ночью, и до сих пор жив. Если

за нами хвост не увязался, а он не увязался, иначе бы собаки уже бы голос подали. А с твоим приборчиком мы же... – зевая, прервался он, – мы же никому не интересны. Да, консервы как поедим, с собой в пакет и на чердак, незачем тут съестным пахнуть.

Перекусив и поднявшись на чердак, они нашли его достаточно чистым, в углу лежал проржавевший инструментальный ящик, в котором Бобр обнаружил под сотню патронов для АК и пару синих военных аптечек. Ранее он бы очень обрадовался такой находке, но теперь, поняв и осмыслив что-то новое, он лишь вздохнул и аккуратно закрыл тайник, не тронув содержимого.

Ночь прошла практически без приключений, единственное, что часа в три ночи кто-то глухо ворчал и странно шуршал внизу. Егор открыл глаза и, глядя в темный непроглядный мрак, несмотря на всю неприятность ситуации, усилием воли заставил себя не бояться ощущения пустоты под собой, за сорокамиллиметровыми досками, хотя бы по той причине, что бояться бессмысленно. Если лежать тихо и не отсвечивать, тот, кто внизу, вероятно, уйдет и не станет интересоваться спящими. Затем сталкер, слушая неуклюжие, шаркающие шаги, представил, как ночной гость ходит от угла к углу вдоль стенки, теряет интерес к происходящему и покидает помещение. Через какое-то время на улице совсем недалеко от домика, в котором ночевали сталкеры, кто-то протяжно и негромко завыл, и шаркающие шаги начали удаляться.

Полежав еще некоторое время, глядя в темноту и тщательно отгоняя воспоминания о произошедшем, сталкеру удалось заснуть. Ученый же мирно посапывал в уголке, не подозревая о визите, аппарат искусственной коррекции АИК помаргивал зелеными и желтыми диодами.

Утром, во время завтрака, Бобр спросил.

– Валер, а что, если твой аппарат мигает желтым диодом?

– Если желтый, значит, зафиксированы проявления агрессивной среды, – сидя на полу и запустив руку за пазуху, нащупывая что-то, ответил ученый. – Постой, а когда ты видел желтый?

– Сегодня ночью, часа в три. В темноте диоды хорошо видно, мигали с желтого на зеленый, – ответил Егор. Ученый кинулся к прибору, на нем светился лишь зеленый диод. – Да чисто сейчас все, я проверил ПДА, – успокоил его сталкер. – Сегодня, если будем идти со вчерашней скоростью, доберемся до Лесника, так что проверь свою штуковину...

– АИК, – поправил Валера.

– Вот-вот, и его тоже проверь, – пошутил Егор, – и пойдем. Нам еще пиликать и пиликать, а места пойдут, судя по карте, сложные, аномалий полно, бандюги могут встретиться. Их приборчиком не обманешь, – подумав, произнес Егор. – Так что будем идти осторожно.

– Бандиты здесь? Недалеко от Рыжего Леса? – удивился Валерий.

– Да, вот на ПДА скинули обновления с Янтаря, кстати,

проверь. Долговцы сообщают своим, что вот в этом квадрате, – Бобр ткнул пальцем в увеличенную масштабом карту, – обнаружены тела застреленных сталкеров по прозвищу...

Прочитав клички, Бобр выругался, из четырех перечисленных один был знакомым, хорошим мужиком, которого он помнил как спокойного грузного, одетого в простую сталкерскую куртку мужика, попыхивающего сигаркой возле костра. Разгорающийся огонек сигареты освещал суровое лицо со смешливыми морщинами возле глаз. Ему бы еще топтать и топтать сталкерские тропинки.

– Вот сучье!

Валера понимающе молчал.

– Бобр, я понимаю твоё огорчение, прими мои соболезнования. Но теперь нам придется включить АИК, и хочешь не хочешь – мы снова начнем улыбаться. Это своего рода насилие над психикой, но боюсь, что мы вынуждены использовать прибор, так что, если хотите, мы можем подождать тут некоторое время, пока вы... успокойтесь, – сказал Валера.

Бобр давно заметил его манеру перепрыгивать во время разговора с «ты» на «вы» и наоборот.

– Да нет, чего там, Валер, – он набрал полную грудь воздуха и выдохнул. – Врубай свою шарманку, будем насиловать психику.

Ученый послушно щелкнул переключателем.

Спустившись вниз, они увидели следы вчерашнего посетителя, он точно ходил вдоль стены из угла в угол, как пред-

ставлял себе Егор, и держался одной конечностью за стену, оставляя грязно-желтые, гнойные разводы на стене. Мало того, в тех местах, где лежали оба человека, точно по их фигуре было вырисовано два контура такой же желтой гнойной слизию.

– Кто это мог быть? – шепотом спросил Валера, передергиваясь от отвращения.

Сталкер лишь пожал плечами. Откуда ему знать, что за тварь ходила под ними и обрисовывала их фигуры на потолке, в любом случае у нее были все шансы дотянуться до чердачного окна и заглянуть внутрь, по крайней мере, судя по всему, роста ей хватало. По-видимому, эта мысль пришла им обоим в голову одновременно, ученый заметно побледнел, а сталкер лишь протянул, глядя на потолок:

– Да... это, наверное, хорошо, Валер, что ты спал. А то бы она точно полезла к нам через окошко.

– Пойдемте отсюда, Бобр, скорее... к нормальным мутантам, – тревожно попросил ученый, встряхивая головой и выдыхая, как будто отказываясь от предложенного ему кем-то отвратительного блюда.

Проверив оружие, они вышли из домика. Рассветное небо просвечивало тонкую пелену облаков, подсвечивая низко плывущие облака насыщенным красным цветом, постепенно бледнея по мере прохождения по небосклону и сходя на нет над головами сталкеров, оставляя облака холодными и темно-синими, а проступающее за ними в разрывах облаков

небо более светлым, но таким же холодным серо-голубым. Глухо, мощно и победно на большом расстоянии ревел кровосос. Несколько ворон, оказывается, дежуривших на крыше их дома, с карканьем сорвались и полетели в том направлении. Где-то впереди свистнула попыткой раскрутить что-то гравитационка, но, видимо, добыча успела выйти из зоны ее действия, и они затихла. Оглянувшись еще раз, Бобр взял курс на Рыжий Лес. АИК ученого светился зеленым светом, корректируя волновые колебания людей и всего живого, что могло бы находиться в радиусе действия прибора, на душе полегчало.

– Ну, наука, – вдыхая воздух полной грудью, произнес Бобр, – двинули.

Движение по действительно пересеченной местности давалось с трудом, и дело было даже не в том, что овраги и небольшие холмы сменяли друг друга так же внезапно, как появлялись и исчезали в пределах видимости. Бобр, памятуя о высокой плотности мутантов, тратил значительно больше времени на осмотр окрестности, имеющей большое количество естественных укрытий, и прокладыванию пути по наиболее безопасной траектории. ДЖФ, встроенный в ПДА, хорошо сканировал лишь открытые места. Также и аппарат ученого, конечно, большое дело, но прибор не может творить чудеса с туповатыми и агрессивными особями. Для наиболее эффективного воздействия прибора на человека и на фауну, как объяснил ученый, необходимо от секунды до минуты.

Но за минуту разогнавшийся мутант или несколько особей могут запросто убить обоих сталкеров. Несколько часов они благополучно обходили сомнительные места, иногда протискиваясь между аномалиями, чтобы не терять времени на обход.

Сталкер все больше и больше привыкал к уровню защиты комбинеzona «Сева». Раньше электры и жарки реагировали уже при подходе сталкера к ним за пару метров от зоны включения, они начинали потрескивать или изменять видимость, то теперь они равнодушно продолжали играть проходящим через них светом, пока сталкер практически не подходил к границе включения. Гравитационные аномалии также спокойнее реагировали на движение проходящих человеческих тел, но сталкер предпочитал держаться от них подальше, потому что шансов на спасение они почти никому не оставляли. Зацепит, закрутит, и никакой костюм не спасет. Продолжая идти таким образом, он не забывал проглядывать все в бинокль, поскольку даже засады можно вычислить по возможным местам их расположения, а иные холодные мутанты или люди в блокирующих инфракрасное излучение накидках вполне могут ускользнуть от датчика жизненных форм, будучи и на относительно открытой местности. Тут уже глубокая Зона, и выживающие здесь сталкеры и бандиты гораздо серьезнее экипированы и имеют высокую квалификацию в деле убийств и маскировки. И вот, в очередной раз оглядывая окрестности, Бобр заметил в бинокль

дергающиеся кусты в овраге. Овраг соседствовал с аномалией «разлом», из которой то и дело вылетали искры, в принципе Бобр интуитивно доверял этому оврагу, даже несмотря на показатели ПДА, указывающего, что весь овраг порос мелкими аномалиями, сталкер хотел пересечь этот овраг в выбранном направлении. Но интуиция – интуицией, а дергания в кустах явно нуждались в определении. Наконец, сталкер дождался появления причины возмущений и, тихо позвав ученого, указал ему пальцем, куда смотреть, а сам начал прикидывать другой путь. Из кустов показалось большое пятно какого-то песочного цвета, покачавшись туда-сюда, появилась вся туша псевдогиганта и уставилась на людей, находящихся в паре сотен метров от него. Бессмысленно роя землю то одной, то другой ногой, он вновь развернулся и залез в кусты. Кусты снова задергались.

– Ого, *pseudo gigas praestito!* Чего это он там делает? – шепотом спросил ученый.

– Не знаю, раньше как-то не интересовался. Обходим вон через ту рощицу, – показал сталкер значительно левее.

Медленно развернувшись, они двинули в сторону рощицы. Пройдя несколько шагов, сталкер глянул на ПДА: желтая точка, обозначающая мутанта, проявилась на экране. Псевдогигант вылез из оврага и стоял на его краю, глядя своими ничего не выражающими глазами-блюдцами в сторону уходящих сталкеров.

– Валер, включай свою шарманку, тихо уходим. Не бежим,

а то дурканет еще, догонять бросится, – понижая голос, командовал сталкер.

Ученый щелкнул переключателем, усиливая воздействие аппарата. Егор выпрямился, всем своим видом показывая, что он спокоен, и медленно пошел к поломанной роще, что росла неподалеку и состояла из старых берез вперемешку с тополями и осинами. Часть деревьев рухнула или завалилась на соседей, образуя завалы. Бобр неспешно, стараясь не оглядываться, шел в сторону деревьев, контролируя движения мутанта по ПДА.

– Вот собака, – прокомментировал он, глядя, как желтая точка начала преследовать их. – Пошел.

– Ага, – подтвердил Валера, следующий позади.

– Дурацкая у тебя игрушка, – посмеиваясь, сказал сталкер, попадая под действие АИК, – тут соображать надо, а мы сейчас ржать начнем.

– Зато таких веселых придурков по Зоне еще не ходило, – хихикая, подтвердил наука.

– Герметизируемся и активируем пси-защиту, проверим в полевых условиях, на что наша ласточка годится, – распорядился Егор. – Надо будет «лунного света» или «ежей» набрать по паре на брата, слышь, наука? А то в трубу вылетим с твоим АИКом, – предложил Егор, слушая, как зашипели воздушные клапаны, – не очень хочется баллоны сажать из-за всякой ерунды.

Тем временем псевдогигант догонял людей. Уже слыша-

лись шаги многотонной туши.

– Слушай, а сколько он весит? – глядя на сокращающееся расстояние, спросил Егор.

– Недавно долговцы у Янтаря одного особо любопытного весом на четыре тонны с гранатометов расстреляли, – ответил ученый.

– Ох, е... – вырвалось у Бобра, и он ускорил шаг.

Уже приближаясь к роще, сталкер разглядел лохмы жгучего пуха на поваленных деревьях. Псевдогигант, фыркая, приближался. «Вот зараза», – подумал Егор, сожалея, что «Сева» может пострадать от имеющихся здесь аномальных образований. Он уже приглядывался было форсировать бурелом, прицениваясь, где меньше всего жгучего пуха, как вдруг увидел человеческую голову прямо посередине поляны, через которую им нужно было пройти, чтобы перелезть через поваленные деревья. Лысая голова, напоминающая цветом гигантский гриб-дождевик, своей левой стороной была повернута к сталкерам.

– Стоять! – крикнул он, расставив руки в стороны, чтобы идущий в двух шагах позади ученый не налетел на него. – За мной, в обход!

Обходя поляну вокруг светлого ореола, который теперь разглядел сталкер, с человеческой головой посередине, он не миновал нескольких пучков аномальной растительности, спикировавших на него сверху, которые он спешно стряхнул. Через минуту сталкеры встали у наиболее углубленной

в сторону рощи края аномальной поляны, а на противоположенном краю поляны, где минуты назад были люди, уже стоял псевдогигант, растерянно уставившись на разделяющий их светлый круг. Сталкеры замерли, выжидая. Огромная яйцообразная туша песочного цвета с пучками то ли волос, то ли водорослей на морде, на толстых птичьих ногах с недоразвитыми передними лапками, дотягивающимися разве что до уголков огромного рта, вращая глазами, осматривала окрестности.

– Вот засада, и чего он к нам привязался? – шепотом по внутренней связи спросил Егор. – Сожрать вроде не грозит, драл бы там свои корешки, или чего у него там в кустах, все планы портит.

Гигант как будто и не планировал никуда уходить. Тупо уставившись в землю перед ним, он стал совсем по-куриному разбрасывать почву вокруг себя, вглядываясь в землю под ногами и бессмысленно моргая огромными круглыми глазами. Пыль и комья земли, поднятые его могучими лапами, летели во все стороны, шурша по траве, стучая по стволам деревьев и залетая в жгучий пух. Часть комьев полетела через поляну на сталкеров через торчащую из земли человеческую голову. Внезапно она судорожно задергалась, открыла черный рот с гнилыми бледно-розовыми прожилками и начала поворачиваться в сторону псевдогиганта, глаз у головы не было видно, только черные потекшие вниз кляксы на бледной коже создавали гримасу отчаяния. Складывалось такое

впечатление, что голова судорожно пытается разглядеть через невидимое плечо, кто же кидается в нее грязью.

– Гиблое место, – прошептал сталкер. – Это не зыбь.

Мутант, разбрасывающий почву, вдруг застыл, развернулся в сторону тошнотворно дергающейся и разевающей рот головы и секунду тупо смотрел на нее. Затем сделал несколько решительных шагов по поляне и, словно курица, догоняющая червячка, наклонился и откусил мертвую голову. Раздался хруст черепной коробки, брызнули бурые брызги, и аномалия включилась. Ноги гиганта мигом провалились под землю, он сделал попытку выдернуть сначала одну, потом другую ногу из аномалии, но было видно, что бугрящиеся под кожей могучие мышцы не смогли приподнять конечности ни на сантиметр. Он издал могучий рык, диафрагма наушников, щелкнув, автоматически заблокировала децибелы, как при близком взрыве, тело мутанта начало быстро проваливаться вниз, псевдогигант стал отчаянно вырываться, дергаясь и извиваясь всем корпусом, но пользы от его усилий не было никакой. Вот уже ноги целиком оказались под землей, почва поднялась выше по пояс, также быстро тело мутанта вдруг провалилось по грудь, он отчаянно замолотил передними конечностями по земле, взбивая пыль, его могучий рык вдруг превратился в жалобный плач. Крича и воя, все еще пытаясь вырваться, он все глубже и глубже уходил под землю. Пока, наконец, на поверхности не оказалась только дергающаяся голова мутанта с огромной открытой пастью и

дрожащим внутри языком.

– Бобр... – севшим голосом сказал ученый, – я не хочу тут оставаться, пожалуйста, уведите меня отсюда.

Бобр согласно кивнул.

– След в след, дистанция два метра.

Направление движения, как вначале и планировал Бобр, пересекло длинный овраг, на одном краю которого красовалась аномалия «разлом». Пышущая жаром трещина в земле, с повышенным фоном и остекленевшими от периодически повышающихся температур стенками, на которых запросто можно было поскользнуться и уйти в пекло, были прекрасно видны. Бобр без труда нашел тропинку, по которой в опасной близости от аномалии поднялся покойный псевдогигант. Он слышал, что в разломах иногда находят редкие артефакты «подсолнухи», для этого их надо как-то особо высвечивать фонарем. Но сейчас, глядя на высокотемпературную фонащую трещину, он сильно усомнился в своей способности отважиться на что-то подобное.

– А вот, Валерий Степанович, и ваши кустики, желаете посмотреть, что там? – спросил Егор.

– Давайте посмотрим, раз уж такая возможность появилась, – ответил ученый, стравивая с себя наваждение, которое не отпускало его с той самой поляны, и полез в порядком разломанные кусты. – Егор, глянь, что тут! – послышался его голос.

Сталкер огляделся и полез за ученым. Зайдя в кустарник,

они увидели разрытую яму с еще влажной землей, в которой лежал какой-то синий, поблескивающий металлом и словно состоящий из сросшихся жил минерал, его блестящая поверхность отражала лица склонившихся над ним людей. Обе его стороны уходили дальше в землю, так что вытащить его не было возможности, к тому же видно было, что мутант и сам пытался по каким-то причинам выкопать это непонятное образование и даже сделал подкоп под минералом.

– Понятие не имею, Валера, что это такое. Но раз мы сюда забрались, а время обеда, давай пообедаем, – предложил сталкер, чувствуя, как его желудок требовательно забурчал в подтверждение.

– Давайте, – согласился ученый и начал распаковывать рюкзак.

Пообедав и поразмышляв, что это была за аномалия, наука предположил, что это симбионт двух аномалий – «зыби» и «брюха». Поскольку зыбь, с одной стороны, включает и удерживает все, что попадает в зону ее действия, а брюхо не дает умереть ничему, что окажется в нее закопанным, кроме того, брюхо способно менять свое местоположение, самостоятельно переползая с места на место. Так что не исключено, что голова псевдогиганта с разинутой пастью приползет однажды к ночному костру сталкеров, или кучка других мутантов, все-таки убьющих псевдогиганта, активируют аномалию и займут его, псевдогиганта, место. Бобр на секунду представил, как несколько сталкеров расстреливают голову

на поляне и аномалия, активировавшись, захватывает их в свое вечное рабство, и вот вместо одной безобразной головы там уже несколько. Картина была, прямо скажем, не к столу.

Пообедав, они продолжили путь. Большую часть дороги их на почтительном расстоянии сопровождала огромная плоть. Егор все опасался, что своим присутствием она демаскирует их, но, на их счастье, ими больше никто не интересовался: ни собаки, ни кабаны, ни в огромном количестве вдруг появившиеся тушканы, которые только прошмыгнули у людей между ног, выпрыгнув из невесть откуда завезенных и брошенных в хаотичном порядке бетонных плит. До Рыжего Леса оставалось совсем немного, и Валерий, страшно довольный собой, показал схрон, координаты которого специально сбросили для них долговцы.

А когда на Зону опустилась ночь, возле неизвестного синего кристалла, вдруг озарившегося светом, образовались две точные светящиеся синим полупрозрачные копии сталкера Бобра и ученого, которые вначале склонились над кристаллом, потом распаковали свои полупрозрачные рюкзаки, о чем-то безмолвно беседовали, затем, после их ухода, на сцене появился такой же прозрачный и светящийся синим псевдогигант, копающийся возле кристалла и вращающийся бессмысленными глазами. Затем появилась фигура ползущего человека с искаженным болью лицом, обернувшегося и в защитном жесте поднявшего одну руку, а над ним нависла огромная фигура плоти, которая, высоко задирая передние

ноги, пробивала лежащего на земле человека своими хитиновыми клешнями. Несколько раз прокрутив это немое кино для отсутствующих зрителей, кристалл потух.

Глава 11. Встреча

Сталкеры комфортно переночевали в оборудованной долговцами просторной землянке с бронированным листовым железом дверями, запасами воды в белых пластиковых двадцатилитровых канистрах, работающей газовой, еще советской, двухкомфорочной плитой, кроватями и прочими небывалыми для сталкера-одиночки удобствами. Вскипятив чаю и даже сварив настоящий суп, отчего отвыкшего от горячей пищи Егора разморило и прошибло в пот, они вновь влезли в свои защитные костюмы и с чувством радости и воодушевления упаковывали свой скарб, и собирали оставленный ими мусор.

– Валер, ты чего свою шарманку раньше времени включил? – спросил улыбающийся чему-то хорошему Егор.

– Я не включал, – ответил ученый. – Вот смотри, – показал он отсоединенные от АИКа провода питания.

– Странно, а чего же я лыблюсь тогда, как идиот? – спросил Бобр, чуточку призадумавшись.

– Тут, Егор, целая наука, на клеточном уровне. Рассказать? – зашнуровывая берцы, спросил Валера.

– Ну ты щас начнешь своими понятиями объяснять, я не пойму, мне попроще бы, – попросил Егор.

– попроще? Хм... Ну давай попроще. Мы все гормональные наркоманы! – объявил ученый.

– Как это? – не понял сталкер

– Как, как, – со смехом передразнил ученый. – Наши клетки со временем привыкают к воздействию определенных гормонов, на химическом межклеточном уровне. Тут ясно?

– Да.

– Так вот, если ты сядешь на героин, то это один из самых сильных провокаторов выброса целого набора гормонов, среди которых эндорфин далеко не на первом месте, кроме того, он сам в себе несет определенные химические вещества, напрямую влияющие на мозг. Клетки быстро подстраиваются под эти вещества и сопровождающие их гормоны. Понятно?

– Ну это-то понятно. А чего я с утра счастливый, непонятно.

– Вещества, содержащиеся в наркоте, сигаретах и некотором прочем хламе, не вырабатываются организмом. Поэтому он требует их извне. А вот для создания хорошего настроения не надо никаких веществ снаружи, по крайней мере тебе, э... нам! То, что ты два дня находился под действием аппарата и, кроме того, сам не позволял себе переживать негативные эмоции, создало определенный фон в твоём организме, когда твои железы настроились выпускать определенный вид гормонов, а клетки настроились получать их. И теперь, поскольку все вещества, необходимые для процесса, имеются и вырабатываются твоим организмом, он, как настроен-

ный завод, наладил выпуск этих веществ и довольствуется этим. Такой у них химический междусобойчик.

– Да ладно, что, так быстро привык? – с недоверием спросил Бобр. – А вдруг побочка какая-нибудь вылезет?

– Тут же Зона, одно из физических проявлений которой повышенная клеточная активность. Сам знаешь, что тут не болеют обычными болезнями и похмелья почти не бывает. Рай! А побочных не больше, чем у... не знаю... йога какого-нибудь, может, фанатичного верующего, состояние нирваны не имеет физических последствий! – объявил Валерий.

– Ну, наука! – восхитился сталкер, – можешь объяснить! Постой, а что я теперь и буду всю жизнь улыбаться, как дурачок? – встревожился сталкер.

– Зачем же всю жизнь и почему как дурачок? Это очень хорошая привычка, думаешь, лучше всю жизнь выпускать гормон стресса, жить и зависеть от этого гормона? Искать этот гормон по жизни и подсознательно создавать для себя стрессовые ситуации? Уж лучше быть адреналиновым наркоманом, хоть умрешь с восторгом. А если хочешь перестать быть радостным, дай себе это указание, и через час ты уже не радостный, но в нашем случае я бы не советовал... так безопасней.

– А-а-а... – протянул сталкер. – Ну ладно, буду улыбаться. Пусть, если так безопасней, да и вообще...

Через минуту, полностью собравшись и проверив снаряжение, уже стоя лицом к выходу, Бобр вдруг обернулся и

осторожно спросил ученого:

– А что, если эти железы, которые вырабатывают страх и злость, вырезать?

– И превратиться в овощ? Гипоталамус не вырежешь, Егор, гипоталамус не вырежешь, – хлопнув по плечу сталкера, ответил ученый и щелкнул выключателем.

Выйдя наружу, они обнаружили мощнейший ливень, бьющий косыми струями в стекло костюма. Вчера еще видимый на горизонте Рыжий Лес теперь исчез из виду, и вообще все в радиусе нескольких метров уже имело нечеткие очертания. Но оставаться на месте они не могли, встреча с Лесником была назначена еще вчера в открывшееся окно, когда получилось отправить сообщение, и он точно так же идет под дождем к границе Рыжего Леса. ПДА Лесника был засекречен, по крайней мере связаться с ним могли только из научного бункера Янтаря и наверняка только Сахаров. Но сейчас связаться с Янтарем не было никакой возможности, обрушившийся ливень нарушил всю и без того не очень надежную локальную связь.

– Мда... в такую погоду я бы и носа наружу не высунул, – сказал сталкер, вспомнив свою предыдущую одежку и все более отдаляясь от мысли ее действительной пригодности.

– Ага, ливануло так ливануло! – радостно отозвался Валера.

– Ну что, поехали потихоньку, направление за мной, дистанция два метра. Валер, прибор не зальет?

– Зальет, уже залило! Но он пока работает, ты не дрейфь, я его сам паял, там внутри все специальным воском залито, а не герметиком, в случае чего и надежней, и отремонтировать можно... для себя же делал!

Дорога до Рыжего Леса продолжалась под грозовые разряды и то усиливающийся, то как будто совсем проходящий дождь. Но ливень не отпускал их до самой границы Рыжего Леса. Биологические объекты не проявляли никакой активности, стояли кучками красные и желтые точки, ожидая, пока наконец стихия смилостивится и перестанет хлестать их тугими, тяжелыми струями холодного дождя. И вот показались первые деревья Рыжего Леса. Опаленная кислотными осадками хвоя и листва так и не облетела и сами деревья при поддержке аномальной энергии Зоны не погибли, вместо зеленой кроны лес обзавелся местами огненно-рыжими, местами просто желтыми и бурыми шапками, издали создавая видимость сплошного рыжего покрова. Кора большинства деревьев потрескалась и почернела, стволы разрослись, вытянулись вверх и вширь, обзавелись уродливыми наростами, ветви, пересекаясь друг с другом, образовывали причудливый свод, создающий неуютный сумрак, а мягкая подстилка из опавшей хвои глушила шаги. Мрачный и величественный Рыжий Лес предстал перед ними во всей красе.

– Стоп, – скомандовал сталкер. – Тут ждать будем, – чувствуя себя голым и маленьким на фоне гигантских деревьев, борясь с желанием смотреть на все через прицел дробовика

и поэтому нервно пожимая рукоять «Чейзера», который за весь путь так и не сделал ни одного выстрела, сказал сталкер: – Валер, может, твою шарманочку повеселей крутнуть? А то меня от этого места трясти начинает.

– Залило шарманку, Егор. Теперь только Лесника дожидаться или обратно в схрон идти разбирать, – грустно ответил Валера.

Они стояли, молча прислушиваясь к тишине и соображая, что делать. Сталкер боролся с подступающим ужасом, понимая, что они стоят практически безоружные в огромном лесу, полном самых непредвиденных форм жизни. Ему казалось, что пока он будет стоять вот так, как сейчас, не думая и не шевелясь, то Зона и не посмотрит на него, от этого ощущения, но еще не страха, он боялся поднять руку с ПДА, чтобы проверить детектор. Ему казалось, что если он проверит, что рядом кто-то есть или никого нет, то оно непременно так и случится, рядом кто-то появится или кто-то исчезнет. Глубокая Зона. Волны аномальной энергии, исходящей от Монолита, изменяли восприятие. Волны сканирующего пространство Монолита, мозговые волны Человека. Человек и Зона слушают друг друга. Монолит – часть Зоны, Зона – часть Монолита, созданная, чтобы защищать его и его создателей. «Кто ты, сталкер?» – словно звучало в воздухе. – «Кто ты, человек, пришедший в мой мир и упрямо продолжающий свое движение? Кто Ты?.. Скажем, одного в каком-то месте тошнит и страшно, а другому в этом же месте

спокойно и радостно. Знакомая ситуация?» – вдруг отчетливо прозвучали в голове слова профессора. От этого голоса Егору неожиданно стало вдруг тепло, пропало внутреннее желание скорее уйти из этого места или спрятаться. Он выдохнул, расстегнул до живота комбинезон, скинул его верхнюю часть с плеч, оглянулся, где бы сесть, и уселся на выступающий из земли корень дерева.

– Что вы делаете? – раздался сдавленный голос ученого.

– А что, Валер? Вся ваша и теперь уже наша теория построена на том, что бояться глупо и вредно. Вот я и не боюсь. Неужели ты думаешь, что наши пушки сейчас хоть на что-то влияют? – с этими словами он отставил дробовик в сторону. – Да нас тут любая зверушка расчехлит за милую душу. Наше оружие вот здесь, а точнее, не оружие, а сила, – Бобр постучал указательным пальцем по виску. – О, лисичка! – воскликнул он, разглядев желтую шляпку в опавшей листве. Потянувшись, он сорвал ее и, понюхав, блаженно зажмурился. – Надо Лесника дожидаться, пусть скажет, можно их тут собирать или нет. С детства люблю лисички.

– Ну вы, Бобр, даете, – через секунду сказал Валерий. – Тогда я тоже с вами, – с этими словами он отставил дробовик, сел рядом, также расстегнулся до живота и вылез наружу. Вдохнув особый влажный и наполненный нежными лесными ароматами воздух Рыжего Леса, он улыбнулся, оглянулся в поисках лисичек вокруг и, найдя еще один гриб позади него, сорвал и точно так же, как Егор, вдохнул ее запах,

затем счастливо и беспричинно засмеялся. – Да, Егор, так определенно лучше!

Прошло совсем немного времени, как, словно из ниоткуда, прямо напротив сидящих сталкеров нарисовался Лесник. Высокий, крепкий дед, еще как будто и не старик, с охотничьим ружьем на плече. Кирзовые сапоги, в которые заправлены коричневые брюки, фуфайка, под которой виднелся вязаный свитер, на голове шапка-ушанка с торчащими в стороны ушами. Морщинистое смуглое лицо, словно Лесник несколько месяцев загорал где-то на юге, с острым проникающим взглядом.

– Хо-хо, – словно дед Мороз, удивленно воскликнул он. – Даже так?! Говорил мне профессор, что мне орлов отправили, но чтобы таких?! – со смехом сказал он. – Молодцы! Ишь, вроде как и не бояться ничего... чего распеленались? Наверх посмотри, – обратился он к сталкеру, указав ружьем вверх.

Прямо над ними метрах в пяти-шести висела налитая гроздь жгучего пуха, внутри которой поблескивали то ли искорки, то ли ее мелкие семена-артефакты. Гроздь колыхалась так, словно ее обдувал ветер, в то время как дождь и ветер остались за чертой Рыжего Леса.

– Щас бы брякнулась мочалка на ваши головушки и спалила до костей, – закончил он свое приветствие.

– Ох, е! – воскликнул Егор, разглядев вверху жгучий пух, вскакивая и накидывая на себя комбинезон. Сидящий рядом

ученый так же торопливо запахнул в «Севу».

– Любит вас Зона, смотрю, – хитро посмеиваясь, сказал Лесник. – До леса проводила и в лесу не тронула. Чем заслужили? – полушутя спросил он.

– Да ничем, старче, – спокойно ответил Бобр, – мы ей поверили.

– Ух ты?! – с иронией обронил дед, – старче... ну ладно, с тобой ясно! Так... наука, чего молчим? Передачу принес? – обратился он.

– А как же, – ответил запакованный в костюм Валера. – Щас достану.

– Щас не надо, до делянки дойдем, там отдашь, – весело сказал дед. – Готовы?

Сталкеры кивнули закрытыми стеклами комбинезонов. Следуя за широкой спиной деда, Бобр все никак не мог отделаться от наваждения какой-то двойственности окружающего их леса. Когда он глядел вперед из-за плечей Лесника, лес казался ему частью открытки с красивыми желтыми, богато раскрашенными кронами, изредка роняющими шикарные огромные желтые листья на землю. Но стоило ему повернуть голову, как краски тускнели, живое золото леса подергивалось черной патиной, сами деревья как будто становились старше, кривее, пожухшая листва на их ветвях начинала давить на землю, а в подстилке между деревьями особо остро торчали прутики захиревших отпрысков могучих родителей. Несколько раз сталкер боковым зрением улавливал

какую-то высокую длинноногую фигуру, бесшумно идущую параллельным курсом, перебирающую четырьмя конечностями и исчезающую при попытке разглядеть ее в сумраке деревьев. ПДА не определял никаких признаков постороннего присутствия. Несмотря на то что Лесник не обращает на нее внимания, он все-таки осторожно спросил.

– Слушай, Лесник, а что это тут слева за нами движется?

– Углядел-таки? Это Васька опять, стервец, сбежал из колддца. Молодой еще, любопытный, вот и не сидится ему со всеми, – отвечал он на ходу. – Ну давай познакомлю. Хочешь?

– Давайте уж лучше вы нас с ним познакомите, чем он потом сам с нами, Глеб Борисович, – подключился Валерий, почему-то идущий в хвосте, его тоже явно смущала эта непонятная то появляющаяся, то исчезающая тень.

– Ну ладно. Стой, раз-два, – скомандовал дед.

Развернувшись в сторону застывшей и ставшей вдруг невидимой под кронами тени, дед махнул рукой сталкерам, мол, «отойдите за меня». Бобр и ученый встали позади Лесника. Дед присвистнул, обращая на себя внимание тени.

– Васька! Васька, стервец, поди сюда, – сказал он тоном, не терпящим возражений, словно домашней собаке, сорвавшейся с поводка и теперь игриво скачущей в отдалении и не желающей попасться под руку хозяина, который снова посадит ее на поводок. – Иди сюда, кому сказал!

Тень неуверенно замялась.

– Давай, давай, я тебя вижу, иди, – уже ласковее сказал Лесник.

Тень издала жалобный, курлыкающий звук и медленно поплелась в сторону Лесника, то пригибая, то поднимая голову.

– Давай, давай... – цокая языком, ласково звал дед. – Давай, мой хороший, ц-ц-ц.

Наконец, Васька появился на достаточно освещенном месте.

– Ух, ты! – вырвалось у Валерия.

Васька имел темно-серый окрас, достаточно худое тело с выступающими ребрами стояло на четырех узловатых полтораметровых ногах с острыми, как у плоти, но не раздваивающимися копытами. Все тело было покрыто плотными кудрями, на длинной шее торчала круглая голова с круглыми, как у лемура, глазами, обрамленными длинными ресницами. Большие полукруглые торчащие, как у чебурашки, уши, практически коровий нос и рот. Короткий овечий хвост довершал картину, делая существо неожиданно очаровательным.

– Нравится? – довольно спросил лесник, глядя на реакцию ученого.

– Это же, это же... что это, Глеб Борисович? – удивленно спросил ученый.

– Это наши травоядные... или почти травоядные. Видишь, глазищи какие – ночник. Только ты сейчас не дергай-

ся, не пугай. Заорет, неделю потом шарахаться от всего будешь или оглохнешь совсем, – спокойно сказал Лесник.

Васька принялся, приближаясь, и потянулся к разгрузке ученого, который засунул сорванный им гриб в одну из петель разгрузки. Не доходя полуметра, мутант высунул длинный слизкий язык и начал выковыривать гриб из костюма. Наконец, ему это удалось, и он, шумно дыша, утащил гриб в рот.

– На корову похож, – тихо сказал Бобр.

– Ага, корова и есть. И желающих на нее тут много, вот они и прячутся, где могут, – ответил Лесник. – А если кто их найдет в убежище, ну там снарк или кровосос какой, такой рев подымут, что сам не рад будешь, копыта, видишь, какие, еще и ими ткнут так, чтобы уже наверняка, видели – знаем. Одно плохо, они тут мелкими стадами голов по пять-шесть пасутся, да кто-то научился их добывать. Что ни день, так рожки да ножки или рванные приходят, я их клею. А вот что рвет их – не знаю, никак понять не могу, следы на подстилке не держаться, а тварь, что их добывает, еще и шуткует, то противогаз снарочый подбросит, то ботинок. В общем, не наш их зверь добывает, не местный, залетный какой-то, надо бы его взять, пока он мне всех кудряшей не повывел. Поможете?

– А как же, Глеб Борисович, поможем, – поторопился ученый.

Бобр лишь согласно кивнул.

– Вот и ладно, вот и хорошо. Пойдем, Васька, – похлопал по шее мутанта Лесник.

Группа из трех человек вместе с высоко взбрыкивающим голенастыми конечностями жизнерадостным мутантом двинулась в сторону домика Лесника. Спустя не более часа они вышли на поляну, на которой метрах в пятидесяти стоял небольшой деревянный сруб с колодцем – журавлем и огороженным низким плетнем двориком.

– Это мой временный домик. Ведем себя спокойно, за оружие не хватаемся. Сталкер! – окликнул он Бобра.

– Чего?

– Я тебе говорю, за оружие не хватаемся, ясно? – глядя прямо на Егора, сказал Лесник.

– Да понял я, понял, – пожал плечами Бобр и повесил дробовик на плечо.

Лесник свистнул. Васька, пугливо опустив голову, прижался к леснику. Из-за плетня раздалось рычание. Бобр настороженно посмотрел на Лесника, но лишь плотнее прижал руки к разгрузке, не давая рефлексам возможности схватиться за оружие. Лесник свистнул еще раз, хрипкое рычание прекратилось, послышался какой-то топот, и на деревянную крышу сруба запрыгнуло два снорка.

– Ну вот они вас и увидели, теперь не тронут, – пообещал дед. – Заходим.

Егор недоверчиво покосился на Лесника, все его существо кричало против того, чтобы приближаться к этим двум

мутантам, некогда бывшим людьми. Кроме того, оба снарка сидели в выгодной для них позиции, которые они предпочитают занимать во время охоты, на возвышенности. Лесник понял его сомнения.

– Ты, сталкер, этих снарков не бойся, они еще не стрелянные. Зла не видели. Так, ходят сами по себе, блажные. Опаленные они... попали под Выброс или отчаялись, да Зона их прибрала, пожалела, всяко бывает, они с ней и срослись. Теперь вот ходят такие, собаки не собаки, люди не люди.

– Как срослись? – не понял Егор.

– Ну как человек с Зоной срастается? – спросил Лесник. – Что-то у него остается, за что Зона его любит, а то, что ему не нравится, воспоминания плохие или мысли страшные, она у них забирает. Вот и остается от человека... – Лесник посмотрел на снарков, – сухой остаток. Да не сама она забирает, – продолжил он, заметив, как у сталкера отвалилась челюсть, – он сам просит забрать, человек без надежды. Если человек не позволит Зоне ему в душу глядеть, ей туда доступа не станет.

– Зона не тронет? – спросил Бобр, вспоминая погибших сталкеров.

– Ну если сам ее не обидишь, то и она тебя тоже, – пояснил дед, открывая калитку. – Все, что в Зоне – все ее дети, поэтому ни одного ее ребенка не обижай со злости, не простит она зла. Ни собаки, ни крысы, ни тварь другую. Одно дело силой обидеть, – продолжал рассказывать дед, – стрельнуть

или еще как, другое словом или мыслью. Если плохо подумал, то считай и не жилец уже, если плохо подумал, да так, что душу свою желчью напоил, и желчь в нее, в Зонушку, выливаешь, то она точно обидится, проверит сначала тебя, а если ты не прав, то и накажет... по-своему.

– А те шнорки, что там на свалке да на Янтаре? – спросил Бобр, напряженно следя за сидящими на крыше существами.

– А тех разок подстрелили или еще как напомнили, сколько зла на земле водится, вот они и взбунтовались. Не нравятся им, когда плохо. Памятливые они, им хорошо в Зоне. Ну проходи, не бойся, – сказал дед, открывая дверь избушки. – Я ведь тебе потому рассказываю, что вижу, моя наука тебе на пользу пойдет.

Избушка оказалась изнутри так же проста, как и снаружи. Несколько скамей, стол, печь, в соседней комнате панцирная кровать, несколько старых картин на стене.

– Располагайтесь, – сказал Лесник. – Сейчас чайку попьем, отдохнем да и посмотрим, как дальше будем. Давай, Валер, кажи свой товар.

Ученый распаковал рюкзак, достал оттуда сверток, упакованный в пузырчатый пластик.

– О! Благодарю, – сказал дед, не разворачивая, взвесив сверток в руке. – Так, ну что, теперь рассказывай, чего от меня требуется?

– Да что вы, Глеб Борисович. От вас ничего специально не требуется. Походим за вами хвостиком, а этот прибор, – уче-

ный достал нечто в квадратном аквамариновом пластиковом корпусе с глазком-объективом посередине, – будет все записывать. Он фиксирует влияние мозговой деятельности объекта на изменение первоначальных параметров окружающей среды и скорость консонансности изменений. Самописец.

– Валяй, – добродушно махнул рукой Лесник. – Записывай. Ну а ты сталкер, я так понимаю, провожатый будешь?

Егор кивнул.

– Ну тогда работенка и для тебя найдется. Нечего за мной попусту ходить. Кудряша видел? Так вот, их в лесу уже мало осталось, а скотина добрая. Переводит их тут какая-то тварь, надо будет ее подсидеть и кончить, – нахмурившись, сказал дед. – Я ее давно слежу, крепко она прячется, по земле не ходит почти, все больше по деревьям. Скотина, которая ее видит, как будто и не пугается, а так стоит, пока она ее не сцапает, – Лесник замолчал. Сталкер и ученый внимательно слушали. – Слышал я еще, как она кричит. Пробовала от нее Зона избавиться, не просто это. Всех кровососов в этом углу перевела, так и не убивает-то она сразу никого. Я, бывало, днями слышу, как в вершинах звери плачут, мучает она их. Снимал я их с деревьев, вроде и жива скотина, кровосос, например, и глаз открыть не может, дергается, кричит, да так жалобно – мороз по коже пробирает. Помучается он так криком несколько дней да и умрет, а как умирает, слышу я смех девичий вроде, легонько так смеется, – Лесник снова умолк, сосредоточенно уставившись в пространство перед собой. –

Давеча зашел я в рощицу одну, артефакты проверить, не народились ли, а глянь, все деревья в кабанах, собаках, да плотях, и никого уже в живых-то нет, все так криком и умерли. Сосет она, значит, с них жизнь, когда они кричат, – старик тяжело вздохнул. – Не от Зоны эта тварь пришла, не место ей тут.

Сталкеры молчали. На примусе зашипел чайник. Лесник встал, достал и заварил чай. Еще несколько минут прошло в молчании. Валерий достал свой АИК, отвертки и начал разбирать.

– Так, а что же, кабанов да собак по-своему убивает, а этих, – кивнул головой в сторону Васьки, стоящего возле плетня, – рвет и ест? – уточнил Валерий.

– Да, кабанов и собак тут и не переведешь так просто. А вот кудряши – товар штучный, добрый и ласковый. Она, их тварь эта, извести криком не может, потому режет их, рвет, а потом наверх тащит, чтобы больнее, мол, было, – говорил Лесник, тем временем поставив на стол чайник, пахнувший смесью полыни и мяты. – Я их, значит, сверху снимаю, кудряши в себя приходят, не поддаются они ее чарам, или что там у нее, они вообще сами кому хочешь глаза замылят, в метре пройдешь и не заметишь. Да вы, ребята, чайку попробуйте, с местной травки делаю, усталость как рукой снимает и, нервишки у кого шалят, разглаживает, очень для вашего брата болезного полезная.

Бобр, вспомнив правила приличия, достал из рюкзака

припасы. Саморазогревающиеся консервы, хлеб, колбасу, Валера тут же выставил бутылку армянского коньяку в оплетенной бутылке. Лесник, крякнув на такой ход, молча достал из вещмешка большой шмат сала, поставил чайник обратно на примус и звякнул тремя гранеными стаканами. Валера посмотрел на весь стол и отстегнул от пояса плоскую трехсотграммовую фляжку с разведенным до шестидесяти градусов спиртом. Егор, поняв правила вдруг спонтанно возникшей игры, окинув всех взглядом, хитро улыбнулся и достал из рюкзака две плитки шоколада и положил их рядом с коньяком. Лесник почесал бороду, протянув «да-а-а», встал и вышел из избы. Через минуту он вернулся с большим пучком лука, петрушки и укропа, уже сполоснутого колодезной водой. Стряхнул влагу на пол, постелил невесть откуда взявшуюся газетку и выложил ароматную зелень на нее, придавив сверху фляжкой ученого. Чмокнула в торжественной тишине откупоренная бутылка армянского коньяка, по избе поплыл ни с чем не сравнимый запах дубовой выдержки, напиток, булькая, разлился по стаканам.

– Ну... мужики, со свиданьем! – сказал дед, раздався стук граненых стаканов.

Славно пообедав, обсудив последние новости Рыжего Леса и Янтаря, а также последствия последнего Выброса, сталкеров разморило.

– Глеб Борисович, а где у вас тут... по малому делу? – спросил ученый.

Бобр прислушался, его тоже, вот уже пару минут, как интересовал этот вопрос, но смущали два снарка, наверное, сидящие на крыше. Лесник сидел абсолютно трезвый, разве что чуток порозовевший.

– Ну пойдем провожу, а то, я смотрю, из дому выйти боитесь. Бобр, возьми чего-нибудь со стола, угостим ребят.

Бобр взял куски нарезанной колбасы и хлеба. Лесник открыл дверь.

– Борька, Яшка, пойдите сюда! – крикнул он в никуда.

Два снарка, прыгнув перед ним на землю, попытались заглянуть в избу. Егор и Валера растерянно переглянулись.

– Не робей, ребята, Бобр, чего встал, подойди, – не оборачиваясь, скомандовал он.

Сталкер на плохо гнущихся ногах подошел к дверному проему.

– Сядь, – указал Лесник. – Угости парней.

Егор присел и вытянул угощение сразу обеими руками. Снарки, не теряя ни секунды, выхватили и хлеб, и колбасу, и отскочив в сторону, начали засовывать их в рот, причем нижняя часть противогаза у них сместилась вверх и зацепилась за нос. Но это им, по-видимому, нисколько не мешало.

– Валер, сало тащи! Не дрейфь, наука! – весело прикрикнул на ученого дед.

Валера также неуверенно вышел на крыльцо и, присев на корточки, вытянул обе руки с кусками сала. Снарки, негромко ухая, аккуратно взяли сало с рук.

– Значит, вам по малому вон туда, – махнул рукой дед, – а в будку не ходить, слышь, культура? – обратился он к Валерию.

Ученый кивнул и благоразумно не стал спрашивать, почему нельзя сходить в специально построенный сортир. Гости отошли туда, куда указал Лесник, сделав свое дело, Бобр собрался уже было идти назад, дождавшись стоящего недалеко Валеру, но науке вдруг приспичило по большому.

– Слушай, Егор, я так не могу на виду, – пожаловался ученый. – Я дальше пройду, вон к тем деревцам, хорошо?

– Откуда я знаю, хорошо тебе или не хорошо? – засмеялся Егор. – Бумаги дать?

– Нет, у меня салфетки есть, – смущенно ответил ученый, – гигиенические.

– О! Культура, – многозначительно, подняв указательный палец вверх, сказал Егор. – Ну давай, валяй.

– Только я очень прошу не смотреть на меня, – попросил Валерий. – Мы же тут вроде как под охраной, – сказал он, указав на вновь залезших на крышу снарков.

– Ну, не смотреть так не смотреть, особого интереса твои артефакты у меня не вызывают, – пошутил Егор. – Ты главное свои артефакты на дорогах общего пользования не оставляй, а то Яшка обидится, – расхохотался сталкер, развернулся и, посмеиваясь, пошел в избу.

Лесник сидел и попивал чай, на столе стояло две кружки такого же чая, дымящегося кипятком.

– Да слышал я, слышал, – остановил он сталкера, когда тот только начал раскрывать рот и указывать пальцем направление. – Садись, чай попей.

Егор отхлебнул со своей кружки. Вкусно. Отхлебнул еще раз, замечательно. Так незаметно выпил всю кружку. Хмель в голове стал легче, мозги заработали четче.

– Что-то долго наука диссертацию пишет, – заметил Егор, разглядывая потолок.

– Семь раз отмерь, один раз отрежь, – поддержал его дед, – небось, от Васьки прячется, он же жуть какой любопытный. Ну это хорошо, что Васька с ним пошел, если что, то крикнет или от аномалии отведет...

В этот момент снаружи донесся истошный крик телка.

– Старый дурак! – закричал на себя Лесник, вскакивая, хватая ружье и выбегая наружу.

Бобр схватился за дробовик и выскочил следом за Лесником, на ходу застегивая комбинезон.

– Яшка, Борька, ату его, ату.

Два настороженно глядящих куда-то в лес снарка с рыком слетели с крыши. Лесник и сталкер едва поспевали вслед за ними. Снарки бежали уже минут десять по следу неизвестной твари, которая среди бела дня под облачным небом Зоны посмела утащить ученого, занимающегося самыми своими сокровенными делами.

– Вот сука! – с чувством выругался Бобр.

Ученого нигде не было. Яшка и Борька, заухав и завер-

нув вверх головы, вновь повели по уже воздушному следу, видимому только им двоим. Наконец, когда люди уже выбились из сил, на них, ломая подлесок, выскочил перепуганный Васька и, выгнув шею, заревел. Валера нашелся метрах в десяти над землей, привязанный к толстой ветви другими ветвями потоньше. Он был без сознания. Лесник и сталкер оцетинились ружьями, через прицел разглядывали крону деревьев.

– Надо лезть, – прошептал Егор, намереваясь забраться на дерево, в кроне которого виднелся силуэт человека.

– Оставь, уронишь.

Лесник свистнул и поднял руку вверх. Оба снарка в момент взлетели на дерево и, ловко перебирая руками и ногами, быстро поднялись до ученого. Минуты через три они бережно спустили его вниз. Лесник оттянул веко, посмотрел на реакцию зрачков.

– Успела его обработать, вот тварь, успела, – сокрушенно пробормотал он. Затем, сжав челюсти и зло сузив глаза, твердо сказал. – Сегодня ее брать будем, слышишь Бобр? Сегодня!

Глава 12. Охота

Ночь в Рыжем Лесу. Кто бы мог подумать, что человек способен прожить в Рыжем Лесу ночь, мало того, не просто прожить, а всерьез вознамериться убить таинственное существо, которое запросто утаскивала трехсоткилограммовых мутантов на деревья? Тем не менее, это было так. Лесник задумчиво связывал картечные патроны, по-своему укладывая дробины в гильзе. Старая керосинка почему-то чадила и потрескивала. При тусклом освещении избушки деревянный сруб и лицо Лесника, казалось, сделаны из одного материала, такого же цвета, с сетью таких же морщин и трещинок, даже выступы на скулах старика выглядели как спиленные и затертые временем деревянные сучки. Бобр сидел на противоположном конце стола по левую руку от Лесника и, уперши дробовик рукоятью в пол, сотый раз продумывал, как они будут ловить мутанта. Кружка остывшего недопитого чая с встань-травой стояла перед ним.

– Так ты говоришь, мутант не от Зоны? – очередной раз спросил Егор, уже зная ответ.

Но ему, тем не менее, хотелось еще раз услышать рассказ старика. Сам голос Лесника приводил в успокоение, поскольку сидеть вот так в ожидании, в ночи, слушая каждый шорох и готовясь вскочить и броситься в непроглядную темноту, было выше его сил.

– Да Бобр, не от Зоны мутант. Недобрый. Не сладить мне с ним в одиночку, – проскрипел дед.

– А почему с другими сладил, а с этим не сможешь? – сдерживая сосущий страх, такой, что вызывал тоску, спросил Бобр, крепясь и не давая себе нервно трясти ногой.

Лесник отложил снаряженный патрон в сторону. Снял шапку-ушанку и положил ее на скамью возле себя, обнажив седые, но все еще блестящие здоровьем волосы, обжатые по контуру следом от этой ушанки.

– Ну слухай, сталкер, слухай. Когда я первых мутантов начал ловить да лечить пробовать, они все еще немного на обычных животных были похожи. Вот, например, белка. Ты видел белок в нынешнем лесу?

Бобр отрицательно покачал головой.

– Вот то-то и оно, что не видел. Я их в начале лысухами обзывал, повыпадала вся шерсть у них, клочками, кричали они, падали. Я их собираю, а сам плачу, думаю, что за напасть такая со зверьками приключилась? Оказывается, это Зона их переделывала, чтобы они дальше жить могли. Так вот, принес я их как-то в сарай, помню, два грибных лукошка белок этих набрал, гляжу, а они кровью харкают. Тогда я еще подумал, что зараза какая-то к ним прицепилась, пошел, значит, в избу, у меня там лекарства раньше водились, для животных антибиотики, витамины... ну всякое непотребное. Взял, значит, лекарство, шприц и назад, думаю, щас поколю их, да, может, польза им будет. Открываю сарай, а там меньше

половины из них уже дышит, а одна, смотрю, вроде как кровью харкать перестала, на ножки села и смотрит. Так вот не стал я ее колоть ничем, только тем, что уже дух выпускали, инъекцию сделал да и оставил их, тогда у меня других забот полно было. На утро возвращаюсь я, стало быть, в сарай проверить, как там и что, а у самого сердце неспокойно, чую, по лесу что-то не так, непривычно, странно. И вот открываю я дверь, а та самая белка, которая шевелилась еще, всех своих товарок попортила, у кого хвост отъела, у кого морду с глазами... ага... – замолчал Лесник, переживая свои воспоминания. – А сам зверь чуть больше стал, весь в стружьях каких-то, морда вся в крови, я его сразу и не заметил, сидит в углу, смотрит на меня темно-синими глазами, а глаз то у него четверо теперь стало. Я тогда ошалел маленько, испугался, а она смотрит на меня и как будто плачет, понимаешь? – спросил Лесник, сжав кулаки до хруста.

– И что? – спросил Егор, затаив дыхание.

– И нашло на меня, что она понимает все, что товарок своих поела, и что плохо ей на душе-то ее на звериной, так она на меня смотрела. И понял я тогда, что мутант, когда другого мутанта убивает, никогда в душе своей звериной радости не держит. Понял? А это отродье, оно же хохочет, оно же радуется, я же сам видел, что не еды ради оно кудряшей да прочих добывает, нравится ему мучить их! – с сердцем почти выкрикнул Лесник. – Ну погоди, ну доберусь я до тебя! Зона ищет ее, хочет поквитаться с ней, не ее это творе-

нье, не нравится ей, когда ее деток обижают.

– И что, Зона-то... сама поквитаться с тварью не может?

– Дурак ты, Егор, так и не понял ничего. Ты да я, да твари лесные, да лес – мы и есть часть Зоны. Вот она нашими силами и будет тварь рассчитывать. Понял?

Бобр кивнул.

– Да, дед, кажись, понял...

Внезапно гложущий страх отпустил сталкера, он распрямылся, почувствовав что-то новое в себе. «Ну если Зона хочет его руками тварь уgomонить, то так тому и быть! Нет смысла уже бояться, а если и не справится он с ней, то не оставит она его, пусть даже станет он снорком или еще кем, нет, не страшно». Лесник внимательно смотрел на сталкера, словно читая его мысли.

– Ну вот и молодец, вот и хорошо. Пошли, пора на засидку, – сказал дед и встал со скамьи.

Выйдя на крыльцо сруба и глядя в непроглядную темень, сталкер только спросил:

– Дед, а как мне тебя не потерять в темноте? Я же не вижу ничего.

– Не потеряешь, не бойсь. Сам, главное, сдуру куда не надо не лезь, вот тебе камень – сборка, он тебе зрение ночное улучшит, – сказал дед и сунул в руку сталкеру нечто твердое и круглое, размером с утиное яйцо.

– Артефакт? – спросил Егор, слегка повернувшись к свету и силясь разглядеть, что же вручил ему дед.

– Артефакт, артефакт. К телу его приспособь и обожди пару минут.

Бобр расстегнул ворот комбинезона и засунул артефакт за пазуху. Через некоторое время глаза начало щипать, в ушах засвербело и заложило, слегка заслужилась голова.

– Печет, – пожаловался Егор, отчаянно пытаясь проморгаться.

Постепенно резь в глазах ушла, уши разложило и сталкер различил сначала неясный, а потом все более и более четкий силуэт Лесника, затем увидел плетень со стоящим возле него Васькой и через пару секунд сам темный лес позади. Еще через секунду он смог различить контуры деревьев, движение и отблески аномалий, которые не видел даже при свете дня.

– Ого! – воскликнул он, разглядывая новую картину.

За домиком он различил шорох, причем он был уверен, что это был очень тихий шорох, но и он стал доступен для него. На поляну к деду выползли два снарка в рваных противобазах и сели возле его ног, как сторожевые псы.

– А они тоже с нами пойдут? – осторожно спросил Бобр.

– Вот ты, сталкер, деревянный какой! Я же тебе говорил уже сколько раз, Зона хочет с тварью поквитаться, – он указал пальцем на мутантов. – А это чьих будут, по-твоему? – рассердившись на тугоумие сталкера, сказал он. – Яшка спереди, Борька сзади – пошли!

Лесник развернулся и отправился в лес, один из снарков, тот, который покрупнее – стало быть, Яшка, прыгнул впе-

ред деда, низко пригибая морду, так, что оторванная гофра противогаса волочилась по земле. Лесник, положив ружье на сгиб локтя, двинул следом. Егор, глядя как Лесник уверенным шагом двинул в лес, вострепнулся и побежал догонять его, позади него, также пригибая голову к земле, поскакал второй снарк в разорванном камуфляже, – «стало быть, Борька», – подумал Бобр и хмыкнул, удивляясь невероятности происходящего.

Придя на место засады, Лесник дал краткие указания.

– Ты эту холеру увидишь, сразу не стреляй, обожди моего сигнала или пока снарки не начнут, тогда и лупи ей по коленям, только смотри прыгунков не зацепи ясно? – наклонившись к сталкеру, тихо сказал дед и собрался было уходить на свою засидку.

– Постой, – прихватил Бобр лесника за рукав, – а сколько ждать?

– Оно знает, что Зона его ищет, да прибрать хочет, оно ее чует и прячется, но жадная тварь до кудряшей, азарт. Васька-то, он так просто не дастся, вот тут стоять будет, не смотри, что телок и бестолковый. А тварь эту, значит, часик-два подождать придется, а то и до утра, если осторожничать будет, она же нас тоже видит, только всерьез не воспринимает, но ничего, есть у меня для нее подарки, Зона передала, – Лесник хищно улыбнулся и ушел.

Бобр остался наедине со снарком, сидя под чахлым кустиком. Артефакт, дававший ему возможность видеть и хорошо

слышать ночью, давал особую картину леса.

Спокойный, дышащий прохладой, с тяжелой оранжевой кроной, лес казался огромным залом, стволы деревьев – узорчатыми, витыми колоннами, подпирающими свод. Стены и потолок этого величественного сооружения как будто были расписаны неизвестным мастером, в причудливых мазках которого можно было почувствовать все: и рассветы, изредка освещающие верхнюю часть леса, и бормочущие раскаты грома во время дождя, ветер, то ласкающий вершины, то безжалостно перемешивающий их друг с другом, не частое тепло солнца, иней ночных заморозков, легкую дымку тумана. Все это помнил и переживал Рыжий Лес и теперь разрешал ночному гостю краешком глаза посмотреть его сны.

Борька, сидящий рядом, не издавал ни звука, только покачивал головой в разные стороны, словно выглядывал то одним глазом, то другим с обеих сторон торчащего перед ним прутика. Телок, стоящий посередине поляны, изредка опускал голову, обнюхивая подстилку, но в основном стоял прямо, прядая большими полукруглыми ушами. Лесник сидел возле дерева правее от Егора на рюкзаке и, казалось, спал. Его охотничье ружье стояло прикладом на земле. Сам дед держался за него двумя руками и мерно дышал, это было хорошо заметно по опускающейся и поднимающейся голове. Яшка сидел рядом и неотрывно глядел на телка, слегка покачивая головой. Егор подумал, что так споркам, наверное,

проще видеть, если постоянно шевелить головой. Прошел час. Бобр, сидящий под кустиком, уже хотел немного сменить положение, поскольку ноги и тело уже начинали неметь, а это совсем нежелательно, если вдруг придется вскочить и перемещаться. Начав было осторожное перемещение, он глянул на снарка. Его ранее медленные покачивания из стороны в сторону вдруг стали нервными, дергаными. Бобр застыл. Что-то происходит, снарк, сидящий у Лесника, тоже забеспокоился, телок Васька встал застывшим изваянием, Лесник поднес палец к губам, глядя на Егора. Легкий-легкий шорох, создаваемый сыплющимися сверху кусочками коры и листочками, указывал направление, откуда идет оно – существо вне Зоны. Подняв вверх глаза, сталкер, несмотря на все усиление зрения артефактом, не видел никаких признаков чьего-либо присутствия, но снарк, сидящий рядом с ним, уже смотрел не вверх, а чуть выше телка. Бобр скорректировал взгляд в ту же сторону, и вот он увидел нечто медленно спускающееся по стволу дерева.

Существо было похоже на огромного длинного трехметрового паука с десятком суставчатых ног, которыми он обхватывал ствол дерева. Тело делилось на два практически одинаковых цилиндра какого-то светлого цвета, на самих цилиндрах попеременно то проявлялись, то исчезали темные геометрические фигуры, через секунду Егор понял, что эти фигуры гипнотизируют его, и он спешно опустил взгляд, не успев разглядеть голову и вооружение мутанта. Ему хватило

импульса, чтобы отвернуться и глянуть в сторону Лесника, дед также предостерегающе поднял ладонь в сторону сталкера и смотрел на сидящего перед ним снарка. Телок разглядел надвигающееся чудовище и жалобно курлыкал, вероятно, попав под воздействие гипнотизирующих рисунков, меняющихся на теле существа. Огромное насекомое выдвинулось в сторону кудряша, вытянув удивительно длинные передние конечности, вдруг телок встрепенулся. Вытянул морду в сторону чудовища и оглушительно заорал, мембраны в костюме «Сева», щелкнув, блокировали звук, Лесник, прижав ладони к ушам, открыл рот, оба снарка с ревом взлетели в длинном прыжке в воздух. Одновременно с этим телок вскочил на задние лапы и мощно ударил с высоты своего роста передними заточенными конечностями в морду твари. Раздался глухой удар. Тварь, заорав близким к человеческому, женскому крику, голосом, прыгнула на телка, стоящего перед ней, но он с неожиданной легкостью, скользнув в сторону, ушел с ее пути, и она по инерции, проскочив место, где он только что стоял, залетела мордой в кусты, где сидел сталкер.

То, что он увидел, было действительно неожиданно, огромная, величиной с большую тыкву, практически человеческая голова с высоким лбом, на котором виднелась свежая ссадина от мощнейшего тычка копытом телка, черные смоляные волосы, соразмерно с головой большой рот с короткими толстыми зубами-терками, словно срезанный, поблес-

квивающий влагой нос, открывающий два продолговатых дыхательных отверстия и глаза... женские красивые глаза зеленого цвета... Внезапно морда твари стала терять уродливые очертания, зеленые манящие глаза дружелюбно и заинтересованно смотрели на сталкера.

Снорки, взлетевшие в воздух, приземлились на корпусе и начали свою разрушительную работу, они схватили каждый по конечности и принялись выламывать их. Тварь, почувствовав их вмешательство, вдруг снова преобразилась во что-то непонятное и, открыв рот, из которого показались с десяток то ли щупалец, то ли длинных язычков, начала разворачиваться. Бобр выстрелил два раза прямо в раскрытый рот твари, выбивая оттуда куски плоти и брызги. Оглушительный крик снова выключил мембраны комбинезона, последовал сильнейший удар в грудь, сталкер, который сидел в неустойчивом положении, собираясь сменить позицию, вылетел пробкой из кустов и, сделав несколько кувырков, растянулся на лесной подстилке. Тварь вскочила на задние конечности, крича разбитым ртом и пытаясь дотянуться до одного из снарков, с бешеной скоростью молотящего по сочленению двух цилиндрических тел существа, второй снарк в это время, упершись, выкручивал сустав чудовища. Крутнувшись вокруг своей оси, она схватила снарка, пытающегося разбить ей сочленение тел, и ударом одной из конечностей вспорола ему живот, одновременно выкидывая тело, но продолжая держать его за внутренности. Яшка полетел в сторо-

ну, а за ним, словно струна, вытягивались потроха. Грянул выстрел Лесника, голова твари дернулась, она несколько раз взбрыкнула ногами, на которой повис второй снарок, и он, не удержавшись, отлетел в сторону, и развернулась к Леснику. Грянул еще выстрел, голова твари дернулась еще раз, Лесник отбросил ружье, достав нож. В это время подскочивший из-за деревьев телок с размаху ткнул существу в затылок, тварь, зашипев, схватила его одной из конечностей за морду и затащила под себя, раздался хруст. Лесник, стоя напротив твари, перебросил нож в другую руку. В свободной руке появился светящийся малиновым неизвестный артефакт. Тварь с криком прыгнула на деда, но внезапно его фигура смазалась в быстром движении, он проскользнул под ее телом, охотничий нож из лучшей стали бессильно чиркнул по брюху существа. В тот же миг один из оставшихся в живых снарков прыгнул пауку на шею, барабаня по черепу и пытаясь дотянуться до глаз, Бобр, вставший на ноги и подоспевший к этому моменту, открыл огонь по торчащим суставам ног паука. Снарок, не дававший стряхнуть его и отбивающий ногами все приближающиеся к его телу конечности, заставил мутанта заняться только им. Лесник, сменивший сборку и убравший нож все с той же неестественной скоростью, держа в руках два артефакта оранжевого цвета, бросился под брюхо чудовища, вбивая артефакты сначала в одно, а затем в другое тело.

– Уходим! Егор, Борька, уходим! – закричал он.

Борька, на секунду замешкавшийся, спрыгивая с монстра, был словлен на лету передними конечностями твари. Тварь напряглась, раздался писк, и тело снарка с чавканьем разделилось на двое. Обе половинки полетели в убегающих Бобра и Лесника, чудовище поспешило следом. Лесник, ускоренный артефактом, успел на ходу поднять рюкзак, ружье и перезарядиться.

– Беги, я догоню, – крикнул он Бобру и, развернувшись, сделал поочередно два выстрела, раздался крик, топот преследующей людей твари начал стихать. – Все, теперь утром добирать пойдем, – догоняя несущегося во весь дух сталкера, сказал он. – Ну все, тормози. Не молод я, чтобы до деланки бежать, – он засмеялся. – А ты, сталкер, если испужан сильно, беги. Тебе теперь можно, не пропадешь.

Бобр остановился, шумно дыша. Обернувшись назад, он трясущимися руками начал заряжать дробовик.

– Что, убили? – спросил он, переводя дух.

– Нет, не убили, но дело сделали, – сказал Лесник, упершись руками в колени. – Я ей два «ока» на брюхо прицепил, теперь ей от Зоны никуда не деться, внутри она ее прорастет, и силы, которые она у детишек ее забрала, себе вернет. Утром доберем, – Лесник выпрямился, вдыхая ночной воздух полной грудью.

Сзади послышался треск ветвей и крик.

– Ага, – обрадовано сказал дед, прислушиваясь, – на дерево хотело влезть, а сил ей не хватило.

– Но по земле-то оно ходить может? – настороженно спросил Егор

– Может, – на секунду задумавшись, сказал дед. – Да оно за нами и идет. Пойдем, Егорка, не спеша. Нечего ее дожидаться.

Они двинули, шум и треск сзади перемежался с отчаянными страшными криками, начинающимися как мужские и без всякого перехода меняющимися на звериный рык, затем на женские, а после переходящий в отчаянно призывной, смешивавший в себя все три оттенка. Эти крики вызывали невольный ступор у Егора.

– Ишь как ее, будто пьяную, кидает, – вслушиваясь, сказал дед. – Но сил еще много, встает, догнать хочет.

Так шагая по ночному Рыжему Лесу и прислушиваясь к крикам существа, они дошли до домика.

– А если она сюда дойдет? – спросил Егор, соображая, как лучше организовывать оборону.

– Если сюда дойдет, то тут и останется, чую, недолго ей осталось, не дотянет до утра. Так что не бойся, – Лесник запер дверь, ставни, проверил спящего ученого. – И товарища твоего отпускает понемногу, видишь, – снимая руку у него со лба, сказал он. – Давай чайку поставь, нам теперь всю ночь тут караулить.

Пока Бобр ставил чай и заваривал, как научил его дед, встань-траву, прошло время. Во дворе послышался шум и треск ломаемой оградки.

– Во, пришла! – весело сказал старик, держа ружье.

Егор схватился за дробовик и закрутил головой, соображая, откуда ждать опасности. Повисла гробовая тишина, нарушаемая только ровным дыханием спящего человека. Прошло несколько минут, внезапно спящий Валерий всхрапнул, закашлялся и попытался сесть. Наконец, ему это удалось, и он спросил смотрящих на него сталкеров с оружием наизготовку.

– Блин, что случилось?

– Все, издохла, – глядя, как ученый встал и потянулся к кружке с водой, – пойдём проверим.

Они вышли на крыльцо. Прямо перед дверями лежало огромное, если не считать длину лап, пятиметровое насекомое с почти человеческой головой и волосами. Суставчатые конечности его безвольно лежали на земле, кремовое тело потеряло свою округлую форму, никаких геометрических узоров на нем больше не появлялось. Выглянувший из-за плеч Лесника и Бобра ученый радостно осклабился, подошел к телу, присел рядом с мертвой головой и, глядя в ее полузакрытые глаза, сказал:

– А я тебе обещал, что так оно и будет!

Глава 13. Домик в лесу

Группа людей покинула делянку на рассвете, оставив тело существа на том же месте. Валерий общелкал все фотоаппаратом, обмерил рулеткой, изрисовал несколько листов и, наконец, отколупнул образец тканей в пробирку для исследований. Лесник, глядя на это, лишь поморщился.

Неспешно продвигаясь по Рыжему Лесу вслед за Лесником, Бобр спросил ученого, мол, когда это он обещал этой твари, что так и будет? Валерий, задумавшись, ответил.

– Ты знаешь, Бобр, она ко мне всю дорогу приходила, ну, пока я в отключке был. Вначале вот так, как есть, муравьем этим белым, я не испугался, потом она по-всякому, по-другому пробовала, то знакомыми моими, то зверями разными, все пыталась испугать, подружиться, разжалобить. А что именно делать, не знает. Я вначале думал, что умер и на том свете нахожусь, а потом смекнул, что однобокий какой-то тот свет получается, примитивный. Так я и вычислил, что дурит меня мутант, держит у себя под колпаком. Я ей не давался, не верил. Только чую, рано или поздно возьмет она свое, и так, и эдак вилась, то как будто ногу мою жует, то вдруг болезнью ко мне оборачивается, то женщиной придет и плачет или смеется, да только и я не промах. Она вроде как мучить меня пыталась, на эмоции вывести. А я чувствую, что ищет она лазейку ко мне, а сам и пошевелиться не могу и отвер-

нуться от нее, поселилась она в сознании, изучает. Все ей знать интересно, она же до этого только на мутантах развлекалась. А я ей знаешь что?

– Что? – спросил сталкер, ожидая продолжения.

– Я ей, дура, давай таблицу умножения сначала давать, потом теоремы, потом по профилю своему гонять, а она же суть – животное, имитатор. Разума у нее не хватает делает вид, что понимает, насмотрелась, видать, на мои воспоминания, как себя вести в школе надо, вот и сидит такая то ли женщина, то ли ребенок, то вдруг животное какое, то вдруг листьев вокруг накидает, мол, диалог такой пробует. А я вижу, что нет способностей у нее к пониманию, и давай ее склонять, что в действительности ее не существует, и в сознании моем она тоже самое, что и я в ее, что тело мое в безопасности находится, – ученый потрогал голову. – Ну я так решил. А ее тело скоро ты с Лесником кончишь. Она хоть и ничего не понимает, но уверенность мою чувствует, я же ее только теми эмоциями кормлю, которые мне с ума сойти не помогают. Запаниковала она, хотела на меня броситься, а я смеюсь, хотела она от меня убежать, а я ей «куда ты, милая?» Она встает, вроде как оборачивается ко мне идти, а я опять смеюсь, ну так, без смеха. Весело себе делаю, а ей не нравится, – ученый задумался. – Вот так я с ней и барахтался. И каждый раз, когда она ко мне приходит, я уже ждать ее начинаю, там же в сознании времени как будто не существует. Вроде давно ее не было, а вроде и только что исчезла. Вот такого мен-

тального эмбриона она мне в мозг успела посадить, понимаешь? Чтобы управлять мной через некоторое время. Это же явный пример ментального паразитирования!

– И что бы было потом? Если бы мы ее не убили? – спросил Егор.

– Не знаю, с одной стороны, если я ее ждать начал, значит, контакт какой-то все-таки появился, значит, рано или поздно нашли бы диалог какой-нибудь, и жил бы я с этим вторым разумом в голове. Наверное бы, упекли меня в психушку или еще чего-нибудь учудил, себя не помня. Вот так-то.

– Слушай, а эта штука... ну паразит этот ментальный, не может у тебя в голове еще быть?

– Не знаю, – покачал головой ученый. – Время покажет.

За несколько часов ходьбы практически прямой дорогой Лесник показывал сталкеру, где у него малина растет, где картофель хорошо пошел, где кабачки с помидорами, несмотря на тучи, зреют, а где и яблони родят круглый год. По пути сорвав несколько плодов, он угостил сталкеров, заодно указав, какие есть нельзя и почему. «Вот что значит быть дома», – с некоторой долей зависти подумал про Лесника Егор. Оставляя справа и слева скопления аномалий, группа добралась до еще одного, уже более основательного, домика Лесника. Дом был сделан из свежего сруба, имел высокое крыльцо, потолки, во дворе все так же стоял колодец с журавлем, возле крыльца собачья будка, по размерам напоминающая скорее детский домик, нежели конуру.

– Ну вот и пришли, – зевая, сказал Лесник.

Бессонная ночь, переход и остальное здорово утомили его и сталкера. Ученый, который, казалось, всю дорогу был свеж, что-то рассказывал и спрашивал, тоже приутих. Из конуры вышел здоровый чернобыльский пес, утробно зарычал, увидев незнакомых людей, но получив от деда типично собачье указание, – «спокойно, свои, фу», перестал рычать, облизнулся и, суетливо перебирая передними лапами, пригнув голову и виляя хвостом, подошел к Леснику. Лесник ласково потрепал огромного пса по загривку, при этом, чтобы потрепать его, ему пришлось не наклониться, а, наоборот, приподнять руку выше пояса. «Ну и зверина», – подумал Егор, стараясь не удивляться, не бояться и не хвататься за ружье, но здесь его сил практически не хватило. Научившийся бояться слепых псов возле периметра и пару раз имевший дела с чернобыльским псом, он все же зажмурился, задержал дыхание и остановился.

– Глеб Борисович, я боюсь, – старательно стараясь не представлять клыкастого оскала и брызжущей слюны, сказал он.

– Я и вижу, – сказал Лесник. – Что, тяжело отвыкать от привычек? Отвыкай, пока со мной ходишь, оно тебе пригодится.

Ученый в этот момент с интересом разглядывал показания экрана ПДА, к которому гибким шнуром был подключен прибор с зеленым аквамариновом корпусе.

– Очень показательно! – восхитился он. – Очень! – повторил еще раз, вообще не испытывая никаких волнений по поводу пса.

Они вошли в дом. В доме было несколько комнат, старая, еще советская мягкая мебель, уютные белые кружевные занавески на окнах, умывальник-мойдодыр и все остальное, что представляло себе привычный сельский стиль глубинки, включая работающий белый холодильник «Бирюса».

– О, а как это? – спросил сталкер, указывая на холодильник.

– Как, как, известно как. Десяток «батареек», «леденец», трансформатор на 220 вольт, и вперед светить – не пересветить. На мой век хватит. Вам комната вон там, – он указал сталкерам рукой. – Уборная на улице, кто хочет, идите сейчас, я посмотрю, чтобы Пес не шалил. Потом я спать, и вам советую. Вечером, Егор, пойдем с тобой по артефакты, да помощников мне искать.

Сделав свои дела, путники разошлись по комнатам и по кроватям. Растянувшись во весь рост в уютной кровати с высокими перьевыми подушками в одном нижнем белье, Бобр очередной раз удивился, – «а ведь правда, Зона все дает человеку – живи не хочу. Только что же нам жить мешает?» Чувствуя, что ему крайне необходимо чье-то еще авторитетное мнение относительно его вопроса, он спросил у Валеры, лежащего рядом.

– Валер, слушай, а что это мы все воюем и воюем в Зоне?

То с мутантами, то друг с другом, то опять с мутантами. А я ведь погляжу, тут же и жить можно. Даже электричество есть. А яблоки какие! Ты видел? Я только в детстве по поляблока мог съесть, Алма-атинский Апорт, а тут такие, что и сейчас не осилил, выкинул.

– Я тоже выкинул, – подтвердил Валерий. – Жаль, вкусные яблоки. И вообще, несмотря на разнос всей экологии, плотность биологических объектов здесь очень высокая, корма хватает всем, даже с избытком. Монолит излучает, вот и растет все и вся.

– Так, а что же мы все бьемся и бьемся, а, Валер? – сталкер перевернулся на живот. – Чего бы взять и не жить, вот как Лесник, например? А?

– Понимаешь, Егор, – начал ученый. – Мы же, человечество то есть, всю нашу историю воевали друг с другом, охотились на животных, садили их на цепь, делали от себя зависимыми. А еще истребляли непокорных, опасных, особенно себе подобных. Люди привыкли выживать, потому что у них, то есть у нас, не хватало ни знаний, ни сил, чтобы спокойно жить. Прибежала толпа с дубинками, поколотила тех, у кого дубинок меньше, увела баб, и весь разговор. А теперь посмотри, мощности у человечества поднялись в десятки раз, а сознание и отношение к окружению осталось прежним. Человек самостоятельно думает по-своему, а если в толпе, то так, как думает самый примитивный ее индивид, а самый примитивный кричит «отберем, уьем» или «отбе-

рут, убьют». Вот так и привыкаем мы отбирать и убивать.

– А что же делать тогда? – приподнимая голову, спросил Егор.

– Отношение свое менять, сталкер, отношение. Вот Зона нам и показывает, как его менять. Иначе раз, и нет человечества. Дубинки-то нынче помощнее будут.

– А как менять? В смысле, мы же и не боимся никого вроде, ну там, на Большой земле.

– Ошибаешься, мы все боимся. Кто начальства, кто работы, кто отсутствия начальства, кто отсутствия работы, продуктов несвежих, продуктов свежих, сахара, соли, жить с водкой, жить без водки... да нет ничего такого, чего бы человечество не боялось. Главное, что для воодушевления и радости мало места остается, любить человечество по-другому начинает, за что-то, при условии, старается выживать среди себе подобных, а не использовать результаты и возможности своих достижений. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что не выгодно это тем, кто... ну вот точно, как та тварь, которая меня на дерево затащила, и зверей других, тех, что криком померли. Вот такие, которые закрывают нам, простым людям, глаза и заставляют поверить в грустные картины, чтобы мы боролись, дрались между собой, украсть норовили, выживали. И ведь получается у них. Казалось бы, ерунда, а ведь получается утащить-то нас на дерево, чтобы ножками не по земле шли, а на месте подвешенные были.

Куда деваются смелые, отчаянные подростки, которые желают всем счастья и даром? Всем, всем? Через десять лет? А я скажу, куда они деваются. Они, вот как та скотина, висят в деревьях с паразитом в голове и кричат тому, что видят, а она, тварь, смеется, потому что суть у нее такая, ей всегда мало. Людям всегда мало, несмотря на то, что достаточно.

– Страх-то какой, – поежился сталкер. – Ты мне весь сон разогнал, Валер, как я теперь спать буду? И что, нет выхода, если в таком лесу там на Большой земле жить?

– Есть, наверное. И главное, что человечество все это знает, а поверить боится.

– Во что поверить?

– В силу свою поверить боится. Потому и сделаны так все системы, чтобы человека недоразвитым немного оставлять. Чтобы он думать только о еде мог, да о завтрашнем дне со страхом.

– В какую свою силу? – спросил Бобр.

– В себя, сталкер, в себя, – ответил ученый и замолчал.

Бобр лежал, глядя в потолок, уже минут тридцать. Из соседней комнаты слышался храп Лесника. Наконец, сталкер решительно встал и, как был, босиком вышел из комнаты, затем прошел на кухню и, чуть скрипнув наружной дверью, вышел на улицу. Чернобыльский пес лежал у порога.

Сталкер сел рядом с ним на крыльцо, одновременно запустив обе руки ему в густой загривок и притягивая его морду к себе.

– Хочешь, я тебе колбасы вынесу? – внезапно обрадовавшись, что может что-то дать мутанту, спросил сталкер. Уродливая собачья голова с пятисантиметровыми клыками лизнула его лицо. – Я мигом, – счастливо улыбнувшись, шепнул сталкер. Через минуту, вернувшись с третьей палки от колбасы, он скормил ее виляющему хвостом чернобыльцу. – У-у-у, псина, – теребя могучий загривок, по-детски радовался сталкер, преодолевший собственный страх.

Сзади скрипнула дверь. На улицу вышел Лесник с ружьем и папиросой в руках. Лесник улыбался.

– Подвинься, Пес, – аккуратно подтолкнул он чернобыльца ногой.

Тот встал, сошел с крыльца и улегся ниже. Лесник сел рядом с Егором, раскуривая папироску с душистым самосадам.

Глава 14. Ночное

Выспавшись и поев, Лесник начал собираться в лес.

– Дед, это ничего, что ночь скоро наступит? – спросил

Егор, не упаковывая рюкзак.

– День, ночь, в лесу все едино. А артефакты шибче виднеются, особливо те, по которые мы пойдём.

Ученый сидел за столом и ковырял АИК.

– Послушайте, Бобр, вы бы не могли помочь? Поносите регистратор, пожалуйста, с собой. Он нетяжелый, – попросил Валера.

– Нажимать ничего не надо?

– Нет, он уже включен, заряда батарей хватит на двадцать четыре часа. Корпус противоударный, да и сам он без подвижных элементов, так что не бойтесь, следить за ним не надо.

– Хорошо, не надо так не надо, – согласился сталкер и подставил открытый рюкзак ученому. Тот засунул прибор внутрь и несколько секунд прилаживал его внутри.

– Ну что, готов? – спросил Лесник

– Да.

– Пошли.

Скрипнула открываемая дверь, за дверью стоял чернобылец по кличке Пес и, поскуливая, ждал Лесника.

– Что, не терпится? – весело спросил он у Пса. – Ну по-

шли, – Лесник открыл калитку, и чернобылец легкой рысью выбежал наружу.

Люди вышли следом. На Рыжий Лес опускалась ночь, выглянувшее из-за туч уходящее закатное солнце окрасило красным светом и без того рыжие вершины деревьев, они откликнулись на прощальный взгляд светила, допущенного на миг в это место, и вспыхнули миллионами маленьких огней, полированных ветром и выбросами оранжевых листочков с острой, как бритва, каемкой. Рыжий Лес пробуждался и готовился жить своей, другой, ночной жизнью.

Размеренно ступая за Псом, Лесник рассказывал сталкеру суть предстоящего похода.

– Сейчас пойдем к ручью, проверим, что там. Намедни плоти снизу сюда прибегали, воду искали, никак, вода туда не доходит, обрывает ее где-то. Может, деревом ручеек привалило, может, еще что, глянем. Потом пойдем на опушку, кабанчиков проверим. Они у меня там на выпасе, посчитать надо, да подлечить одного, подрали его собаки.

– Дед, а как ты сало добываешь, тут же вроде радиоактивное все, – спросил Бобр, намереваясь по порядку узнать, как же столь удачно Лесник делит кров со всем Рыжим Лесом.

– Есть места, фонят, заливаются как соловьи. Только ведь и кабанчики, пока молодые, такие места не любят, да и плоть тоже, пока молода, сторонится. А вот как созреют, как в силу войдут, когда своя природная силушка не растет уже, они тогда на горячие пятна ходят. Как-то их Зона научила, что,

если хворь какая или рана, так под радиацией она быстрее заживает. Там даже не в радиации дело, там как будто проще Зоне на зверюшек влиять, ну навряд ли как с электронами этими и другим излучением себя внутрь зверя вбивать. Вот такие старые кабаны да плоти иногда уходят сами из Леса, то ли поручения ее исполнять, то ли сами, это мне не ведомо.

– Так молодые кабанчики что, совсем не фонят? – осторожно спросил сталкер.

– Ну как не фонят, фонят. Свое-то они каждый день помаленьку хапают, да и я тоже. Я же в скорлупу такую, как у тебя, залезать не желаю. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому как одежда, она ветер Зоны гасит. Ты потом увидишь, если встретишь, самые крепкие сталкеры даже брюню не одевают, и так все чувствуют, и зверь их чувствует. А потом, чего мне радиации бояться, если у нас специальная травка растет, попил ее и порядок, все нуклиды вон, да и кабанчики ее трескают, за три дня столько рентген скидывают, что колбаса, которую ты у Сидоровича покупаешь, в десятки раз сильней фонит.

– Да-а-а, – протянул сталкер, пораженный услышанным.

– Так о чем это я? А, – вспомнил дед, – как кабанчиков проверим, пойдем с тобой на пасеку.

– Какую пасеку? У тебя тут что, еще и пчелы есть? – изумился Егор.

– Да нет, пчелы тут не живут, поскольку цветов нету, да

и культур трав всяких степных не хватает. Пока не хватает, я вот тут думаю у Зоны немного земли хорошей попросить для этого дела.

– Как попросить? – не понял Бобр.

– Ну как, как. Тяжело с вами, городскими, – вздохнул дед. – Ну не то чтобы попросить, тут понимаешь, такое дело... я так понял, тебе профессор на Янтаре кой-чего объяснял?

– Да, объяснял, – подтвердил Егор.

– Так вот, я такими словами объяснить тебе не могу, образование у меня не то, – он хохотнул, – но по-свойски скажу, что просить-то у Зоны и не след, надо вот как бы нарисовать, чего желаешь, вот тут, понимаешь? – с этими словами он сделал круговое движение пальцем вокруг шапки-ушанки. – Все, все нарисовать в деталях, а потом показать Зоне. Вот, мол, как хорошо будет всем, если такое сделать, и ждать, понимаешь, не забывать, что ты это Зоне показал, а она потом тебе это возьмет и сбросит откуда ни возьмись. Вот я и хочу, чтобы полянка была хорошая с цветами такими, и чтобы они круглый год цвели, вот тогда и пчелок туда можно будет посадить, и медок будет, и Зона довольна. Она же молодая, не знает еще ничего, посмотрит, как старик радуется, да и самой хорошо будет.

– И что, прям и пчел даст? – недоверчиво спросил Егор.

– Ты кабачки видел? – спросил дед.

– Да.

– А помидоры?

– Видел.

– Так кто, ты думаешь, мне семена да поросль дал? – спросил Лесник.

– Неужели Зона? – ахнул сталкер.

– А кто же еще? Где это видано, чтобы культурные растения с Большой земли тут росли, да еще круглый год?

– А как она тебе прям в домик, что ли, положила? – раскрыв глаза и уши, спросил Егор.

– От ты как маленький, ей-богу, – усмехнулся дед. – Как она тебе их положит, она же... короче, слухай, загадал я как-то вот этих кабачков и помидорки. Все детально расписал, даже запах и вкус вспомнил, показал, значит, Зоне. А сам далее своими делами занимаюсь и по сторонам шукаю. Мол, жду, где оно проявится. Через недельку забрался я как-то к старой часоленке. Есть тут недалеко, еще лет сто назад построенная из дуба и камня. Я ее проведываю, подправить где что, подновить, ну для души, понимаешь? Так вот, гляжу, а рядом с ней зеленка какая-то из-под подстилки пробивается, да шибко так, ковром прям. И листья такие странные, вроде как неместные. Смекнул я тогда, что вот оно, то, что заказывал, выкопал осторожно, принес... ну а дальше ты знаешь, – закончил дед.

– Что, и с яблонями так?

– И с яблонями.

– И с укропом?

– И с укропом, и со всем остальным, что доселе Зоне неизвестно. Не глупи, сталкер, – рассердился вдруг дед. – Не делай себя глупее, чем ты есть. У тебя это хорошо получается.

Бобр кивнул. Да, реальность Лесника была настолько проста и ошеломляюща, что он на время потерял способность мыслить.

– Ага, ну вот и пришли! – объявил дед.

К этому времени стало совсем темно, и сталкер с трудом различал силуэт Лесника в фуфайке и ружьем на плече.

– Я же ни вижу ничего, – пожаловался он.

– Беда с вами, неучами, – вздохнул он. – На, пользуйся, – он подал ему знакомый артефакт размером с гусиное яйцо.

Восстановив зрение, Егор увидел толстое бревно, по диагонали перекрывшее родник. Вода, упершись в ствол, текла вдоль него и уходила от старого русла куда-то в лес.

– Давай, Егорка, подсоби, – скомандовал дед, нагнувшись к бревну. Вдвоем они, кряхтя, перетаскивали его в сторону. – Вот и ладно, вот и хорошо, – сказал дед, отряхивая друг о друга ладони. Пошли дальше.

– Кабанчики? – спросил Егор.

– Кабанчики, кабанчики, – кивнул дед.

Прогулка по ночному лесу, хлопоты по хозяйству сделали его словоохотливым и добродушным. Он находился в своей тарелке, можно сказать, у себя в огороде и теперь хозяйским взглядом, с чувством и толком, наводил принятый им порядок.

Через полчаса впереди показалось небольшое лесное болотце метров двадцать в диаметре. Поросшее осокой. Из болота доносились перехрюкивание и редкий визг.

– Ага, половина в болоте, половина в подстилке. Вон там, – указал он рукой влево от себя.

Прислушавшись, он три раза хлопнул в ладоши. Вдалеке, действительно в той стороне, куда указал Лесник, раздался дружный визг, хрюканье и треск. В болоте тоже произошло оживление.

– Постой пока тут, – указал он сталкеру, – и ты, Пес, тоже постой, охраняй гостя.

– А если убежит? – спросил сталкер, неуютно чувствуя себя, ощущая ногами усиливающуюся дрожь земли от приближения кабаньего стада.

– Не убежит, это же чернобылец, а не шавка дворовая, – Лесник внимательно посмотрел на сталкера и успокоительно добавил. – Они телепаты, картинки четко понимают и задание выполняют. Так что не дрейфь, для него это кабанье стадо даже на развлечение не потянет, – сказал Лесник и пошел к озерцу.

Шум и треск нарастал. Из болота, раздвигая и вминая осоку в грязь широкими раздвоенными копытами, начали появляться кабаны. Похрюкивая, они тянули свои рыла к человеку, некоторые обнюхивали его ноги влажными пятаками. Со стороны леса выскочило еще голов тридцать упитанных кабанчиков под два центнера весом с огромными клыками.

«Да, это тебе не те кабанчики, что возле периметра, это уже лесные», – понял сталкер, глядя, насколько местные кабаны крупнее тех, что он привык видеть возле периметра. А те, что возле периметра, с легкостью достигали веса за двести килограмм. «Этим расти килограмм до трехсот и больше», – со смешанным чувством восхищения и трепета подумал Егор. Несколько кабанов отделилось от стада, вышедшего из леса, и направилось в сторону стоящего человека. Тревожно хрюкнув, они остановились в нескольких шагах от Бобра, потягивая носом воздух и водя рылами с торчащими изо рта клыками из стороны в сторону. Чернобылец, лежащий в ногах у человека, глухо заворчал. Кабаны вздрогнули, коротко, испуганно хрюкнули, задрали вверх морды и, толкая друг друга рылами, развернулись и побежали в сторону Лесника. Лесник, возвышающийся над стадом, наверное, под сотню голов, что-то приговаривал, похлопывая зверей. Вскоре он нашел того кабана, которого искал, и, схватив одной рукой его за пятак, ласково приговаривая, вогнал иглу с лекарством в район лопатки, кабан удивленно хрюкнул и дернул шкурой. Лесник, продолжая вводить лекарство, что-то негромко внушал мутанту, наконец, дело было сделано, и дед начал выбираться из толчеи.

– Фух, – выдохнул он. – Пойдем теперь на пасеку. Не та пасека, где пчел еще нет, а та, где у меня аномалии редкие да стабильные стоят и тропинки протоптаны.

Пес встал и потрусил в новом направлении, Лесник пошел

следом. Сталкер, несколько раз оглянувшись и различив, что часть кабанов завалилась спать, где стояла, другая часть поперла обратно в болотце, успокоился и, более не оборачиваясь, зашагал за дедом. Еще через некоторое время они вышли на опушку, засеянную аномалиями. Взрытая аномальной активностью земля, из которой, словно когти исполинской руки, торчат выдавленные пласты земли, так и не упавшие на землю, поддерживаемые со всех сторон разнознаковой гравитацией, воронки, трамплины, мясорубки, карусели, жарки, замораживающие в момент ока обливионы, целая россыпь кислотных симбионтов, скользящие ножи неизвестных и невиданных до этого аномалий, аномалии, затемняющие воздух, аномалии, засвечивающие воздух, и многие другие, не поддающиеся глазу человека, теперь были видны сталкеру благодаря артефакту, лежащему за пазухой.

– Поле чудес, – выдохнул сталкер. – Не представляю, как можно даже подумать что-то искать в аномальном поле такой плотности, что даже пласты земли, вздыбившиеся однажды, не могут упасть на землю.

– Поле чудес в другой стороне находится, я здесь его меньший брат, даже троюродный и еще в пеленках, – хитро улыбнувшись, сказал Лесник. – Ну что, как будешь артефакты добывать? – спросил он Егора.

– Я? – удивился Бобр, но потом решил, что Лесник просто так глупости не спросит, задраил «Сеvu».

Сталкер активировал все системы и пошел в обход опуш-

ки. Более полчаса мыканий и киданий болтов во все предполагаемые места проникновений, где тут и там виднелись светящиеся сгустки артефактов, не вызвали ничего, кроме возмущенного рева аномалий, безудержных сотрясений воздуха и спешного отступления сталкера на безопасную дистанцию. Лесник тихонько посмеивался в бороду и курил сигарку.

– Ну что, набаловался? – спросил старик, в глазах которого поблескивали искорки сдерживаемого смеха.

– Непрístupна как... – Егор не подобрал слова и замолчал, пожав плечами. Такого видового скопления, плотности и заряженности аномалий он еще не видел. Хотел почесать лоб, но рука ткнулась в стекло. Разгерметизировался, – не знаю, Глеб Борисович.

– Эх, молодежь! – Лесник расхохотался. Пес, поймав его настроение, завилял хвостом и начал крутиться вокруг деда. – Всему вас учить надо. Ну говори, какое место здесь самое трудное.

– Да наверно вот тут, – Бобр указал на место, где воздух, словно стеклянный, не давал упасть спекшейся земле.

Дед хитро глянул, снял ружье, вещевой мешок и, не спеша, приблизился к стене плотного, словно спрессованного, воздуха. Постояв немного спиной к сталкеру, он чуть-чуть сместился в сторону и боком вошел в плотный воздух. Воронка позади него потемнела и начала набирать обороты, еще секунда, и она схватит его. Сталкер порывисто шагнул

вперед, вытянув руку, словно желая окликнуть и предупредить деда. Но Лесника несколько не смутило происходящее в шаге позади, он продолжил двигаться дальше боком, мелкими приставными шагами, пригнувшись, и, пропустив что-то над головой, он скакнул вперед, вызвав включение еще одной аномалии, от которой заложило уши. У Егора сжались внутренности, мысли оцепенели, он отказывался верить в происходящее. Наступила зловещая тишина, Лесника нигде не было видно. Бобр продолжал крепиться и не поддаваться панике, наконец, где-то уже в другой стороне поляны что-то бумкнуло и раздалась целая серия электрических разрядов. Задраивая костюм, он побежал на другую сторону. Там, на другой стороне светилась и жалила зелеными молниями огромная симбионтная электра, толстые щупальца ее били в землю, оставляя кислотные подпалины. Выглядело это так, словно живое существо хотело поднять свое тело на зеленых ногах. Недалеко от нее на корточках сидел Лесник. Бобр с ужасом посмотрел на него, дед успокаивающе поднял руку. Через секунду он поднялся и спокойно прошел между двумя ударами кислотных молний в землю. В его фуфайке, которую он подвернул к животу и придерживал одной рукой, светилось горой света целая куча зеленых, малиновых, синих, белых артефактов. Лесник вышел к сталкеру, у Бобра, лицо которого было закрыто стеклом, не только отпала челюсть, но, по всей вероятности, сам мозг развернулся и встал мозжечком ко лбу. Лесник постучал пальцем по забралу.

– Ау, есть кто дома? – спросил он и, видя, что реакции нет, поскольку Егор так и стоял, выпучив глаза, нелепо раздвинув руки и ноги. Лесник подождал еще несколько секунд и постучал в стекло еще раз. – Алло, барышня, который час?

– Два сорок пять, – хрюкнуло из переговорной мембраны.

– Ну вот я и смотрю, что поздно, негоже такой даме в такой час невесть где ошиваться, – пошутил дед, ожидая, когда сталкер придет в чувство. Наконец, забрало отъехало в сторону и утонуло внутри капюшона, открыв лицо сталкера. – О, смотрите, не барышня, Егорка! Пошли, Егорка, нечего тут себе памятник делать.

Бобр на плохо гнущихся ногах пошел за дедом. Лесник высыпал свою добычу на землю. Артефакты засияли разноцветными неземными цветами. Больше половины сталкер даже и не видел, возможно, и ученые не видели некоторые из них.

– Вот смотри: «жемчужина», «блеск», «мокрица», «коралл», «тыковка», «аксельбант», он же «румпель», это вот «мамины бусы», «лунный свет», «золотые рыбки», ага, а вот и оно «колокольчик» или «конец смены», – перечислил их всех Лесник. – Знаешь, сколько это стоит?

– Нет, и знать не хочу, – серьезно ответил Егор. – Валера сказал, что все беды у нас от того, что кажется, что всегда мало. А у меня достаточно.

Лесник, прищурившись, посмотрел на сталкера.

– Молодец. За это получишь ответ на вопрос. Спрашивай.

– Как можно было пройти сквозь это? – сталкер качнул головой на аномальное поле.

– Садись, – предложил дед, хлопнув ладонью по земле, – где мой табачок? – Раскурив сигаретку, он начал: – Я тебе сложно не смогу сказать, но по-своему объясню. Где самое безопасное место для блохи на собаке? Правильно, у нее на голове, вот так и тут. У каждой аномалии есть слепое пятно, на которое она не может повлиять или дотянуться, и не одно. Даже у подвижных. А если аномалии вот так друг на друге стоят, то они, стало быть, друг друга толкают, особенно если аномалии мощные и старые, они тогда становятся как старый лес, вроде нашего Рыжего. Все деревья большие, друг друга ветками задирают, наверх лезут, а снизу места много оставляют, столько, что мы с тобой, Егор, запросто там гуляем. Усек? А если аномалии мелкие да молодые и не окрепшие, то получается, что мы как будто в молодняке или в кустах каких проход ищем. Тогда, сам понимаешь, там или ползком, или в таком, как у тебя костюмчике, чтобы, стало быть, не поцарапало да не подрало. Ясно?

– Ясно. А как эти слепые пятна увидеть?

– А вот это главный вопрос! Сейчас отдохну и покажу, – ответил Лесник, докуривая папиросу.

Через час хождения вокруг и частично внутри аномалий, слушая уроки деда, Егор понял, что за эту ночь он узнал об аномалиях больше, чем за все время пребывания в Зоне. Да и откуда ему можно было узнать? Определил болтом, куда

наступать, подобрал, что имеется, и бежать к следующей или назад, пока мутанты или бандосы не появились.

– Да, наука, – сказал Бобр. Затем, повернувшись к Леснику лицом, он с чувством протянул ему обе руки и произнес, тряся крепкую мозолистую сухую руку: – Спасибо, Лесник, за все!

Дед крикнул и улыбнулся. Перекусив салычем с хлебом, изредка подкидывая чернобыльцу нарезанные кусочки, они отдохнули.

– Ну, теперь пора и за добровольцами, – сказал дед.

– Какими добровольцами?

– Взамен Яшки и Борьки. Кто-то же должен у меня за той делянкой приглядывать от срамного люда.

– А что, есть такие, которые в лесу еще и того... шалят? – недоумевая, спросил Егор.

– Есть, есть. То Свобода придет, то долговцы, то сталкеры ваши. Найдут домик или землянку, переночуют, а сами где растяжечку выставят, где самострел соорудят, значит, мол, хатка наша и никто не заселяйтесь. А обо мне они не думают, все друг с другом воют. Вот у меня видишь? – он показал старый шрам во всю щеку. – Свобода самострел поставила. Вначале растяжечки-то я убирал, ну, думал, побалуют и обойдется, вроде как не со зла, а потом вот на самострел нарвался, да еще и в живот заряд получил. Хорошо «золотые кольца» с собой были, а то даже у «души» сил бы, наверное, не хватило старика восстановить. И помощничек рядом со-

образительный оказался, вот и остался я жив, но с того дня решил в каждую делянку, землянку по охраннику ставить, негоже мне старику по чужой дурости мучаться.

Егор промолчал, с другой стороны, со стороны Лесника, посмотрев на все междоусобные войны, ведущиеся в Зоне. Действительно глупости. Бегают все, выживают, друг за дружку из страха как будто держатся, поскольку, если по одному быть, то набегут те, у кого дубинок больше, и уведут всех баб. А что мешает уже здесь, в Зоне, где, по сути, нет ничьей власти кроме ее самой, пользоваться ее возможностями, пользоваться Монолитом, который разработали советские ученые для построения светлого будущего? Да тут если одного Лесника послушать, так всю Зону цветами засадить можно. Ой, прав был Валера, не верит в себя человек.

– Ну что, пошли, что ли? – обратился к сталкеру Лесник.

– Я готов, – ответил сталкер, вскочив на ноги, уж очень ему хотелось узнать, как это себе Лесник будет набирать добровольцев.

Лесник выбрал направление, пустил вперед Пса и двинул за ним. Пес уверенно пошел в темноту, нюхая землю и слегка помахивая хвостом. Теперь их вначале тихая и просторная дорога начала меняться на бугристую со множеством ям и воронок, словно ее бомбили крупным минометным огнем. Под ногами стало появляться все больше сушняка, появились новые беспокойные запахи разлагающейся плоти, плесени, тлена.

– Где мы? Куда мы идем? Это уже не Лес? – спросил встревоженный сталкер. Взглянув на ПДА, он увидел, что радиоактивный фон значительно повысился.

– Это Лес, одна из его черных клеток, – ответил старик. – Понимаешь, Рыжий Лес – он не весь такой праздничный и веселый, где мы с тобой ходили. Он как шахматная доска, клетка белая, клетка черная. Вот я свои домики только в белых клетках держу, там же и хозяйство.

– А что в черных клетках?

– В черных клетках собирается армия Зоны. Вся злость человеческая стекается в эти места и заряжает зверей. Звери на этой злости лютыми становятся, хитрыми и сильными, одно слово, мутанты. А потом случается Выброс, и начинается гон. И гонит Зона пропитанное ненавистью зверье на людей, а там уже гарнизоны их встречают.

– А как сюда зло стекается? – спросил Егор.

– Не знаю, это, наверное, ученые, те, что Монолитом управляют, за человечество борются. Вначале не было черных клеток, весь лес одинаковый был, а потом после Выброса заметил я, что местами лес меняться стал, и мутанты там как будто другие, труднее с ними сладить. Но ничего, я привыкши.

– А как это за человечество бороться и мутантов на периметр гнать? – усомнился Бобр.

– Я тебе не профессор, он хорошо скажет, а я по-свойски, как умею. Скотина-то что? У нее мыслей плохих не водится,

ей бы поесть, поспасть, да чтоб не трогал никто, она и добрая становится. А человека сколько не корми и не пои, он все хуже и хуже делается. Вот те, что Монолит построили и на ЧАЭС залегли, вроде как придумали нейтрализовывать такую человеческую энергию через животных и мутантов, поскольку как бы далеко человек ни находился от Монолита, а каждый человечиска на него влияние имеет. Значит, рано или поздно может мыслишка его нехорошая в Монолит на исполнение достучаться. А в черных клетках как-то мысли человеческие оседают, вроде как в фильтре, установки там монолитовцы свои поставили, антенны, значит.

– Как на выжигателе?

– Нет, не как на выжигателе, от этих просто тошнить начинается и ослепнуть можно. А мутант, значит, на этой злой человеческой энергии растет, жиреет и в то же время часть ее превращает в обычную, не злую, значит, не знаю, как устроено, не мое это. Ну вот навродь, поел он сытно и доволен, трансформировал ее стало быть без последствий в живую массу и отрыжку сытую, да кроме того, сколько мутант бы не злился, Монолит его не услышит, не настроен аппарат на прием. Но, однако, злоба-то оседать в мутанте не может долго, Зона, значит, регулировать должна, как накопиться выше нормы, так Выброс и гнать их отсюда, из черных клеток на уничтожение.

– А что их всех в аномалиях нельзя уничтожить? – спросил Егор, – обязательно на периметр?

– Ну вроде как да, если мутант здесь глубоко в Зоне в аномалии кончится, то вроде как и не разрядился он. А если с ревом и яростью, да с криком, да с устатку на периметре кончится, то вроде вот так как надо. Стало быть, трансформировал человеческую злость в физическую энергию скотины живой. Звериная энергия-то примитивная, мне Болотный Доктор кое-что рассказывал, он по этому вопросу большой знаток. Ну стало быть, так вот за человечество и борются, чтобы мир был. Я так понимаю, те ученые, что там в автоклавах залегли, еще и не такое придумают, там еще старой закалки люди, за мир, за идею... не то, что нынче.

Так, переговариваясь, они постепенно дошли до совсем глухого места. Куча поваленных деревьев, наполовину увязших в болотной воде, сильный запах нечистот и гнили, неравномерные хлопки аномалий, огромные завалы жгучего пуха обрисовали что-то вроде поляны. Егор произвольно встал поближе к Леснику. Лесник, глянул на Пса, и тот встал за сталкером. Дед опустил голову и к чему-то прислушался, затем три раза широко и громко хлопнул в ладоши. Черный лес оживился, сразу из нескольких мест раздались звериные рыки и трескание ломающихся под лапами сучьев. Круша гнилые пеньки и бревнышки, прорывая тонкое сплетение подлеска, на середину поляны выскочил псевдогигант. Вылетев на середину поляны, он уставился круглыми отсвечивающими глазами на старика, затем, заревев, пошел на него, громко хлопая ногами по земле, разбрызгивая грязь из

черных луж.

– Смотри-ка, топтыга какой рассерженный, – буркнул дед. – Чего взбеленился-то? – вдруг строго и громко прикрикнул он на псевдогиганта. Топтыга, словно получил бревном по голове, хотя, возможно, даже бревно не смогло бы произвести такой эффект. Он вздрогнул. Беспомощно захлопал глазами и остановился, его маленькие ручки, воинственно выставленные в сторону, вдруг прижались к телу. Шумы и шорохи вокруг тоже стихли. Даже Егор вздрогнул и растерялся от такого голоса старика. – Смотри какой... – недовольно добавил дед. – Уходи! – сказал он.

Псевдогигант замялся, дед сорвал прутик, подошел к нему и стукнул прутиком промеж глаз.

– Давай, давай, разворачивай свой баркас! – уже мягче, но все еще грозно сказал дед. Лесник, человек немаленького роста, был на уровне рта псевдогиганта. Топтыга неуверенно и как-то просяще стал разворачиваться. – Давай, давай, – он хлопнул его прутиком по спине. Вряд ли мутант действительно ощутил место касания прутика, но он, как-то сторбившись, насколько это позволяла ему его фигура, словно обиженный, уплелся в глубь леса.

Другие мутанты, вдруг выскочившие на поляну, вели себя спокойней в меру своих возможностей, несколько snorkов, севших возле поваленного бревна, тревожно и глухо ухали, раскачиваясь из стороны в сторону, пара кровососов, издающих харкающие звуки в режиме невидимости, возбуждено

бегали на отдалении позади сталкера, еще дальше, в той стороне, куда ушел псевдогигант, среди деревьев показалась и остановилась фигура человека, из-за нее показалось три таких же огромных пса, как тот, что стоял возле Егора. Бобру стало не по себе, почему-то вспомнился старый фильм «Вий», там, где человека от нечисти охранял лишь круг, нарисованный мелом на полу, а здесь этим кругом являлся сам Егор, контролирующий свой страх и привыкающий к новому отношению с мутантами. Лесник вернулся к Егору,

– Ну вот, это те, что были недалече.

– Дед, а кто это там, – спросил Бобр, не решаясь показать пальцем на человеческую фигуру, окруженную тремя чернобыльцами.

– Никто, – коротко ответил дед, взглянув на фигуру. Фигура начала медленно разворачиваться. – Так, кто тут у нас еще? – спросил он почти весело, но от его голоса, сталкер чувствовал себя так, как будто ему стоит сесть рядом со снарками и ждать своей очереди.

Дед подошел к сидящим возле бревна снаркам. Они взволнованно притихли, крутя своими головами с бликующими стеклами глазниц. Помахивая прутиком перед снарками, он хлопнул одного из них по голове, тот восторженно присел и выполз из строя. Лесник отвернулся от оставшихся снарков, они разочарованно загудели.

– Та-а-ак, – по-хозяйски протянул он. – Теперь охотники.

Две безостановочнодвигающиеся прозрачные фигуры

остановились, помигивая угольками глаз. Лесник подошел к кровососам, пристально взглянул в глаза одному, тот отвернулся, Лесник вплотную подошел к другому кровососу с оторванным щупальцем, не отрываясь глядя в глаза. Через секунду тот затрясся всем телом, но не отвернулся. Старик хлопнул его прутиком по плечу

– Идем, – совсем уже по-доброму сказал он.

От этого звука Егору захотелось смеяться, настолько вдруг посветлела атмосфера, и даже воздух стал как будто чище. Пес встал и потрусил по тропинке, откуда они пришли, Бобр спешно двинулся за ним, Лесник замыкал процессию. Выбранный кровосос и snork не появлялись на виду.

– А где эти... добровольцы? – оглядываясь, спросил Бобр.

– Сзади.

– А почему не видно?

– Боятся еще, не знают, как себя вести, вот и перебираются сзади от дерева к дереву. Теперь только завтра с утра их учить начну, – Лесник зевнул. – Устал я сегодня. Всегда устаю, когда выбирать приходится.

– Учить? А чему?

– Ну как чему? Где ходить, где не ходить. Чтобы лишний раз на сталкеров не нарываться, какой объект охранять, и как охранять, и от кого. Бывает, что и раненый человек, и отчаявшийся к домику подходит, тут его уже обижать нельзя. Тут один за ним приглядывать должен, а другой за мной бежать. Кого из зверей не обижать, а на кого зуб точить, да

много еще всякого. Так сразу и не перескажешь.

– Да... дела, – задумчиво сказал Егор. – Я думал, только Болотный Доктор так со зверями договаривается.

– Договаривается? – дед засмеялся. – А ты сам неделю назад не пробовал, прежде чем за ружьишко-то хвататься, сначала со зверем поговорить?

Бобр покачал головой.

– Вот то-то и оно. Каждый вояка считает, что звери да мутанты их сожрать хотят. Да на кой им человек с ружьем? А? – старик сокрушенно мотнул головой. – Вот сами из скотины чудовищ налепили, теперь и мучаются. Да если ее подстрелить несколько раз, она что, опять тебе в ножки пойдет кланяться? Вот так и дрессируют люди зверье. Если человек – значит, враг, если много людей – значит, много врагов, тогда и сил побольше надо, тогда Зона и из черной клетки может частичку выгнать... особенно если шибко Большой землей порченные люди идут, тогда точно не пройти им. Вот так-то...

Вернувшись в дом Лесника уже под утро, Бобр, не чуя ног от усталости и избытка впечатлений, завалился спать. Проснувшись в районе девяти часов, он вышел на кухню, где, попивая чай, в полголоса о чем-то разговаривали Лесник и Валера.

– А, проснулись, спящая красавица, – встретил его дед.

– Ага, – Бобр радостно улыбнулся. Вспомнив о мутантах, он начал высматривать в окне вчерашних новобранцев спор-

ка и кровососа. – А где новенькие? – спросил он, не обнаружив никаких признаков существ.

– Новенькие уже на службе, – ответил Лесник. – Я же говорил, с утра учить их буду. Теперь все, курс окончен, солдаты ушли на объект.

– А-а-а, – разочарованно протянул Егор, уж очень ему хотелось посмотреть, как это дед будет кровососа учить.

– Да не переживай, вон Валера все видел, он тебе и расскажет, – успокоил дед.

– Нет, ты лучше, Егор, переживай, – прихлебывая чай, сказал ученый. – Рассказывать бесполезно, это надо видеть!

– Вот елки-палки, – взмахнул руками сталкер и сокрушенно покачал головой. – Ну давайте хоть чайку попьем. Ну надо же... – и сталкер еще раз сокрушенно покачал головой.

Лесник возобновил свой разговор с ученым. Ученый рассказывал, на каком принципе работал самописец, который сталкер всю ночь таскал в рюкзаке. Бобр особо не прислушивался, Лесник же, напротив, спрашивал, уточнял, теперь он уже не был похож на того человека, которым был ночью. Разговаривая с ученым, он стал как будто моложе, легче, стройнее, казалось, ему не хватало очков в тонкой позолоченной оправе, и тогда он будет похож на пожилого интеллигента, аккуратно интересующегося последними новостями. Закончив разговор, во время которого сталкер успел еще и плотно перекусить, Валерий сказал:

– Спасибо вам, Глеб Борисович, за хлеб, за соль, за науку.

Мы все, что хотели, получили. Пора и честь знать. Будем собираться, и назад на Янтарь. Через два-три дня Выброс прогнозируют, надо успеть.

– Ну добро, собирайтесь пока. А то и мне пора в другую часть леса. Там дел еще накопилось, хозяйство, – Лесник подмигнул сталкеру. – Клубника пошла.

Бобр вздохнул, ох как ему хотелось еще остаться с Лесником, это ведь целый кладезь незаменимых и уникальных знаний. За то небольшое время, которое он был здесь, его понимание Зоны перевернулось с ног на голову, а точнее, как сказал Сахаров, «скорее встало с головы на ноги».

– До границы вас Пес проводит, а я времени терять не буду, прямо шас и пойду потихоньку. Вы тут только приберитесь, да дверь камушком придавите, чтоб не хлопала.

Минут через пять Лесник собрался на выход. Старая шапка-ушанка с отвязанными ушами, фуфайка, коричневые брюки, кирзовые сапоги, охотничья вертикалка, торчащая из-за спины, большой вещевой мешок.

– Ну ладно, хлопчики, бывайте, – попрощался он и вышел. Через некоторое время его фигура потерялась среди стволов деревьев.

– Да, Человек! – подняв указательный палец вверх, сказал Валера. – Ну и нам пора, прибираемся, собираемся и в путь.

Спустя короткое время оба сталкера стояли на пороге домика в полном снаряжении. Здоровенный чернобылец, пособачьи подтягиваясь и зевая, вышел к крыльцу, слегка по-

махивая хвостом.

– Ну что, Пес, веди, – весело сказал ему Бобр, и вся компания двинулась в другую сторону, противоположенную той, куда ушел Лесник.

Дойдя до окраины Рыжего Леса, вновь увидев раскинувшееся над ними серое обложное небо и бесплодную серую пустошь, битую дождями и ветром, ученый вспомнил:

– Егор, ты знаешь, АИК все-таки сторел.

– А ну его, – отмахнулся сталкер. – И так дойдем. Пошли?

Пес, стоящий рядом с людьми, понюхал землю и помахал хвостом.

– И тебе пока, Пес, – помахал ему рукой сталкер.

Теперь их дорога лежала через пустынные земли. Две фигуры людей медленно сливались с каменистой поверхностью, покрытой серой подсушенной травой.

Глава 15. Пустые земли. Западня

Мерно двигаясь по пустоши, сталкер время от времени поглядывал на ПДА, аномалии, встречающиеся здесь, он замечал издалека. Мутанты, изредка фиксирующиеся на ДЖФ желтыми значками, не вызывали беспокойства. Мерно прикидывая и корректируя курс, сталкер прикинул, что можно было бы пройти вон между теми холмами, обходить или проходить вверх по холму не казалось ему хорошей идеей, а безмятежное настроение разгоняло все придирчивые и неприятные мысли. Двигаясь к холмам, он заметил несколько желтых точек, разбегающихся в обе стороны холма. «Плоти, наверное, – подумал Бобр, – и чего им так нас бояться?» Дальше он не стал задумываться об этом, к тому же желтые точки вдруг пропали с экрана ПДА. Постепенно приближаясь к проходу, между холмами он заметил следы недавно горевшего костра, потушенного и присыпанного землей. Когда прошли еще двадцать метров, до него дошло, что это значило: и потушенный костер, и разбегающиеся и вдруг исчезнувшие плоти.

– Валера, стой! – тихо сказал сталкер.

– Что случилось? – спросил в полголоса удивленный ученый.

– Засада, Валер. Не двигайся.

Но было уже поздно. Спереди, выбравшись из-под мас-

кирующей и блокирующей инфракрасное излучение пленки, вышли три бандита с автоматами АК, сзади, также скинув с себя пленку, появились еще двое. Взяв сталкеров на мушку, они медленно спустились к ним.

– Клешни в небо, – скомандовал один из них.

– Опа, какие люди к нам колеса прикатили, – сказал тот, что повыше ростом, подходя к сталкеру, глядя на него через прицел автомата. – Кто таков, чьих будешь? А?

– Сталкер я вольный. Бобр.

– Бобр... мужик значит... – протянул тот, что повыше

– Мужик, мужик, я его вжик-вжик, и он больше не мужик, – сказал другой с тонким голоском и радостно заржал. – Ну что, муженина, стоишь на? На колени на! Щас я тебя оприходовать буду. С этими словами он порывисто сделал шаг в сторону сталкера.

Бобр остался стоять, подняв руки, не обращая внимания на дергания бандита. Валера, стоявший рядом, только сплюнул.

– Ой, а это что за хмырь так неуважительно о нас тут думает? А? – поинтересовался мелкий с тонким голоском. – Отвечай, сука! – с этими словами он ударил ученого в открытое лицо прикладом.

Бандиты радостно засмеялись. Валерий пошатнулся, но устоял.

– Валерий Степанович. Ученый. Янтарь, – спокойно сказал он.

– Ой, ой, ой. Смотри-ка кто тут у нас уче-е-еный, – с этими словами мелкий сильно ударил Валеру прикладом в живот, заставив его упасть. Мелкий тут же ударил упавшего ногой в живот еще раз. – Всю жизнь хотел ученого взгреть, – весело объявил он под довольный гомон кучки.

– Опарыши, – сказал ученый, откашливаясь и вставая.

– Опаньки, янтарные нас все равно не уважают? – глумливо спросил мелкий. – А чего это такие люди и без охраны? – заглядывая в глаза, спросил он. – Щас бы тебе твои мордороты сохатые пригодились...

– А мы и без охраны погулять можем, – ответил Валера, очевидно, понимая, что терять уже нечего.

– Смотри-ка, Толстый, среди безъяичных вроде с яйцами появились? – улыбаясь, мелкий обратился к тому бандиту, что был повыше ростом и стоял ближе к сталкеру. – Мутация, что ли, новая, – сказал он и радостно заржал под веселые нунуканья подельников. – Сымай «Севу», козлина, – крикнул он на Валерия, – и ты сымай, баран на... – повернул он ствол на Егора. – Не заставляй меня костюмчик портить.

Остаться в глубокой Зоне недалеко от Рыжего Леса без костюма и без оружия, и даже без обуви, где конечная точка будет только Янтарь, может ли человек представить это? Егор кивнул, так не хотелось ему пытаться начинать договариваться, пытаться разжалобить этих... действительно опарышей из самого септика человеческой жизни. В конце концов он уже, оказывается, давно перестал бояться Зоны, и са-

ма мысль о смерти в ней почему-то не казалась ужасной. Ведь было так интересно заглянуть за ту черту, которая обрисована им самим и чередой его выборов, которые многие зовут судьбой.

Посмотрев на Валерия, он увидел на его лице полное спокойствие и уверенность. Они оба расстегнули и сняли комбинезоны, оставаясь в одном нижнем белье, трепещущем на холодном ветру.

– Опа, а как же концерт? – вдруг гнусаво занял один из бандитов – Я хочу концерт, чего они не начинают?

Главный, тот, которого вскользь упомянули Толстым, с интересом подошел вплотную к сталкеру, посмотрел ему в глаза, точно так же посмотрел на ученого.

– Слышь, Косой, – обратился он к мелкому, – а ведь они не понтуются. Реально могут вот так в одних трусах на Янтарь пойти, и пойдут, – озадачено сказал он. – Токта паровоз! Косой, у тебя сколько сталкеров было, которые вот так с себя комбезы сымали и не ссались?

Косой неуверенно улыбнулся и ответил:

– Ни одного, кажись.

– Вот и у меня ни одного, – не отрывая взгляда и раздумывая, сказал главарь. – А что это значит?

– Что? – подозрительно уставился на сталкеров мелкий.

– Это значит, что они или мутанты, или шатуны, или аномалии ходячие, – предположил он.

Мелкий, коротко разбежавшись, вдруг ударил сталкера в

пах. Егор упал на колени и застонал.

– Не, не мутанты, – радостно объявил мелкий под ржание товарищей. – Люди! Я проверил.

– А вот ты, по ходу, мутант, – переводя дыхание, еще не в силах подняться, прошептал Егор.

Мелкий, как будто не слыша, осклабился.

– Молодец, – похвалил мелкого главарь за находчивость.

– Давай в расход их и делов, – подал гундосый голос один из бандитов в респираторе. – Костюмчики на них знатные, без дырочек, легко на них штук сто подыдем.

– Да, «Сева» у них, я смотрю, обкомовская на, жалко, не мой размерчик, – посетовал мелкий.

– А ты перешей, – посоветовал ему уже другой бандит в таком же, как и у первого, респираторе.

– Охренел, что ли? – возмутился мелкий. – Чтобы я пацанский прикид на мужицкую сбрую поменял? А вот винт возьму, винт мне понравился, – обрадовался он, отступая и трогая ногой «Чейзер» сталкера, – сразу видно, игрушка дельная. Что, жалко тебе ее отдавать, а, сталкерок без порток? – спросил он и, обрадовавшись своей шутке, заржал. – Небось чистил своего винта-то день и ночь?

– Не жалко, у меня еще есть, – ответил Егор.

– Точно! – щелкнул пальцами главарь, – у них тут схрон недалече, пацаны! Они ща до схрона смотаются, сохатых вызовут и будут ждать. А те прискачут и пожалеют голубчиков.

– В расход тогда, – снова подал голос гундосый бандит в

респираторе.

– Не, погоди, пусть схрон покажут. Позырим, чего там есть. Сталкерок знатный, по ходу, верняк у него там припрятан. Покажешь? – спросил он у сталкера. – Я тебя отпущу тогда, а этого козла, – он кивнул на ученого, – шлепнем, и чисто все. Никто не узнает.

– Покажу, – ответил Бобр, прикидывая в какую сторону увести бандитов. Про действительный схрон долговцев он даже не думал. – Вы только козла тут оставьте, пусть он сам себя шлепнет в ближайшей воронке, куда он без меня теперь.

Валерий, сверкнув глазами, посмотрел на Егора.

– Не ожидал я от тебя такого, друг! – сказал он.

– О, это уже наш разговор, – обрадовался такому блестящему подтверждению своей догадки главарь. – Слышь, пацаны. Все нормально, сталкерок за свою жопу переживает, даже пугать не пришлось. Концерт окончен. Этого тут оставить, пусть прогуляется. Смотри не простудись, – добавил он. Бандиты весело заржали.

Свернув комбинезоны, отобрав и проверив рюкзаки, они накинули это все на двух замыкающих. Бобру дали старые разбитые ботинки, а его новые защищенные берцы забрал один из банды. И так, безоружный, в одном лишь нижнем белье и старых ботинках, обдуваемый холодными ветрами, оставляя товарища в таком же положении, он отправился показывать бандитам схрон. Единственное, что он ощутил, это сначала удивление, а потом понимание и признательность

его товарища, когда сталкер, вместо того, чтобы пойти налево к действительному долговскому схрону, свернул направо и повел их вдоль Рыжего Леса.

– Ну что, сталкерок, не страшно? – спросил главарь впереди идущего сталкера.

– Не очень, – ответил сталкер. – Только холодно.

– Ты смотри, – в очередной раз удивился главный, – не очкует. Эй, Попандопала, – кликнул он одного бандита, шедшего сзади.

– Чего? – буркнул недовольный голос.

– Ты зырь, как по Зоне надо ходить. В двух метрах от воронки прошел и хоть бы хны, а ты их за километр оббегаешь.

«Хм, два метра, да я и ближе бы прошел, если захотел», – подумал Бобр. Ему стала любопытна эта история, он, словно с расстояния в несколько метров сверху, смотрел на шествующую за ним процессию. Вот спереди среди серых камней и подсохшей травы идет небритый мужик в разбитых ботинках, подштанниках и майке, за ним, на дистанции в три метра и держа его спину, защищенную лишь майкой, на мушке, идет рослый бандит в каштановом плаще до пят. За рослым идет мелкий в бандитской черной куртке и трикошах, за мелким идут два одинаковых бандита в камуфляжных куртках, штанах и бронежилетах, закинув автоматы на плечо, и последним идет еще один бандос в плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Замыкающий постоянно нервно оборачивался и старался незаметно от других приглядываться к фляж-

ке, потому, наверно, и выбирал быть замыкающим. Опять же каким-то верхним зрением он увидел россыпь электрических образований среди растасканной кучи мусора на склоне засоренного камнями холма.

– Туда, – сказал сталкер и взял направление на электро.

Главарь, сверившись с ПДА, кивнул сам себе, ниче, нормальное место. Бобр шел, не поднимая головы, изредка спотыкаясь о кочки и лежащие камни.

– Толстый, тут собаки недалече появились, – раздался голос сзади.

– Сколько, где? – спросил он

– Да штук двадцать, наверно, справа триста, – ответил тот же голос, отмечая направление и дистанцию.

Главарь закрутил головой, соображая, что делать. Заметив небольшую, практически чистую возвышенность слева, он скомандовал бригаде:

– Туда.

Бандиты синхронно развернулись и побежали к возвышенности. Мелкий на бегу прокидывал болты. Дорога была чистой. Бандиты встали полукругом, ощетинившись калашниковыми и гадюками, мелкий взял дробовик Егора. Собаки приближались. Скоро среди серой скудной растительности с засохшими многолетними кустами полыни показались собачьи спины.

– Сюда иди, сталкер, – приказал мелкий и поставил Бобра впереди полукруга бандитов, ближе к подступающим мутан-

там. – Сядь, вот, возьми камень, будешь меня охранять.

Бобр сел на торчащий из земли плоский камень и устался на землю. Мелкий сплюнул. Главарь открыл огонь, когда до слепых псов оставалось меньше пятидесяти метров, его тут же поддержали автоматным огнем остальные. Собаки, через секунды плотного заградительного огня и попаданий, сломали свои ряды, несколько скуля, катались по земле, остальные, разделившись на два потока слева и справа, начали обходить людей. Огонь не прекращался, вот уже слышались выстрелы дробовика Бобра. Собачьи ряды редели, псы, потеряв в плотном огне больше половины своей численности, потеряли уверенность и дали стрекача после того, как первые из них в ближнем бою были застрелены в упор. «Да... опарыши-то здесь покрепче», – все так же равнодушно подумал Егор. Сами опарыши, как называл про себя бандитов Егор, довольно поулюлюкали вслед убегающим мутантам. Главарь опять с интересом посмотрел на даже не шевельнувшегося сталкера.

– Вставай, пошли, – скомандовал главарь.

Бобр встал и направился по направлению к уже виднеющимся для него аномалиям. Приближаясь к разбросанной куче мусора, среди которой гарцевали электроны и солидно крутили травинки две воронки, сталкер остановился.

– Че встал на? Где схрон на? – возмутился мелкий.

– Тут ключи от схрона, – ответил Бобр.

– Какие, на хрен, ключи на? Ты че паришь на? – фальце-

том закричал мелкий и попытался ударить сталкера прикладом в спину.

Рука Толстого перехватила замах.

– Уймись, Косой. Говори, сталкер, че ждем?

– Схрон общаковский, ключи в разных местах прячутся, с собой не носим, – ответил Бобр.

– Опа, качан общагу ломит! – довольно произнес мелкий. – Давай, сука на, бери свой ключ.

Бобр пригляделся к куче мусора, где бы поискать ключ. Выбор пал на ржавый остов УАЗика, без колес и стекол, спокойно догнивающий свой век. Сталкер подошел к остову, открыл дверь водителя, та бесшумно открылась, на полу среди пыли, битого стекла и старых носков лежал согнутый зигзагом электрод.

– Вот ключ, – сказал он, показывая опарышам электрод.

– Этот? – с сомнением произнес главарь. – Эй, Житуха, глянь, че за железка у него.

До сих пор молчащий и замыкавший колонну сталкер отделился от группы и подошел к Егору. Егор положил в протянутую руку электрод, при этом уверенно думая, что даст самый настоящий ключ от хитрого самодельного замка. «Вон даже потертости блестящие видны», – сам про себя подумал он, представляя, как должны выглядеть потертости, и уставился в места сгиба электрода. Через секунду на местах сгиба действительно проявились блестящие полосы потертостей, словно электрод просовывали в близкое с ним по раз-

мерам отверстие и крутили его там. Житуха посмотрел на электрод с одной, с другой стороны, пошаркал ногтем потертости и вернул сталкеру. Отойдя на пару шагов назад лицом к Егору и только потом развернувшись, встал на свое место.

– Ну че, брешет фраерок? – примеривая в руке «Глок» сталкера, спросил мелкий.

– Вроде нет, – ответил Житуха.

Толстый посмотрел на сталкера и сплюнул. Егор даже не удивился такому стечению обстоятельств, приняв на веру однажды слова Сахарова, он теперь видел, как просто и элементарно работает Монолит. Место веры, однажды сказанное, просто и естественно заняло знание. Легкая улыбка коснулась его глаз. По-своему истолковав улыбку сталкера, мелкий заорал:

– А, терпила, что, рад, что ключик-то нашел? А то я бы тебя... – с этими словами он направил «Глок» в голову Бобру, – бух!

Бобр развернулся, чтобы не рассмеяться в голос, да, теперь они в его руках, пусть он беззащитен перед ними, но он владеет их разумом, он владеет своим разумом, он знает, что установка Исполнитель Желаний уже четко улавливает его мозговые волны, надо лишь направить, их определить форму и ясно дать указание.

– Пошли, чего встали? – бросил он, не оборачиваясь и не ожидая, пошел в сторону ЧАЭС.

Не спеша огибая аномалии, практически не пользуясь ка-

мушками и землей, чтобы определить их границы, он пробирался, интуитивно выбирая себе дорогу. После его понимания работы Монолита что-то произошло с ним, как будто он получил доступ к еще одному взгляду сверху, как будто он мог смотреть глазами Зоны, это было удивительно, приятно и в то же время воспринималось им как что-то само собой разумеющееся. Главное – это было не задумываться над механизмом такой возможности и не пытаться специально понять, как это происходит, иначе делать это становилось сложнее. Несколько раз он, теперь уже осознанно, всплывал наверх к позиции наблюдателя, глядя с темно-синего грозового неба, он выбрал зев старого заброшенного тоннеля, но до него было идти еще далеко. Бандиты следовали за ним следом, не меняя порядок. Прикидывая, как можно использовать энергию Монолита, все сильнее пронизывающего пространство, он вдруг вспомнил Пса Лесника. «Да и точно! Нужен Пес», – Бобр, шагая практически нагишом, все полнее чувствовал всем телом пронизывающие, словно высокочастотные вибрации, волны незнакомой ему энергии, словно он проходил через водяной поток, но вода была слишком легка, чтобы давить и толкать его. Он не стал отмахиваться от этого ощущения, принимая его за нечто несуществующее и самообман. Сосредоточившись на этом ощущении, он усилил его до такой степени, что ему стало сначала тепло, а потом жарко. Он вспомнил Пса. Огромные клыки, мощное длинноногое тело, свалывшаяся местами густая и плотная на

шее шерсть, а где же он? Бобр посмотрел на стоявший поодаль вагончик, представляя, как темнеет воздух, сгущаясь и формируя силуэт. Даже не сомневаясь в действительности придуманной им иллюзии, он смело крикнул:

– Пес. Чернобылец! – и указал на пустое пространство рядом с будкой, бандиты вскинули стволы.

Через секунду там появился силуэт чернобыльского пса, который, зарывав, ринулся на людей. «Ну вот и заработала установка нашими общими усилиями», – спокойно подумал Егор. Пес в секунды миновал половину дистанции и, поймав несколько пуль, вдруг, хлопнув с легким шелестом полупрозрачной, нематериальной, словно надувной пленки, растворился в воздухе.

– Еще один! – крикнул Бобр, показывая на пустое место с другой стороны вагончика.

Через секунду там снова появился силуэт чернобыльца, мгновенно ринувшегося в атаку.

– Пси-атака чернобыльца! – крикнул главарь, оглядываясь.

Внезапно силуэты огромного чернобыльского пса начали возникать со всех сторон. Монолит начал реализовывать наиболее яркие мысленные образы каждого из них. Бандиты отхаркивались огнем, приняв круговую оборону, в любой точке, куда бы они ни посмотрели в поисках пса, возникал силуэт собаки. Егор спокойно сел на землю, глядя в просветлевшее небо. «Профессор был бы доволен, – поду-

мал сталкер. – Среда инициирована, а человек получил реакцию на свои мысли. Причина и следствие человеческой мысли вблизи Исполнителя Желаний. Браво, bravo, профессор». Бандиты действительно были хорошими стрелками, расстреливая короткими очередями фантомы, они ждали, когда же среди них появится более устойчивый фантом, убив которого, они окончат бессмысленную трату боеприпасов. Но вот наконец один из силуэтов, получив несколько попаданий, не стал рассыпаться во вспышке.

– Вот он! – заорал мелкий, садя в не рассыпающегося с первых выстрелов чернобыльца.

Бандиты развернулись, лоя на мушку силуэт мутанта, и открыли огонь. На теле мутанта начали появляться темные точки попаданий, еще несколько дружных очередей, и труп чернобыльца рухнул к ногам обороняющихся. Егор подошел к трупу собаки, да, это был тот самый пес, которого он видел у Лесника, но вместе с тем он знал, что этот же пес наверняка находится возле домика деда и слушает что-то свое, настороженно прядая ушами по направлению к этому заброшенному вагончику.

– Вот тварь, – пнул мертвого пса один из бандитов.

– Ага, сука, столько патронов на него извели, – подтвердил гнусавый.

Мелкий плюнул на мертвое тело. Бобр не смог сдержать недоброго взгляда в сторону Косого.

– Далеко еще? – спросил главарь, глядя на сталкера.

– Не знаю, ПДА нет. Вход в тоннель, там боковая дверь, там схрон, – ответил сталкер.

– Ну и ладно, давай сюда ключ, – протянул руку мелкий. – Сами дойдем, не нравишься ты мне.

– А аномалии сами обойдете? Там на входе засеяно все. Только я могу туда пройти, – спокойно глядя в глаза бандиту, ответил сталкер.

– Верно говорит, – подтвердил главарь. – Ты видел, Косой, как он между воронками гуляет? Еще и болтом не пользуется, так, ногой пнет грязь и идет следом. Нельзя его в расход, может, еще и пригодится.

– Ты же отпустить обещал? – спросил для приличия Егор, делая вид, что и вправду верил в «благополучный» исход, что его нагишом и без оружия отпустят на все четыре стороны в глубокой Зоне.

– Пацан сказал, пацан сделает! – накинулся на сталкера Косой. – А если ты, фраерок сука, партейку тут разыгрываешь, я тебя по аномалиям гонять на карачках буду! Будешь отрабатывать на, понял на? Козел на!

– Понял, понял, – поморщившись, сказал Бобр и отвернулся от вонючего рта мелкого.

– Идем дальше, – скомандовал Толстый. – Давай, сталкерок, не робей, мы прикроем.

«Прикрывайте, ребята, прикрывайте, а я вас прикрывать буду, – подумал сталкер. – Ну, где у нас Борька с Яшкой? Славные отважные ребята, помню, как угощали вас колбас-

кой и хлебцем, а потом Валера вынес вам сало... помните? – сталкер улыбался своим воспоминаниям, в деталях представляя снарков, их рванные противогазы, камуфляжную почерневшую от крови одежду, чувствуя, как внутренний жар начинает переполнять его тело, а в мозгу появилось легкое, но приятное покалывание, как будто заработало что-то давно забытое им, наверное, с самого раннего с детства, когда он верил в сказки. – Где вы? А помните, когда мы сидели в засаде на паука, и ты, Борька, сидел со мной, а Яшка с Лесником, помнишь, Борька, как ты смешно раскачивал своим противогазом? Помнишь. А вот ты где! Привет!» Сталкер еле сдержался, чтобы не помахать рукой двум приближающимся мелкими прыжками снаркам. Теперь, находясь в отчаянном положении, практически нагой, под дулами автоматов закоренелых убийц и ведомый внутренним чутьем, где-то глубоко внутри понявший феномен Зоны, но все еще робко им пользующийся, Бобр дико радовался каждому ее проявлению и правильному пониманию своего внутреннего голоса, который сейчас буквально спасал его жизнь.

– Ты чему, сука, радуешься? – послышался сзади злой голос мелкого, – ах ты ж... – он со всей силы замахнулся прикладом дробовика на сталкера.

– Снарки! – заорали сзади.

Бандиты мгновенно рассредоточились и открыли заградительный огонь. Бобр опять просто сел на землю, не желая смотреть, как будут происходить события, он снова уставил-

ся в светло-серое затянутое легкими облаками небо. Снорки приближались зигзагами, низко пригибая голову к земле. Один из снарков сделал несколько зигзагообразных скачков, уходя с линии огня, приближаясь к одному из бандитов, и прыгнув в невысоком, но длинном стремительном прыжке, с рыком сбил человека с ног. Оба тела, кувыркаясь, упали на землю, раздался крик. Снорк сидел сверху и, накрыв его своим телом, крошил ударами кулаков в дребезги голову. В это же время второй снорк, вылезший откуда-то сбоку, прыгнул на главаря, на лету лоя очередь от его автомата. Сбитый в полете, но не получивший обездвиживающих повреждений, он приземлился в паре метров от Толстого, тут же прогремело несколько торопливых выстрелов из дробовика сталкера, еще одна очередь, и снорк, заметно замедленный и ослабленный, в последнем коротком прыжке прыгнул на главаря, наткнувшись на его нож, выставленный вперед и удерживаемый двумя руками. Руки снорка, обмякшего и повисшего на ноже, сделали последнюю попытку дотянуться до горла бандита и безвольно упали вниз, через секунду с ножа соскользнуло все тело. Второй снорк, сидящий на мертвом бандите, был застрелен очередью в упор, начавшейся с лопаток и дошедшей до затылка, разнеся голову на кусочки.

– Пиндец Рыжему, – сказал один из них, разглядывая мертвого товарища.

– Кабаны, – вдруг заорал мелкий, оторвав взгляд от ПДА. Действительно, три секача вынырнули из-за холма, по-

тревоженные выстрелами, и, наклонив лобастые головы, на крейсерской скорости двинулись на группу людей. Бобр спокойно смотрел на этих мутантов, чью ярость и силу он знал не понаслышке. Бандиты, сгруппировавшись в линию, сосредоточили огонь на первой особи. Мутанты перешли в галоп, но пули, выпущенные в первого зверя, сделали свое дело, он начал, прихрамывая, спотыкаться и отставать от обгоняющих его двух других особей. Разогнавшиеся два мутанта с визгом атаковали двух выбранных бандитов. Ими оказались мелкий и гнусавый. Оба технично сделали шаг в сторону, пропуская зверей, кабаны пролетели мимо и по инерции пробежали дальше. Поворачиваясь, они оказались боком к стрелкам. Одному из секачей тут же прицельно заложили длинную очередь под лопатку, хрюкнув, он уткнулся рылом в землю и затих. Второй развернулся несколько резче, и часть пуль прошла мимо, не нанеся смертельных повреждений, но скорость его замедлилась. Он вновь атаковал мелкого, к которому в тот же момент уже добегал первый секач, так и не остановленный концентрированным огнем из четырех стволов. Мелкий сделал шаг в сторону от секача, нападавшего на него спереди, и попал на клыки добегающего сзади мутанта. Его тело взлетело в воздух, он отчаянно заорал и с глухим стуком ударился оземь. Оба подранка были добиты экономными очередями и, наконец, затихли в нескольких метрах от людей.

Воцарилась тишина, умеренный ветер напевал свою сво-

бодную песню в сухой траве и шевелил шерсть мертвых мутантов, громадными горами спящего мяса лежавшими на земле. Бобр встал. Мелкий застонал, лежа в неестественном положении, лицом уткнувшись в землю, а коленями стоя на земле, одна нога была разодрана выше колена, но, судя по всему, артерия не задета.

– Сталкер, сука, я тебя... а-а... – застонал он тонким голоском, не имея сил сменить позицию.

Бобр усмехнулся.

– Я бы на твоём месте ничего не обещал.

Главарь подошел к мертвому бандиту, которому snork раскрошил лицо. Снял рюкзак с «Севой» и достал контейнер Бобра с «душой».

– На, – кинул он контейнер мелкому. – Кто калечит, тот и лечит. Житуха, помоги Косому.

Житуха открыл контейнер, взял «душу» и положил мелкому на шею. Через минуту тот заохал.

– Ох, мужик, ну сука, ну щас я тебя разделаю, щас ты у меня узнаешь, ох, – застонал он, меняя позицию с собачьей, которая нюхает свои испражнения, на сидячую человеческую. Разбитый лоб его заживал на глазах, распоротая нога переставала кровоточить, – щас я тебя, погоди, погоди... – кривясь и пытаясь встать, приговаривал мелкий.

Наконец, ему удалось встать, придерживая одной рукой потускневший артефакт на лбу, он со всего маха ударил сидящего Бобра ногой, целясь в голову. Бобр слегка отклонил-

ся в сторону, и нога пролетела мимо, чирком зацепив лишь плечо. Косой не удержался на поврежденной ноге и со всего маху с глухим стуком приложился затылком оземь. Артефакт выкатился из его руки, он потерял сознание. Главарь покачал головой, поднял артефакт и сунул его лежащему в руку. Через несколько секунд мелкий заскрипел зубами и застонал.

– Казлина тупая, а-а-а, параша мля, педрила на... я тебя... сука-а-а, – стонал он, лежа на земле, – убью... на... а-а-а.

Бобр вздохнул своим мыслям, глядя на это полусущество.

– Не убейся только в следующий раз, когда убивать будешь, а то на следующее лечение артефакта может не хватить, – равнодушно, но вполне серьезно посоветовал Егор. Ему теперь просто было интересно, чем же кончится, как он видел теперь, эта заведомо проигрышная для бандитов комедия. Прележав, вздыхая на все лады, еще десять минут, мелкий встал и поплелся к рюкзаку сталкера. Достал оттуда консервы, хлеб, отвернулся от всех, ссутулился и начал есть, чавкая и всхлипывая.

– Привал, – глядя на это, скомандовал главарь и сплюнул.

Трое бандитов ели стоя, оглядывая окрестности. Сталкеру они, конечно, ничего не предложили. Как ни странно, Егор практически и не хотел есть, волны легких вибраций, проходящих через его тело, словно отключили все реакции организма, он не чувствовал голода, жажды, холода, боли, усталости. Ему было комфортно и спокойно.

– Пошли, – скомандовал Толстый.

После того, как четверка пообедала и раскидала мусор, тут же рядом с мертвыми мутантами и мертвым товарищем, которого они, обыскав, оставили лежать на земле, они отстегнули с трупа комбинезон «Сева», свернутый в рулон, и перевешали его на Житуху, на что он побурчал, но, получив многозначительный взгляд от главаря, заткнул пыхтелку. Бобр легко встал и направился в сторону все еще невидимого тоннеля. Придумывать новые нападения, чтобы совсем покончить с бандитами, он не торопился. Он чувствовал, что они в таком состоянии духа, который будет противиться всякому проявлению агрессии, то есть они просто не хотят встречаться еще с какими-либо мутантами, драться или как-то по-другому проявлять себя. Даже мелкий затих и молча шел за Толстым, не проявляя обычной суетливости. Бандиты полагали, что Зона взяла на сегодня с них свое и теперь они могут идти спокойно.

«Тушканы, – как-то равнодушно подумал Егор, наблюдая мелкие катышки испражнений этих опасных зверьков, рассыпанные в траве. – А, мы на их территории, и пройдем немного дальше», – прикинул сталкер, выбирая направление в сторону наиболее засеянной продуктами жизнедеятельности почвы. Через несколько минут он увидел в отдалении стоящих на задних лапках возле пучков засохшей травы дозорных. «Ну вот и вам здравствуйте, ребята», – мысленно обратился он к зверькам, не испытывая ни грамма испуга. Ско-

рее, ему показалось, что тушканы сделают ему одолжение, если соизволят заинтересоваться идущими над их гнездом людьми. Прошло еще несколько минут, и сталкер уже подумал, что колония не хочет реагировать на скрипящих гравием над их головами пришельцев, как заметил, что единичные столбики возникают то тут, то там, опускаются на землю и ползут в сторону людей. «Окружают», – спокойно подумал Егор и сбавил шаг.

– Чего встал? – грубо спросил идущий в трех метрах от него главарь.

– Камушек ногу натирает. Можно убрать? – спросил Бобр, не оборачиваясь.

– Давай быстро!

Идущий сзади главаря мелкий что-то невнятно и недовольно забубнил. Бобр сел на землю и расшнуровал битый ботинок.

– Мать моя... – раздалось сзади растерянное.

Земля, казалось, вздыбилась и покрылась бегущими телами. Бандиты, заорав, испуганно паля, бросились убежать. Шансов у них не было. Сотни прыгающих в высоту человеческого роста зверьков быстро сокращали расстояние. Серой, по-своему вдруг запищавшей массой они атаковали убегающих бандитов. Одни прыгали на спину, другие повисали, сомкнув челюсти на ногах, третьи на ходу бросались под ноги. У главаря Бобр заметил с десятков тел на рюкзаке, один из бандитов упал и, дико крича, держась за лицо руками, катал-

ся на земле. «Нет, не такой конец должен быть у них – подумал Егор, – слишком просто, они еще должны Зоне. Стоять!» – внутренне громогласно закричал он атакующей людей колонии. В ответ ему раздалось многочисленное «нет», не голосом, но неприятием его сигнала, вдохнув глубже, он, раскинув руки в стороны, ощущая проходящие через себя волны Монолита, тихо произнес:

– Отпустите их... они... мои.

Серая масса на секунду застыла, безумный писк прекратился. Валяющиеся на земле окровавленные люди продолжали перекатываться и держаться за лица. Одежда их была прокутана во множестве мест. Наверное, они уже умирали. Тушканы схлынули серой массой, несколько зверьков перепрыгнуло через сидящего сталкера, задев его лицо теплыми хвостами. Бандиты теперь были совсем другими. Прокусанные пальцы, подъеденные уши, носы, губы, все заливала алая кровь. Бобр просто лег на спину, разглядывая небо. Он теперь мог свободно смотреть на ситуацию сверху, не пользуясь своими глазами, это было зрение Зоны. Он чувствовал, что подключен к ней, он физически ощущал вибрации Монолита, он чувствовал волю Зоны и не находил в ней злого умысла. Через некоторое время лежащие на земле люди начали приходить в себя. Косой ползком полез за контейнером с артефактом, в котором лежала уже наполовину разряженная «душа». Толстый смог встать чуть-чуть раньше и несколькими сильными ударами ноги, выбивая из Косого

пыль и воздух, откатил подельника от контейнера с артефактом. Достав «душу», он приложи ее к лицу. Косой, закашлявшись, пополз к Толстому и, протянув окровавленную руку, порванными губами, слипающимися от крови, прошептал:

– Дай... – На что получил прямой удар ботинком в лицо. Откатившись, он затих. Два других бандита, гнусавый и Житуха, достали свои аптечки и трясущимися руками кололи себе лекарства, стимуляторы и обезболивающее. Косой лежал поодаль, скрутившись винтом, а теперь еще и с вбитыми внутрь зубами. Полностью восстановив свое здоровье, главарь сплюнул, посмотрел на перевязывающихся партнеров, на уже почти потухший артефакт, на Косого, все также лежащего без сознания. Потом сплюнул еще раз и вложил артефакт в руку Косого. Сам достал паек, повесил дробовик Бобра себе на плечо и, стоя, принялся жевать. Косой, пролежав несколько минут, застонал, артефакт стремительно угасал в его руке. Прошло еще несколько минут, кровотечение остановилось, укусы начали затягиваться, образовав лиловые шрамы. Артефакт «душа» почернел и окончательно умер в его руке. В отличие от главаря, лицо и тело которого полностью восстановилось и шрамы исчезли, лицо Косого представляло собой безобразную маску с крупными полукруглыми лиловыми шрамами. Он провел рукой по лицу и, скривившись, посмотрел на черный безжизненный легкий камень в его руке.

– Падла, – сказал он артефакту и выкинул его в сторону.

Два других бандита перебинтовали руки и головы, оставив только щели для глаз и рта. Бинты намокали кровью. Сняв с себя камуфляжные штаны, они обрабатывали места укусов медикаментами, шипя и переругиваясь. Косой обезображенными пальцами полез в рюкзак за едой, достал колбасу и хлеб. Отвернувшись от всех и ссутулившись, он надкусил палку колбасы.

– Ш-у-у-ка-а-а!!! – закричал он, вытаскивая изо рта окровавленную колбасу, в которой торчали четыре его передних зуба.

Спустя некоторое время, когда бандиты уже зализали раны, а как-то сразу еще более помельчавший мелкий взял вместо присмотренного им дробовика, который теперь забрал себе главарь, пистолет-пулемет, Бобр решил появиться. Его появление живым и невредимым повергло бандитов в шок. Держа его на мушке, у всех четверых дрожали пальцы на спусковом крючке. Главарь долго проглатывал вдруг пересохшую слюну перед тем, как сказать хоть слово.

– Ты кто? – наконец хрипло спросил он, дергаясь всем телом, держа Бобра на мушке его дробовика.

– Кто, кто, дед Пыхто, – ответил сталкер, не затейливо крутя в руке гнутый электрод.

– Да ты че, музык... – начал было мелкий, но неуверенно посмотрел на главаря и остановился.

– Я к схрону иду, мне по другому никак, не хотел, чтоб

вы в спину стреляли, вот и вышел, – просто ответил сталкер, глядя в сторону.

– Да я тебя... – начал Косой, снимая «Глок» с предохранителя и делая шаг навстречу к Егору. – Фука, падва!

– Не советую шуметь и задерживаться. Щас стрельнешь разок, тебя по-новому жрать начнут, живьем, – спокойно сказал сталкер.

Перемотанные кровоточащими бинтами бандиты, стоявшие сзади, испуганно замычали.

– Косой, уймись на! – в полголоса приказал главарь. – Пошли! – он махнул дробовиком в сторону Егора.

Сталкер развернулся и пошел. Ветер трепал его волосы и одежду, он продолжил путь, обходя издали аномалии, срезая расстояние между ними, с интересом обозревая суровые окрестности. Ведь он здесь еще не был, суровая красота этого места восхищала и радовала сталкера. То здесь, то там разбросанные валуны, совсем немного человеческого мусора, пожухшая степная трава, волнами пропускающая сквозь себя освежающий его легкое и разгоряченное тело ветер, тишина... Следующие за ним люди продолжали тащить на себе весь свой скарб, главарь так же держал спину сталкера на прицеле, но сталкер чувствовал, что делает он это ради приличия, внутри он боится его и Зоны, которая снова, уже по-другому, готова принять его. На самом деле главарь чувствовал бы себя легче, если бы ему не нужно было держать сталкера на мушке, а он мог просто идти следом, не глядя по сто-

ронам. Косой, шедший сзади, то и дело спотыкался, его частично восстановленное артефактом тело осталось обезображенным. Шедшие позади два бандита, перемотанные бинтами и излучавшие море страха и сильнейший запах крови, боялись настолько, что Егор, разглядевший верхним зрением с позиции наблюдателя невдалеке группу слепых псов вместе с матерым чернобыльцем, с трудом остановил их от нападения. Они так и прошли мимо стаи, не заметив ее. Слепыши лишь вытянули слепые морды и, жадно принюхиваясь, проводили группу незрячими глазами. Последние два бандита с трудом тащили собственную поклажу и комбинезоны сталкеров, когда один из них завел разговор, чтобы повесить все на сталкера, главарь лишь рыкнул.

– Я тебе сколько раз говорю, сиганет мужик в аномалию и плакали наши денежки. На хрена мне надо, чтобы товар пропал? Тащи на молча на! Там и твоя доля есть, – говорил главарь, но Бобр знал, что Толстый уже не верит, что сталкер сиганет в аномалию, чтобы избавиться от возможных мучений и сделать бандитам козу, уничтожив знатный хабар.

Но порядок должен быть порядком, если Толстый сказал тащить, значит, надо тащить. Бугор заднюю в правильном деле не включает. Сам же главарь чувствовал, что сталкер чувствует себя гораздо спокойнее, чем все попадавшие до этого к ним в руки люди. Это спокойствие напрягало его больше всего. Единственная его надежда была дойти до общаковского схрона, куда их ведет мужик, а там уже отдохнуть, сделать

засаду и продолжать принимать мужиков, идущих из дальних ходок с хабаром. К тому же до их ближайшего схрона уже дальше, чем до тоннеля, значит, и дорога теперь только одна.

Продвигаясь дальше вглубь Зоны, замыкающие бандюки заныли. Им было тяжело. Они потеряли много крови, а обезболивающее отпускало, и боль в десятках неглубоких ран разгоралась с новой силой. Обернувшись, Бобр увидел, что у обоих замыкающих бандитов начинается заражение крови. Они, конечно, еще продержатся некоторое время на инъекциях и антишоковых, но без артефактного лечения тут не обойтись, даже современный медицинский центр, будь он здесь, наверное, уже не смог бы им помочь. Главарь командовал привал, и пока замыкающие делали себе уколы и меняли бинты, он молча сверлил сталкера взглядом, пытаясь разгадать этого человека. После короткого привала они продолжили путь. Сталкер в очередной раз сдержал заинтересовавшееся людьми большое стадо кабанов вперемежку с плотями. Он видел тоннель каким-то новым появившимся чувством, он все больше понимал, что ему нужно именно туда, прикидывая своим внутренним и в то же время внешним взором расстояние, до него оставалось совсем немного.

Через час пути, когда скорость колонны значительно упала по причине отставания замыкающих, за холмом, на вершину которого они взобрались, показался тоннель. Приближаясь к нему, сталкер увидел десятки извивающихся электр,

гравитационных аномалий, несколько симбионтных гибридов, не встречавшихся ему ранее. Преломляющийся воздух настолько искажал вид, что рассмотреть подробности входа в тоннель через поле аномалий не представлялось возможным. Единственное, что было видно, это то, что стены тоннеля уже внутри жадно облизывало пламя жарок, подсвечивая мрачным темно-красным светом своды тоннеля.

– Ты че, кожел? Ты куда наш привел? – снова вскинулся мелкий, пытаясь разглядеть хоть подобие прохода среди аномалий.

Бандиты в недоумении застыли. Бобр и сам никогда не попытался бы даже приблизиться к этой гудящей и искрящей стене, в любом костюме, хоть в «Севе», хоть в скафандре космонавтов. Но сейчас это не то, что было несколько дней назад. Многое поменялось... или даже больше, чем многое. Главарь с сомнением и недоверием посмотрел на сталкера.

– Тут?

– Там, – ответил Егор, показав в глубь размытого контура тоннеля, выглядящего черным входом в преисподнюю.

– Пройдешь?

– Спрашиваешь, тут даже первоклассник пройдет, – Бобр усмехнулся. Сейчас ему это было необходимо. Ему нужна была уверенность, что он пройдет, и Монолит должен услышать его уверенность. – Ну что, вы со мной сразу или подождете, пока я пройду?

Главарь отпрянул.

– Давай сам и это... помедленнее, чтоб мы запомнили.

– Хорошо, – ответил сталкер. – Надо настроиться.

Он сел и закрыл глаза, внутренним взором оглядывая поле. Несколько раз он представлял себя фантомом и пытался пройти через фронт в нескольких местах, но фантом, пройдя несколько метров вглубь, неизбежно взрывался, заставляя сталкера вздрагивать.

– Чего это он? – спросил Косой Толстого, испуганно глядя на Бобра.

– Готовится, не видишь? – цикнул главарь. – Ща пойдет на фабрикаты.

Бобр тем временем, выделив из себя еще один фантом, мысленно наполнил его проходящей через него от Монолита вибрацией. Так он вдруг гораздо лучше почувствовал свое незримое тело. Оно будто само или по указанию Монолита сделало несколько шагов вправо, присело на землю и медленно поползло вглубь аномалий. Бобр чувствовал, как оно перебирает руками и ногами, вот горячий камушек под ладонью, теперь правее, вот под коленом скрипнул крупный песок, теперь еще правее, вот тут твердая уплотненная земля, левее, так, теперь чуть-чуть прямо, воздух стал прохладнее и свежее, теперь еще маленько вперед и аккуратно перешагиваем маленькую жадинку, делаем шаг в сторону. Разводим руки, проверяя пространство, чисто. Прошли! Бобр вздохнул полной грудью и открыл глаза.

– Ну что, пших, готов? – зло спросил мелкий. – Давай,

придурок, не обгадься шо штраху.

Егор медленно встал, подошел в выбранному месту, закрыл глаза встал на колени, выключил сознание и звук шипящих и беснующихся рядом аномалий, включил ощущения, оставшиеся в ладонях, теле и ногах, и пополз. Вот он, горячий камушек под рукой, сталкер улыбнулся, не открывая глаз, привет, ага, вот и песочек, прожженный до скрипа, ура! Вот твердая, словно скорлупа, площадка, здравствуй, здравствуй, свежий ветерок на щеке, встаем, вот жадинка, красиво светящаяся, словно морской еж, белым светом, перешагиваем, раздвигаем руки в сторону, чисто. Прошли! Егор открыл глаза. Отсюда его разделяло около десяти метров до кучки бандитов, неуверенно переминающихся с ноги на ногу на той стороне.

– Я прошел, – крикнул Егор.

Среди бандитов возникло движение. Главарь толкал мелкого вслед за сталкером.

– Я на такое не подпишывался! – орал тот.

– Лезь, сука! – угрожал главарь.

– Да я же коншусь тут, ты видел, как он полж? Он же жаговоретный! – кричал Косой.

Главарь вместо ответа ударил мелкого по лицу, тот упал. Толстый нагнулся и схватил его за воротник, и потащил к проходу.

– А-а-а! Не надо, я шам! Я шам! – истошно заорал тот.

Главарь отпустил его, напоследок присыпав песком, вы-

битым ударом ноги из земли.

– Вы там не бросайте ничего, включится – мало не покажется, – пообещал Бобр, делая пару шагов назад.

Косой испуганно замер, глядя в проход между аномалиями, между которыми были видны следы Егора. Обреченно обернулся и со слезами сказал:

– Толстый, ну не надо, Толстый!

В ответ Толстый лишь передернул дробовик Бобра и направил в спину Косого.

– Шука, – обреченно сказал Косой и, плача, пополз к Егору.

Несмотря ни на что, мелкий сноровисто лез по следу, уткнувшись лицом в землю, чтобы не потерять нить из виду, наконец, он добрался до жадинки. Почувствовав свежий воздух, он встал, на его беззубом лице появилась радостная улыбка. Разглядев сталкера, стоявшего поодаль, он открыл свой окровавленный рот и прошипел:

– А-а-а-а, кажлина тупая, швалить от нас хотел? Шука, ты мне жа все ответишь... мы тебя, шука...

При этом он одной ногой встал в жадинку. Сталкер порывисто двинулся к нему, мелкий в ужасе закрыл руками лицо и голову, присев и отвернувшись в сторону. Бобр схватил его за шкварник и с силой дернул на себя. Неожиданно легкое тело мелкого полетело на сталкера, он не удержался, и оба рухнули на пол. В жадинке остался один из ботинок мелкого.

– Эй, че там у вас? – крикнули снаружи.

– Кажел, ботинок мой жадинке шкормил, шука! – крикнул Косой подельникам.

Главарь, оглянувшись, выдохнув и прошептав что-то про себя, встал на колени и пополз следом. В отличие от мелко-го, он полз не так быстро, внимательно смотря, куда ставили руки и ноги. Через пять минут он был на месте, увидев ботинок Косого, он перешагнул его, встал рядом с мелким, свистнув остальным, бледность сходила с его лица. Двое других бандосов, навьюченные, словно ослы, кряхтя и постанывая, также проделали весь путь, обойдя ботинок и тяжело дыша. Болезненная серость разлилась по их лицу, участки которого проглядывали под сползшими бинтами, было видно, что заражение идет полным ходом, и им двоим осталось не долго стоять на ногах.

– Ну что, сталкерок, показывай, где схрон, – сказал главарь, качнув дробовиком.

– Ща отдохнем, пашаны, – обрадовался мелкий. – Э, мужик на, у тебя там водяра ешт?

– Есть, есть, – ответил сталкер и двинулся в глубь тоннеля.

В темноте тоннеля загорелись четыре фонаря бандитов, освещающие пространство спереди, пол и стены. Бобр смело пошел вперед. Легкий писк в ушах вызвал лишь волну радости. «Вот он я. Я пришел!» – с облегчением, мысленно крикнул сталкер. Писк в ушах вдруг стал оглушительным и одновременно бесшумным. Руки и ноги медленно останови-

лись. Из темноты выступила фигура человека, перемотанная бинтами, в синих изорванных джинсах, фонари на секунду осветили создание.

– Контролер! – раздались полные ужаса крики сзади.

Кто-то даже успел выстрелить в пол, эхо выстрела еще некоторое время толкалось в тоннеле, затем под мрачными сводами воцарилась тишина, пробиваемая лишь четырьмя налобными фонариками бандитов. Контролер рывком вынул ментальные проекции людей на себя. Перед главарем появилась такая же фигура главаря с дробовиком в руке и автоматом на плече, просвечивающаяся грязно-желтым и темно-красным с синими дымными прожилками, перед мелким появилась такая же фигура мелкого, с изуродованным лицом и наполовину вытасненным пистолетом из кармана, его фигура просвечивала коричневым, неуловимо неприятным светом, два бандита сзади также стояли, покачиваясь впереди своих тел с прозрачными рюкзаками на плечах и замотанными в бинты лицами, они светились бледно-серым цветом смерти. Бобр также обнаружил себя, стоящим впереди тела, в раздолбанных ботинках, подштанниках и майке, он светился спокойным желтым светом, от его груди и головы тянулись еле заметные дрожащие лучи малинового цвета, стремившиеся в сторону ЧАЭС. Видимо, только сталкер мог наблюдать за всей картиной, находясь в сознании. Он поднял руку и с удивлением рассмотрел ее полупрозрачное содержимое, затем улыбнулся и посмотрел на контролера.

Тот смотрел на него и сквозь него, в его темных бездонных глазах не читалась ни одна мысль, он медленно подошел к проекции сталкера, поворотом головы проводил уходящие в сторону ЧАЭС малиновые нити. Отвернулся. Легким усилием он позволил призраку главаря свободу действий. Призрак очнулся, увидел контролера и прозрачного сталкера, он что-то беззвучно заорал и, выхватив прозрачный дробовик, открыл бесшумный огонь, одновременно меняя позицию. Дождавшись, когда главарь разрядит прозрачный дробовик, контролер махнул рукой, и ментальная проекция главаря разбилась, словно стеклянная статуя, сделанная из тонкого цветного стекла, но осколки не упали вниз, они полетели сквозь стену, постепенно уменьшаясь в размерах. Тело главаря осталось стоять, светя фонариком в пустоту. Следующим он дал свободу мелкому. Призрак Косого, придя в себя, в ужасе беззвучно заорал и попятился назад от контролера, затем, увидев сталкера, упал на колени и пополз к сталкеру, беззвучно рыдая и умоляя о пощаде. Егор лишь покачал головой и указал пальцем на контролера. Косой все понял, он подполз на коленях к мутанту, кривя свой беззубый рот, пытался схватить его за ноги, но проваливался сквозь них, стоя на коленях и горестно заломив руки, он страстно о чем-то молил контролера. Тот ответил ему что-то, слышимое только мелкому, он закивал головой и принялся целовать ноги. Контролер шевельнул пальцем, и мелкий застыл, стоя на коленях лицом в земле. Затем контролер дал свободу

сначала одному, потом другому бандиту. Один, увидев картину, схватился за автомат и открыл беззвучный огонь, дождавшись, когда он выпустит всю обойму, контролер легким взмахом руки разбил его. Второй бандит, увидев контролера и свое тело, стоящее позади него, бросился бежать, но, пробежав несколько шагов, повинувшись короткому взмаху руки мутанта, разлетелся на прозрачные кусочки, которые полетели в сторону аномалий, постепенно уменьшаясь в размерах. Наконец, контролер обратился к сталкеру.

– Кто ты? – беззвучно спросил он.

– Я человек, я сталкер, – также ответил Егор.

– Ты знаешь, кто я?

– Да, я знаю, кто ты. Ты Страж Монолита.

– Ты разрешишь смотреть тебя? – также беззвучно спросил Страж.

– Да.

Контролер протянул когтистую руку к голове сталкера. Рука, ощущаемая прозрачной головой, была теплой и мягкой. Перед глазами Егора побежали картины его детства, сначала медленно, потом быстрее и быстрее, скоро он перестал успевать различать их, они замелькали с такой скоростью, что ему показалось, что он падает в бесконечную пропасть, все ускоряя свое падение. Наконец, картинки остановились. Сталкер знал, что Страж отследил каждый день его сознательной и бессознательной жизни, каждое чувство, каждую эмоцию, вплоть до последних секунд, когда он был

еще в своем теле. Контролер выбрал одну картинку и показал ее человеку. Картинка вдруг ожила и стала показывать, как сталкер в легкой куртке новичка с одним пистолетом в руке спрыгивает со старого грузовичка. Возле грузовичка валяется куча мертвых слепых псов. Сталкер через прицел оглядывает тела, скоро он заглядывает под машину и видит там слепого пса с простреленной грудью, из которой пузырится кровь. Человек направляет оружие на голову мутанта, проходит секунда, другая, вдруг сталкер опускает оружие, оглядывается и уходит, оставляя мутанта жить.

– Я разрешаю тебе пройти к Монолиту, – сказал Страж.

– Но мне не нужен Монолит, у меня есть все, что мне нужно, и еще меня ждет друг.

Контролер достал еще одну картинку: замерзающий человек сидит босиком возле камня в нижнем белье, сверху на него льет дождь.

– Валера! – крикнул Егор, так явно вдруг увидел он эту картину.

Замерзающий человек поднял вверх голову, глядя на сталкера, и одними губами на бледном лице сказал: «Я жду, Бобр, торопись».

Контролер кивнул и взмахом руки вбил обратно проекцию сталкера в его тело. Бобр со стоном вдохнул. Четыре человеческих тела все так же стояли в тишине, светя фонарями. Но со зрением Егора что-то случилось, он увидел контролера и проекцию мелкого, застывшего в целующей землю

позе. Контролер вновь вернулся к мелкому, дал ему свободу. Проекция зашевелилась и начала что-то жарко шептать контролеру. Контролер спросил его о чем-то, тот закивал головой. Контролер наложил руки на голову мелкого, проекция его замигала. Другой рукой Страж сделал несколько пассов над головой Косого и, встряхнув рукой, выкинул грязный коричневый ком растекающейся жижи. Она ударилась о стенку и осталась лежать. Бобр моргнул. Коричневая жижа исчезла, а проекция Косого засветилась чистым желтым и голубым светом. Контролер взмахом руки вбил проекцию Косого в его тело. Тело упало на землю и часто хрипло задышало.

– У-у-у, – начал издавать звуки мелкий.

Через минуту он задергался и встал на четвереньки. Бобр явственно видел свечение уже физического тела Косого. Мелкий встал на четвереньки и запрыгал, радостно ухая и стуча себя в грудь кулаками, затем, раскачавшись на месте, он сделал длинный прыжок и боком подскочил к сталкеру, его голова уперлась Бобру в колени, он мычал и гладил разбитые ботинки.

Бобр достал из рюкзака, висевшего на спине у мелкого, противогаз и подал ему.

– У-у-у-у-у! – обрадовался тот и натянул противогаз на обезображенное лицо прямо поверх фонарика.

– Ну что, Мелкий, – спросил Егор снарка, – пойдем выручать товарища?

– У-у-уа, у-у-а! – ответил тот восторженно.

Бобр вытащил у стоящих тел свой комбинезон, снаряжение, забрал берцы, при этом тело бандита опрокинулось назад, но это было ему уже безразлично. Снял с другого бандита все снаряжение ученого и перевесил на снарка. Затем, подумав, забрал дробовик.

– А то долговцы неправильно поймут, – произнес он про себя, чувствуя безмолвный вопрос контролера.

Он вздохнул, открыв контейнер с лежавшей там «снежинкой». Прикрепил ее в специальный карман, чувствуя охватывающую его тело небывалую легкость.

– Давай, Мелкий, понеслись. Валера долго ждать не может.

Сталкер и снарк побежали в сторону выхода в наступившую ночь. Зона поливала дождем пустынные земли, смывая с них кровь, боль и усталость дня.

Кучка людей, пуская слюну, нетвердой, шаркающей походкой двинулась за широкой спиной контролера вглубь тоннеля.

Свет налобных фонарей постепенно померк в глубине его свода.

* * *

Обложка создана специально по заказу автора, художником Дмитрием Новочадовым.